

Игорь Муханов

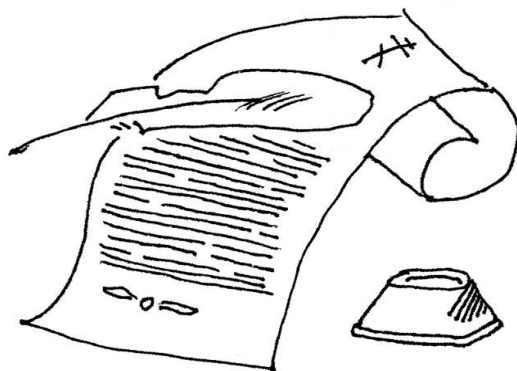
СКАЗЫ И БАЙКИ ЖИГУЛЕЙ

Литературная премия имени Сергея Есенина «Русь моя»

Игорь Муханов

СКАЗЫ И БАЙКИ ЖИГУЛЕЙ

2022

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-5
М 92

Художник — Владимир Максимцов

М 92 Муханов И.Л.

Сказы и байки Жигулей. Региональное
отделение Алтайского края Общероссийской
общественной организации писателей
«Общероссийское литературное сообщество».
— 2022 г. — 372 с.

ISBN 978-5-9908164-2-8

Книгу, написанную на основе сказок, преданий и легенд, собранных автором в Жигулях, без всяких преувеличений можно назвать новой. Ибо печатная буква незнакома большинству входящих в неё произведений. Книга лишний раз подтверждает слова русского мыслителя Даниила Андреева о том, что народы, пока они существуют, «не завершают творения своих мифов никогда. Меняются формы выражения... от анонимных творцов фольклора и обряда задача мифотворчества переходит к мыслителям и художникам... но миф живёт.

Живёт... наполняясь новым содержанием, раскрывая в старых символах новые смыслы и вводя символы новые — разнообразно более высокой стадии общего культурного развития...»

Вместо предисловия

В Подгорах у моих родителей был летний дом.

Рядом жил Михаил Фадеевич Богданов – старик, любивший по вечерам рассказать что-нибудь про старину. Вот я и приохотился слушать от него разные сказки.

Ещё Сашка Зябрев, которого звали в народе Норсулфазол, умел интересно рассказать.

Пётр Михайлович Иванов, библиотекарь, сотрудничавший в те годы с районной газетой, умело масло в огонь подливал. К великому огорчению, его задавило потом брёвнами, съехавшими с прицепа, когда трактор спускался с горы...

Постепенно я этими сказками увлёкся, стал по всем Жигулям собирать.

Зимою работал в городе, копил деньги. А ранней весной, в апреле, ездил в Жигули, непременно в какое-нибудь новое село, и снимал там на все летние месяцы домик.

Однажды, когда мои сказки уже в печати появляться стали, приехал в село Александровка, чтоб домик там снять. У кого спросить, ведь никого здесь не знаю? Увидел школу и направился к ней.

В учительской строгие женщины сидят. Рассказал им о цели своего приезда, а женщины смотрят на меня косо, подозрительно.

— Так ваша фамилия Муханов?

— Да.

— А паспорт свой, извините, показать можете?

Я дал свой паспорт, женщины куда-то ушли.

Через короткое время приходят с директором и завучем. Вручают мне паспорт, улыбаются.

— Извините, товарищ Муханов. Мы думали, что вы сто с лишним лет назад жили. Пройдите, пожалуйста, в соседний класс: там по сказкам, которые вы собрали, дети спектакль репетируют...

Так вот эти сказки и собирал.

Игорь Муханов

Часть I

**Подгорские
сказания**

БЕЛЬСКОЕ ДОСТОЯНИЕ

Михал Фадеича Богданова, подгорского старосту, который своими очками и бородкой на всесоюзного старосту Михал Иваныча Калинина был похож, небось, знали? Ах, да, ведь он ещё до вашего рождения умер... Хороший был староста, нечего сказать. Не человек, а чаша радости для всех встречных-поперечных! И ведь не жадный, совсем не жадный Михал Фадеич был, а тоже на деньги, зарытые разбойниками в Жигулях, однажды позарился... Хотите услышать об этом историю? Что ж, готов рассказать!

Отправился как-то раз Михал Фадеич в Жигули. В самое, как он любил выражаться, их сердце. По грибы, на охоту или так, на всекра-сочный день полюбоваться, про то неизвестно. Ну и сморило его к обеду на какой-то поляне. Прилёг Михал Фадеич в тень, под лесовитый кустарник, и только интересный сон посмотреть собрался, как падает, истинно падает на ту поляну облако. Сходят с того облака трое мужей с блескучими лицами. Один из них и говорит:

– Снова разбойничий клад нас примагнитил! Другой, постучав под ногами посохом, отвечает:

– Вот тут, именно тут он и зарыт!

– И чего только Жигуль, Покровитель гор Жигулёвских, клады эти в ад никак не спустит? – удивляется третий. – Вот разобьют они когда-нибудь нашу лодку, крепко тогда ему от Бога, Покровителя всех Лодок, достанется!

Сказали так мужи, вытерли о то место, где клад был зарыт, свои сапоги и снова взобрались на облако. И комара, давно уже трудившегося на его носу, Михал Фадеич не успел прихлопнуть, как облако то присоседилось к другим, летевшим по небу облакам.

Народ, живущий в Жигулях, весьма, следует заметить, особенный. Со времён Стеньки Разина всякий там уксус, скажем, приемлет, а уксусное настроение – нет. Потому не стал Михал Фадеич, разговор трёх мужей ненароком подслушавший, время на поиски лопаты терять. Сломал на берёзе сук потолще и откопал им в указанном месте клад.

Открыл Михал Фадеич крышку сундука – кольцами, серьгами, браслетами и бусами всех

сортов в глаза ему блеснуло! Однако один неоплатный долг сии сокровища и принесли...

Вскоре, ровно в полночь, ворвалась в избу, в которой жил Михал Фадеич, не то толпа чертей, не то людей со страшными масками на лицах. «Читай, – говорят ему, – отходную молитву!»

Подгорский староста, все плюсы и минусы своего положения тут же в уме подсчитавший, не стал перечить гостям. Почесал свой затылок и отдал целиком, как было, найденный в горах сундук. Потащила нечисть тот сундук, свистя и улюлюкая, снова в Жигули. Им, чертям, рассказывают знающие люди, все клады, зарытые в Жигулях разбойниками, принадлежат!

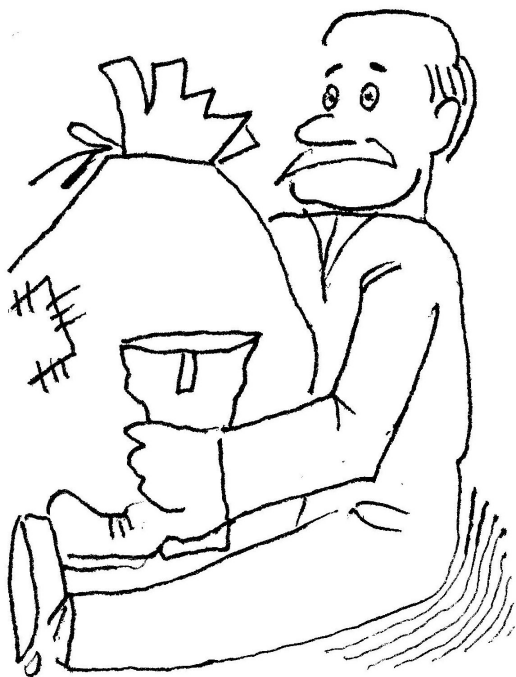
Ударился после этого случая Михал Фадеич в строгую веру. Училище-мучилище устроил себе. Стали его все книжником да правильником звать на селе. Худого, конечно, искать в этом не нужно. Кто же про веру, несущую людям свет, худое скажет? Да только радость плескучая, что в нём прежде жила, ушла куда-то. Ровно кто подгорского старосту подменил: с год, считай, ходил по селу кислоглазым!

И вот потребовалось Михал Фадеичу снова отправиться в Жигули. Жердей для починки

крыши привезти нужно было. Запряг Михал Фадееч свою ледащую лошаdёнку и отправился в путь.

Не успел подгорский староста ближайшую гору одолеть, как накрыла его густая, с махровыми краями тень. И следом упал под ноги сундук, который он в Жигулях откопал когда-то...

Облако пыли, выше взрослого дерева, поднялось. И тут же до села Подгоры линия, также из пыли состоящая, прочертилась. Это Михал Фадееч, ног не чуя, от подарка небесного убежал!

Испугался, стало быть, и совсем напрасно. Потому как принёс на другой день тот сундук подгорский пастух Стёпка Сухобрус и на крыльцо Михал Фадеичу поставил.

— Возьми, — говорит, — свой сундук, который ты в Жигулях, видать по своей рассеянности, оставил!

Михал Фадеич, понятное дело, отнекиваться стал. Не мой, дескать, это сундук, знать не знаю сиих сокровищ!

— Никаких сокровищ, — отвечает ему Стёпка, — в сундуке том нет. А лежит в нём клетчатая тетрадка, и в той тетрадке, насколько верно мне пономарь, в лесу грибы собиравший, объяснил, на каждой странице имя твоё упоминается!

Достал Михал Фадеич дрожащими руками ту тетрадку, стал её читать и в первый раз за целый-то год улыбнулся. В тетрадке той, оказывается, история, что с ним в Жигулях приключилась, со всеми подробностями была описана!

С того самого дня прежним человеком Михал Фадеич стал. Вернулся к нему его смех, десятикратно улучшенный. Бубенцы и колокольчики звучать в нём стали. А прежде, заметить нужно,

его смех табачной хрипотцой отдавал, хоть и не курил Михал Фадеич вовсе!

Смех, известное дело, не вещь, его руками не потрогаешь. Однако приехал вскоре после этого к Михал Фадеичу один фабрикант. Глаза вроде бы человечьи, вроде бы и синие даже глаза, однако же в них – какое-то страшное бездонье!

– Продай, – предлагает Михал Фадеичу тот фабрикант, – мне твой смех! – И пачку ассигнаций суёт ему в руки...

Михал Фадеич на такое предложение только поморщился. Достал из сундука клетчатую тетрадку и дал её гостю почитать.

Отогрелся душою, прочитав ту тетрадку, фабрикант, про жизнь свою непростую стал рассказывать... До самой ночи Михал Фадеич со своим гостем беседовал, чайком его угощал!

Проводил поутру фабриканта на переправу, непременно приехать снова наказал. А денег ни копейки не взял. Ни-ни! На этот счёт Михал Фадеич после всего, что с ним в Жигулях приключилось, до конца своих дней твёрдым, как сталь, оставался.

Вот вам и вся история, с Михал Фадеичем, подгорским старостой, когда-то случившаяся.

Сохранилась ли, спрашиваете вы, та тетрадка? А как же! После того, как Михал Фадеич от нас ушёл, она сельским достоянием стала. Сам ту тетрадку видел не раз. Измочалилась, засалилась, конечно, вся. Она подгорцам любого врача заменяет. Кому сердечное воскрешение требуется, тот её и берёт. И, надо сказать, врачует тетрадка та безотказно. В доме, в котором она гостит, завсегда смех да веселье слышатся.

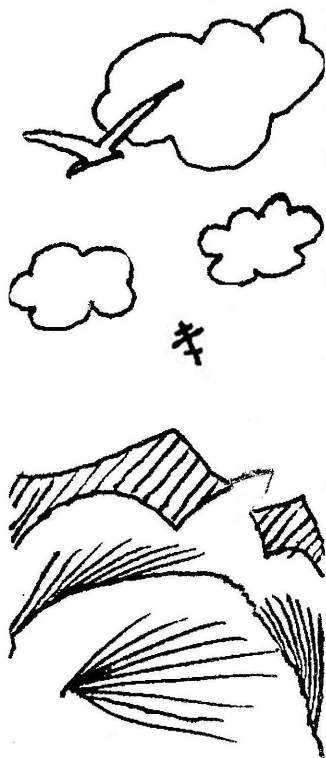

Как село Подгоры возникло

Село Подгоры, согласно преданию, вначале на месте нынешнего села Выползово ставить хотели. Оно по уму и понятно: место, от гор оттеснённое, кто с чем едет, хорошо видать.

Выбрали поначалу место для церкви. Божий храм, известное дело, — он что ось, вокруг которой колесо исправно крутится. Стали копать землю — дела не идут. В камень лопата упирается, рождая звон. «Не иначе как Бог другое место под церковь выбрал. Коли так, пускай тогда сам и укажет...»

Завязали попу глаза рушником, дали в руки крест. «Развертись, как следует, да и бросай. Где

крест упадёт, там, стало быть, и церкви стоять положено!»

Далеко ли обычный человек метнуть может? Известное дело, на два-три десятка шагов и думали церковь перенести. Взвился крест в небо, а там орёл сторожем кружит. Метнулся к кресту, схватил его клювом и в сторону горы Манчи-хи полетел. Только версты через две на землю и сбросил!

Упал крест на том самом месте, где ныне сельская церковь стоит. «Не судьба, видать, жить нам на равнине, а судьба под горой», – новосёлы рассудили. Потому своё село Подгорами и назвали.

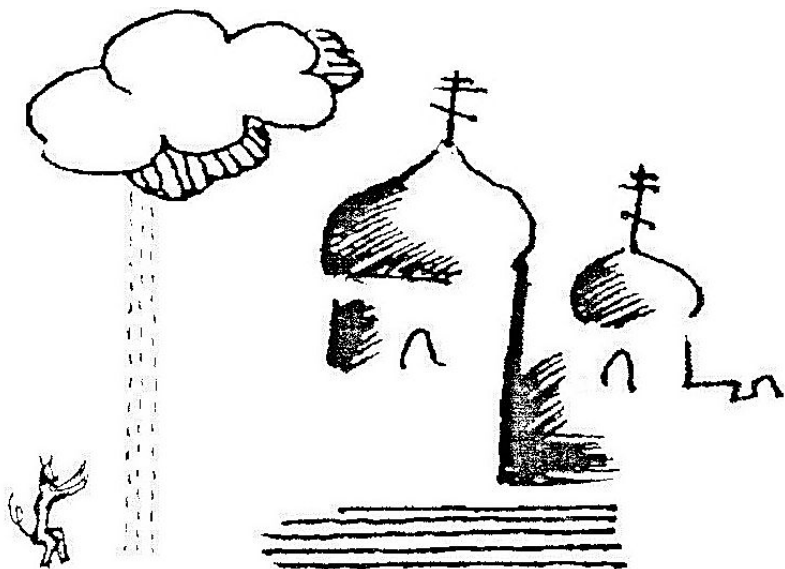
А село Выползово уже позднее от Подгор отпочковалось. Оно как бы выползло из него. В Выползове-то, кстати сказать, до сих пор своей церкви не имеется.

Хитрый Софрон

Не скажу, в каком году, да только не в нашем веке это было.

Откопал подгорец Софрон на Сосновой горе сундук, полный серебра. Наверняка со времён Стеньки Разина в земле хранился! Стал тот сундук из ямы вынимать, а снизу чёрт уцепился. «Продай мне душу, – говорит, – тогда отдам!»

Софрон недаром считался хитрым мужиком. «Давай, – говорит он чёрту, – поспорим. Если ты прямо на восход солнца, никуда не сворачивая, сможешь до берега Волги дойти, бери мою душу. А если не сможешь, то сундук – мой!»

Чёрт, недолго думая, и согласился. Вылез из ямы и пошёл по указанному пути, никуда не сворачивая. Если дом или баня на пути его встречались, сквозь стены проходил, если корова или лошадь – сквозь них.

Шёл чёрт, шёл, и дошёл до Ильинской церкви, которая на пути его стояла. Тут он и застрял. Бился, бился плечом о невидимую стену – и не смог прошибить!

Так и проспорил чёрт хитрому Софрону сундук, полный серебра.

Ладоград

Кому доводилось бывать в Жигулях, наверняка слышал от местных жителей о небесном городе Ладограде. Появляется будто бы он при определённых погодных условиях в небесах, над вершинами гор жигулёвских. Крыши домов, башни колоколен, маковки церквей – в небесах так и сверкают! Только выстроен этот город вовсе не из камня, а из невесомых солнечных лучей. Покрысует Ладоград в небе недолгое время, подразнит воображение зрителя мечтою заоблачной и распадётся до следующего раза. Сказка не сказка, мечта не мечта, мираж не мираж.

В жигулёвском селе Подгоры об этом городе рассказывают одну интересную историю. Вот послушайте!

Купался как-то в Каменном озере Ванька по кличке Багор, известный в селе пьяница и дебошир. Зелёных двустворчатых ракушек себе для рыбалки добывал.

Добыл с десяток и стал их ножом потрошить. Раскрыл очередную ракушку, а в ней крупная жемчужина серебрится. Скользнула та жемчужина по ладони, упала в траву и обратилась девицей прекраснолицой...

— Здравствуй, Иван!

— Кто ты? — опешил он.

— Я — жительница небесного города Ладограда, Анфисой зовусь. Превратил меня злой волшебник в жемчужину и такое заклятие наложил: нашедший тебя волен будет судьбою твоей распорядиться. Отпусти меня, Иван, в мою обитель небесную. Отпустишь — добро тебе принесу, а не отпустишь — бедой обернусь!

Смотрит Ванька: девка — картина музейная. Одета в платье парчовое, взгляд электрический какой-то, на руке кольцо изумрудное блестит. Не глупо ли кралю такую отпускать? Уже давно пора ему жениться, да никто за него замуж не идёт. Кому нужен отпетый пьяница?

Не отпустил Ванька Анфису на свободу. Обвенчался с ней в сельской церкви и в дом к себе хозяйкой привёл.

Работает Анфиса с утра до вечера в огороде и дома, а Ванька, знай себе, лежит на лавке да бражку ядрёную посасывает. Напьётся до

озверения, поколотит супругу свою верную, а та молчком все обиды сносит!

Живут, в общем, и живут. Только замечать стал Ванька с некоторых пор, что Анфиса его по ночам куда-то уходит. Решил он выследить, куда. Притворился под вечер пьяным, брякнулся на кровать и лежит себе поленом дубовым.

Анфиса в полночь за двери – и он за ней. Прошла она тёмным проулком к церкви, на замок закрытой. Перекрестилась на двери железные – они сами собой и раскрылись. Вошла Анфиса в церковный притвор, поднялась на колокольню. Высунулась в окно, ещё раз перекрестилась и прыгнула вниз...

Видит Ванька с земли: протянулся от церкви до ближайшей горы Манчиха яркий луч серебряный. Упала Анфиса на этот луч, равновесие установила и пошла по нему, как канатоходица. Не успел Ванька опомниться, как Анфиса уже с глаз исчезла. «В Ладоград пошла, – ахнул Ванька, – не упустить бы!..»

Перекрестился он неумело и в раскрытые церковные двери вихрем влетел. Махнул с колокольни вниз и... правую ногу себе поломал!

Уж как ухаживала за ним Анфиса, когда под утро домой возвратилась. На руках носила, из

ложки кормила, колыбельные перед сном пела. Обещала ему никогда больше в Ладоград не ходить. А Ванька, знай себе, бил Анфису беспощадно да всё заклятие у неё выпытывал, которое в Ладоград допускает. Заело его сильно, что жена, рабыня безмолвная, туда вхожа, а он – нет. Только не знала Анфиса никакого средства иного, в Ладоград допускающего, кроме жизни безгрешной да молитвы непрестанной.

Быстро поправился Ванька: в ногу вместо перелома лишь трещина оказалась. Пошёл он в соседнее село к колдунье, попросил помочь в Ладоград ему проникнуть. Та цену немалую

за такое дело запросила. Принёс ей Ванька изумрудное кольцо, с которым Анфиса на берегу когда-то объявилась. И сам не мог ответить, почему до сих пор его не прокутил! Дала колдунья Ваньке три чёрных зёрнышка, на мышиный помёт похожих. Прежде, чем снова прыгнуть с колокольни, съесть эти зёрнышки наказала.

В следующую ночь отправился Ванька к церкви. На двери железные перекрестился – открылись. Взобрался на колокольню, три зёрнышка проглотил и прыгнул...

Страшно было второй раз ногу ломать! Но будто бы кто его под мышки придержал и на яркий луч серебряный поставил. Пошёл Ванька по тому лучу, усы от удовольствия покручивая, и вскоре исчез за чёрной вершиной Манчихи...

День ждёт Анфиса своего горемычного мужа домой, другой, третий, а он всё не возвращается. Лишь через неделю приходит от него письмо без обратного адреса:

Живу преотлично в Ладограде.

Иван

Узнала Анфиса от почтальона, что штемпель на конверте почтовым отделением Троицкого рынка города Самары поставлен, собралась

спешно и на волжскую переправу пошла. Добралась до Самары и в одном из самых грязных кабаков, что возле Троицкого рынка находился, своего Ивана, в дрезину пьяного, отыскала. Привезла его Анфиса домой, ни слова в упрёк не сказала.

После этого случая шибко переменялся Иван. Пить бросил совсем, стал какой-то задумчивый, а когда с Анфисой общался, словно цветок в руках держал. Да только недолго после этого Иван и жил. Болезни, видишь ли, всякие, которые от прошлой беспутной жизни ему достались, одолели!

Похоронила Анфиса своего мужа со слезами горькими, неподдельными, и в ту же ночь исчезла из села.

Люди про исчезновение Анфисы самое разное говорили. И что она в Москву на заработки ушла, и что её в Самаре с каким-то хахалем видели. Один Иван тайну исчезновения Анфисы знал наверняка. Но он теперь если и говорил, то только травами, шумевшими на ветру, и понять его без переводчика было трудно.

Так исчезновение Анфисы из села Подгоры и осталось тайной, не тронутым чернилами листом.

Заколдованное крыльцо

Б решут или правду говорят люди, теперь и не определишь. И тон, нужный для того, чтобы с душой рассказать эту историю, не подыщешь. А история свежа, загадочна и начинается толково. Жил, дескать, в старину в селе Подгоры златорукий плотник Серафим...

Ну, да как на сердце ложится, так и расскажу!

Построил этот самый Серафим себе дом, как терем, красивый. Крыльцо к тому дому с баялинами точёными смастерил. У других подгорцев крыльцо – две-три ступеньки, а у Серафима их – счётом до десяти!

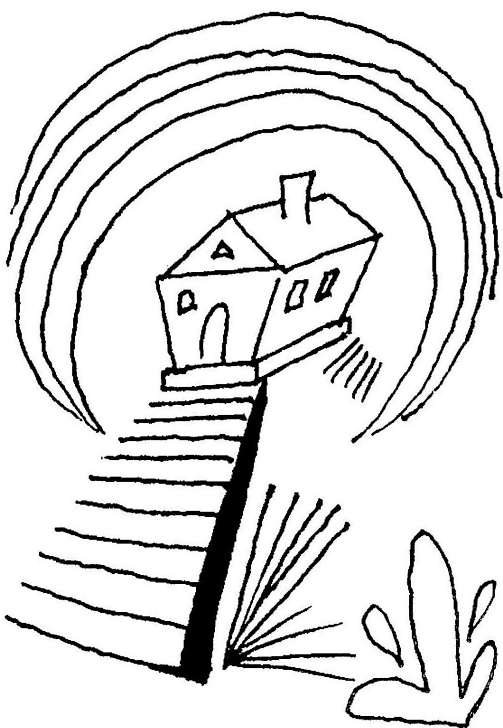
Пришли к Серафиму его друзья праздновать новоселье и удивились. «Зачем так много ступенек смастерил? В этом ты, брат, шибко промахнулся. Вот мы сразу через две-три ступеньки будем шагать...»

Попробовали друзья так шагать, и все до одного и провалились!

А прошлой ночью на том крыльце жар-птица сидела. Её соседи Серафима, страдавшие бессонницей, видели. Прилетела откуда-то из Жигулей и всё вокруг себя радугой осветила!

Взяли гости пилы да молотки и крыльцо, которое, видать, заколдовано было, починили. Снова стали подниматься, ступая на этот раз на каждую ступеньку, и все до единого прошли. Только один запоздалый гость, который опять через две-три ступеньки шагнул, и провалился...

— Фу, фу, фу, — на всякий случай говорю. — Пошли, Господь, от разной нежители защиту!

Иванова берёза

У Марфы Чесноковой из села Рождественно погиб во время русско-японской войны муж Иван, служивший в мирные годы лесником. Перед отправкой на фронт, словно предчувствуя свою гибель, посадил Иван возле своего дома берёзку.

Выросла та берёзка раскидистой, шумливой. Внизу, у основания, дупло имела. В неурожайный год положили соседские ребяташки в то дупло камень – он в каравай свежеиспечённый превратился. Чудеса, да и только! Спасли они от голодной смерти и Марфу, и многих других жителей села.

Стали все называть ту берёзу Ивановой, оказывать ей почести царские. Один только Санька по прозвищу Леденец, не раз с любовными запросами к Марфе пристававший, берёзу ту во всю глотку хулил. Ещё бы. Съел он однажды каравай, из дупла её извлечённый, и долго потом мучился животом!

Пытался Санька в сердцах ту берёзу срубить. Пришёл с топором, глядь, а на нижней ветке сам-Иван, хмурия брови, сидит! Спрыгнул Иван на землю, отнял у опешившего Саньки топор и обухом по его спине слегка прошёлся.

Случилась эта история на Троицын день, в разгар всеобщего веселья. Никто сидевшего на ветке Ивана не видел. А вот как топор сам собой вслед за убежавшим Санькой летел, видели многие.

Настя и витязь Борислав

Пятнадцатилетняя красавица Настя была из бедной семьи. Родители её работали целыми днями в поле, желая прокормить себя и свою единственную дочь. Жениха для Насти в родном селе Подгоры не находилось, вот и решили родители выдать её замуж за одноглазого Ивана, который в горах, на пасеке, в полном одиночестве проживал.

Был тот Иван из пришлых людей. Года три, как в здешних местах объявился. Откуда он родом, не сказывал никому. Всякий раз, приходя в гости, пяток баранов с собой в подарок приводил. Этим сердца родителей и завоевал. А уж Насте самой ой как тот Иван не нравился!

Дело уже к свадьбе приближалось, как приснился вдруг Насте вещий сон. Будто бы жених её – сам триморок жигулёвский, в горных пещерах обитающий! И готовит он Насте, как и подобает всякому тримороку, погибель страшную...

Проснувшись утром Настя, мокрую от слёз подушку во дворе сушить повесила, пса Верныша покормила и пошла на Каменное озеро топиться. Потому как не верила она по молодости своих лет в силы небесные, и помощи себе ниоткуда не ждала.

Глядь: в траве колокольчик серебряный блестит. Подняла Настя тот колокольчик, позвонила в него, и тут же перед ней витязь на белом коне объявился.

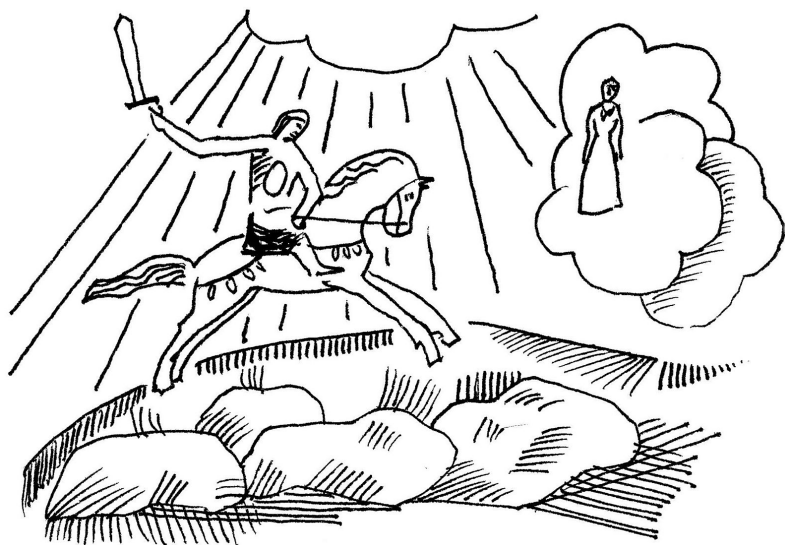
— Что за беда с тобой, красавица, приключилась? — спрашивает витязь. — От самого Азовского моря на зов твоего колокольчика прискакал!

Рассказала Настя про своё горе. Выслушал её витязь, посадил на своего коня и в горы Жигулёвские повёз.

Добрались они до Ивановой пасеки, в окошко его избушки заглянули. Видят, сидит он за столом и ножницами из бересты овцу за овцой вырезает. Вырезал их с десятков, перебросил через левое плечо, и обернулись берестяные овцы настоящими. «Это, — говорит, — мясо да кости, их на свадьбе откусывают гости». Нарезал горку полосок, снова через плечо их перебросил, и обратились они в ладно сложенную поленницу.

«Это, – говорит, – дровишки на костеришко». Схватил затем ореховую скорлупку, швырнул её туда же, и обратилась она в чугунный котёл. «А это, – говорит, – котелок-чугунок. В нём я Настю сварю после свадьбы на счастье!»

Услышала Настя такие слова и закричала с испугу. Догадался одноглазый Иван, что его за преступным колдовским делом застали, и ударился в бега. Настиг его витязь на белом коне и плёткой слегка по спине ударил. Лопнула на беглеце от того удара не только одежда, но и кожа, и с тела, словно картофельная шелуха, слетела. Предстал перед витязем сам-медведь, косматой шерстью обросший. Стал тот медведь, как мыльный пузырь, раздуваться. Вот уже с рослую осину раздулся, клыками острыми пытается устроить! Обнажил тогда витязь свой меч и рассёк его тело на две равные половины. Вылетел из них ворон и, жирными перьями поблёскивая, в Жигулёвские горы устремился. Выстрелил витязь из своего лука. Упал ворон на землю, вспыхнул огнём и в три пепелинки серы превратился... Так спасена была Настя смелым витязем от верной гибели!

Само собой разумеется, что полюбила Настя своего освободителя крепче крепкого. Да и как было его не полюбить: возраст, как говорится, подснежниковый, сила семидюжая, лицо иконописное! Любая девка на её месте точно так же бы поступила. А витязь сделал доброе дело, убил триморока жигулёвского и, братом кровным на Настю взирая, в путь-дорогу собрался. Ввиду такой спешности призналась Настя в любви первой и в жёны взять её попросила. А витязь глянул на неё прозрачной рощей осенней, посадил на своего коня и в церковь подгорскую повёз.

Попросил витязь у дьякона той церкви чашу с водой освящённой. Тот принёс. Нагнулся витязь над чашей, и увидела Настя: отразился в ней не молодец красный, а дремучий старик!

— Теперь поняла? — спрашивает витязь. — Мне триста лет от роду, Бориславом зовусь. Это я за дела мои праведные, что мечом калёным по всей Руси являю, людям юнцом безусым кажусь. Являюсь я на звон всякому обладателю серебряного колокольчика. Добро, явленное в действии, несу. И хоть ключей от бессмертия ещё не нашёл, но отмычкой самодельной вполне доволен!

Обнял Настю витязь Борислав по-отечески, сел на своего коня и в даль неизвестную ускорил.

Размножили тогда горы Жигулёвские Настин крик в бессчётном количестве. Ещё бы, дважды невестой была: тримороковой и стариковой! «Видно, не судьба мне счастьем земным наслаждаться», — подумала Настя и, уверовав в силы небесные со всей русской силой, до крайности порой доходящей, решила монахиней стать. Пришла домой, упала в ноги своим родителям и стала проситься на вечное девичество. Те знали уже наперёд, что никто больше за Настю не

посватается (дело с одноглазым Иваном и витязем Бориславом широкую огласку получило), и согласились. Так покинула Настя наш бренный мир и стала монахиней.

Более полувека молилась Настя в своей келье. И снизошла ей за это сила огненная, великая. Стала Настя видеть, не выходя из своей кельи, всех попавших в беду по всей Руси великой и помогать им от Божьего имени. Ширококрылой птицей огненной, не значащейся ни в одной зоологической книге, прилетала Настя к таким людям на помощь. Да только не все люди помощь её и принимали. Иные шарахались от неё в испуге великом, ввергая себя в ещё более тяжкие беды. И горько сожалела тогда Настя, что не может, подобно витязю Бориславу, в облике богатырском людям на помощь прийти.

Видит однажды Настя, как в муромском лесу отбиваются заезжие купцы от вооружённых саблями разбойников. Одними палками, поднятыми с земли, отбиваются! Разбежались разбойники по кустарникам колючим, а один из них достал из-за пазухи колокольчик серебряный и давай в него звонить. Каким образом колокольчик у него оказался – загадка великая! Возник тогда

витязь Борислав на своём коне и, мечом сверкучим играя, накинулся на купцов. И явили купцы отпор достойный не потому, что их трижды семеро было, а потому, что на их стороне правда была!

Прилетела Настя ширококрылой птицей огненной на помощь купцам. Ибо, как сильно ни любила она витязя Борислава, но правду-матушку – ещё сильнее!

Окружила Настя витязя Борислава передвижным огненным забором и в монастырь свой пленником привела. Увидел он Настю-монахиню и глазами, как озёра заволжские, засинел.

– Почему ты такая молодая, – спрашивает витязь, – ведь более полувека прошло, как мы с тобой расстались?

А и вправду, обернулась вдруг Настя пятнадцатилетней красавицей, дни своей юности воскресила. Пожелал тогда витязь её отражение в воде освящённой увидеть. Настя нахмурилась – и отказала ему.

– Отчего ты, витязь, – спрашивает она, – на честных людей нападаешь?

– Звон серебряного колокольчика, – отвечает, – мне так велел!

— А что колокольчик тот может в худых руках оказаться, ты об этом не подумал?

— Нет, — признался витязь. — Некогда было: коня кормил, меч точил...

— Все вы, мужчины, такие! — укорила его было Настя, но тут же взяла себя в руки и в келью свою торопливо ушла.

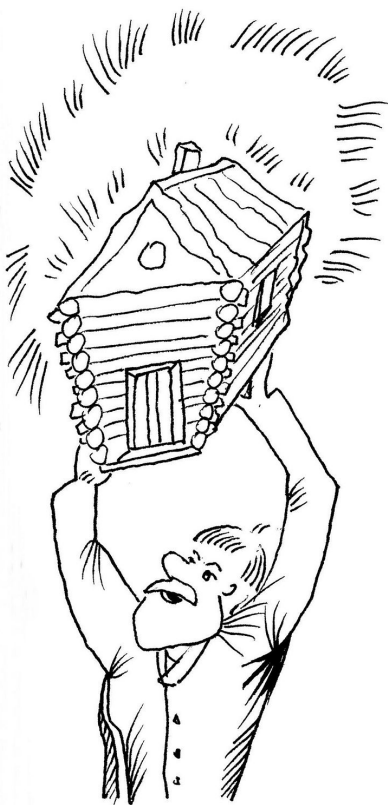
Что было дальше, догадаться не трудно. Перестал витязь Борислав стариком в воде освящённой отражаться, стал со дна церковной чаши безусым красавцем смотреть. И всякий раз, когда на звон серебряного колокольчика выезжал, над ним ширококрылая птица огненная ангелом-хранителем кружила.

Изва-фонарь

Говорят, просторную, в шесть окон избу пономаря Власия из села Рождествено, что как раз напротив тамошней церкви стоит, однажды ночью на Мордовой поляне видели. Это в десяти-то с лишним верстах от села Рождествено!

Говорят, унес её в такую даль великан. Легко, как пушинку, положил избу на ладонь, так что ни одно брёвнышко, ни одна дощечка не скрипнула, и понёс. Пономарь-то Власий, говорят, больно книги читать любил. До третьих петухов, затеплив три восковых свечки, читал. А великан в ту ночь на Мордовой поляне что-то искал. То ли обронил

что своё, то ли клада, зарытого в землю, домогался. Великану тому, видать, посветить нужно было. Вот он избу пономаря, одну на всё село светившую, вместо фонаря и употребил!

Долго искал великан на Мордовой поляне, и вдруг одолело его любопытство. Заглянул он в окно и увидел пономаря, склонившегося над книгой...

«Золото, зарытое под Жигулями разбойниками, грабежом и насилием ими добытое, до последнего колечка чертям принадлежит. Потому домогающийся кладов жигулёвских есть тать, и обрекает он себя на муки в крошечном аду...» — читал, шепелявя, пономарь.

Затрясся, услышав такое, великан. Он, если сказать по правде, золото, зарытое под Жигулями, в ту ночь искал!

В три прыжка одолел великан путь от Мордовой поляны до села Рождествено. Избу пономаря на прежнее место поставил и исчез. И долго ещё жители окрестных сёл слышали стук зубов великана. словно тройка лошадей, везущая гусара на свидание, скакала по мостовой!

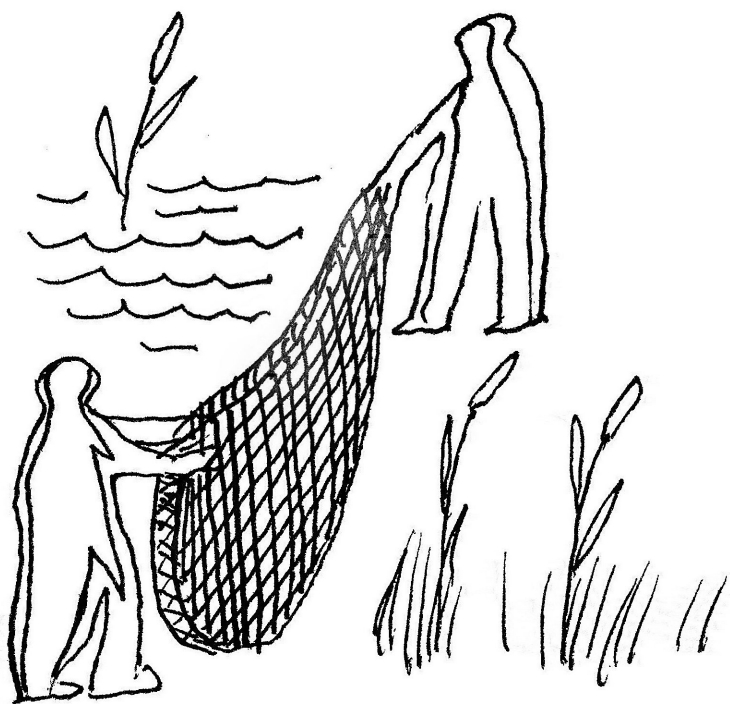
А пономарь-то, говорят, о случившемся и не знал ничего — так зачитался. А как узнал, то с неделю не показывался никому. В посте и молитве дни свои проводил.

Сомы глубокого омута

К сожалению, снова приходится рассказывать историю о призраках. Да и как быть иначе, если два призрака, более двух сажень высотой, не одно десятилетие пугали мирных подгорцев, каждую ночь появляясь на восточном склоне горы Манчиха?

В руках у этих призраков-великанов был бредень. По высокой траве, как по воде, натружено дыша, они всю ночь совершали длинные заброды. Из разговоров призраков между собой было известно, что когда-то, во времена великанов, под горой Манчихой протекала Волга-река, и в глубоком омуте водились крупные сомы. Вот этих-то самых сомов они и хотели выловить себе на уху!

Призраки оказались существами миролюбивыми. С людьми, не убоявшимися их внешнего вида – что-то вроде дыма в бутылке! – призраки охотно вступали в разговоры. Но, всё же, такие необычные соседи были подгорцам явно не по нутру, и они делали всё возможное, чтобы отвадить призраков от родных мест.

Какие только средства для этого в ход ни пускались! Например, ловили огромных, пудов на шесть, сомов и клали их на пути призраков. Вынимая сомов из мотни, те только чавкали своими большими, как купеческие кошельки, ртами:

— Опять, вишь, малька поймали!

И снова продолжали волочить свой бредень по траве.

Однако не мудрость девятизначная избавиться подгорцам от тех призраков помогла, а самый

обычный случай. Один прибылой мужик, родом из-под Камышина, решил устроить возле горы Манчиха бахчи. Посадил арбузы – овощи, требующие тепла и солнца больше, нежели способен дать жигулёвский край. Но, всё же, арбузы поднялись, пустили плети и в августе принесли звонкие тёмно-зелёные плоды. Как-то раз на них случайно набрели призраки и раскололи ночную тишину своими трескучими голосами:

– Кум, смотри: рыба икра!

– Да какая крупная. Верно говорю – сомовья!

– Заберём-ка её домой. Пустим в бочку с водой и сами вырастим, каких надо, сомов.

– Дело, кум, говоришь!

На следующее утро ни одного арбуза среди кружевной листвы не нашли. Но никто, даже сам хозяин бахчей, об этом нимало не горевал. Потому что с той самой ночи два призрака-великана, не одно десятилетие пугавшие мирных подгорцев, навсегда исчезли с восточного склона горы Манчиха.

*Это было давно,
да забыть мудрено.*

Три подарка

Жил в селе Подгоры мальчик Ванюша, мечтатель и фантазёр. Было ему уже более десяти лет, а камушек-блестяночку на дороге поднимет и любитесь им день-деньской, как малое дитя.

Раз пронёсся над Жигулями страшный смерч. Никого в селе не потревожил, один Ванюшин дом набок повалил. Окнами в небо глядеть заставил, а дверью – в землю!

Матушку Ванюши куда-то унёс. В одеяло из пыли завернул и унёс. Дом Ванюша с отцом на прежнее место поставили, а матушку так и не нашли.

Женился, пришло время, отец Ванюши второй раз. Мачеха себе на уме попалась. Привела вместо приданого паршивую корову. Глаза – озёра пересохшие, бока – в репьях и навозе. Била её плёткой-шлепугой три дня (корова де у неё лучший сарафан съела!), а на четвёртый устала.

Наказала отцу и сыну в лес корову спровадить, из леса – лишь шкуру её принести.

Повели отец с Ванюшей – куда деваться? – паршивую в лес. По дороге малина ягодой за-краснела. Отец желанью утробному поддался, а Ванюша – нет. Знай себе, в небо глядит, облаками да птицами любитесь!

Идёт корова впереди, Ванюша – сзади. Пятна на её боках золотом отливают, каждое пятно – с каравай. Солнечные зайчики по ним бегают, бабочки летают – цветные корабли... Залюбовался Ванюша этой картиной и красавицей паршивую корову назвал. Глядь, а та шкуру сбросила, девицей-купавой обернулась!

– Здравствуй, Ванюша, – говорит. – Я – дочь Океана, обращённая твоей мачехой-колдуньей в корову. Разглядел ты во мне красавицу – снял заклятие злое!

Ванюша стоит, удивлённый несказанно. А дочь Океана продолжает говорить:

– Живу я на острове в океане. Побывай, Ванюша, у меня. За то, что красоту в паршивой корове разглядел, три подарка получишь!

– А как тебя найти?

– Коровья шкура поможет тебе в этом!

Сказала так дочь Океана, в птичку обратилась и улетела.

Вскоре и отец вышел из малины, поглаживая от удовольствия свой живот. Коровью шкуру увидел – способностям сына удивился. Взвалил ту шкуру на плечи и домой зашагал.

Ванюша о том, что случилось, ни гу-гу: злой мачехи боится! А та шкуру на забор повесила и ходит возле неё, как часовой. Словно загадку какую разгадать хочет, да не может!

Раз проходит Ванюша мимо той шкуры, а мачехи и нет (она в погреб за картошкой полезла). Смотрит, а пятна на шкуре – точь-в-точь материки на карте географической! И одно место помечено репьем. Дотронулся Ванюша до того репья – шкура сорвалась с места, подхватила Ванюшу и полетела с ним в даль неизвестную!

Горы, реки и леса неслись под Ванюшей, как стая перелётных птиц. Вскоре и океан показался, волной зашумел. Остров, небольшой и не маленький, на горизонте открылся!

Встретила Ванюшу дочь Океана. В дом, построенный из ракушек, привела, солёным чаем угостила. От радости не знала, в какое кресло

Ванюшу посадить: в жемчужное или в коралловое?

Показала Ванюше подводных рыб, в брюхо кита на экскурсию сводила. Подарила сундук, полный сокровищ, найденный в трюме затонувшего корабля. А как солнце садиться стало, попрощалась с Ванюшей. Наказала отцу за вторым подарком прилететь, и как можно скорее!

Мачеха сундук, Ванюшей привезённый, тут же спрятала куда-то. И собака охотничья не найдёт!

Утром отец лететь собрался, а шкуры и нет. На ней, оказывается, мачеха уже куда-то улетела!

Вернулась шкура только под вечер. На ней, вместо мачехи, чёрная кошка сидит. Ощети-нилась, замыукала – и в Жигули дремучие убежала!

Слетал отец к дочери Океана и новость добрую привёз. Матушка их, оказывается, жива, в жигулёвской пещере неволится. Занёс её туда страшный смерч, который мачеха-колдунья наслала!

Освободили отец и сын свою матушку, и зажили они дружно, как прежде. Сундук с сокровищами в огороде откопали и меж всеми подгорцами поделили. А кто из соседних сёл с нуждой приходил, и те в обиде не остались!

Привёз отец от дочери Океана указ: шкуру по прибытию домой сжечь непременно. Ванюша, однако, торопиться с этим не стал. Забрал он шкуру и над своей кроватью повесил — для любования!

Вырос Ванюша на глазах, пришла пора ему жениться. Полюбил он девку Марьянку, босоногую хохотушку, а та на него и смотреть не хочет. «Ты, — говорит, — мечтательный какой-то. А мне нужен мужик — канифасовые портки, кирзовые сапоги, до подвига дюжий!»

Сохнет Ванюша по Марьянке, что делать — не знает. Пишет ей героические стихи. Марьянка только возьмётся их читать, и тут же зевать начинает!

Решил Ванюша к дочери Океана слетать, совета её услышать. Как дальше ему жить, Марьянку не видя?

Вынес Ванюша коровью шкуру в поле – та возьми, да и загорись. Словно её керосином облили, а после – подожгли!

Сгорела шкура дотла, на месте её глубокая яма открылась. Заглянул Ванюша в ту яму – могильным холодом разит! Махнул рукой и побрёл домой печальником неутешным.

На другой день проходила мимо той ямы Марьянка. Выскочили из неё три медведя и давай бедную девку стращать. Того и гляди на куски разорвут! Ванюша из огорода разглядел и бросился, ног не чуя, ей на помощь. Увидели медведи Ванюшу – морды к земле прижали и в яму обратно попрыгали!

Марьянка после этого случая с охотой, конечно, за Ванюшу замуж пошла.

Видать, яма и медведи и были третьим подарком от дочери Океана!

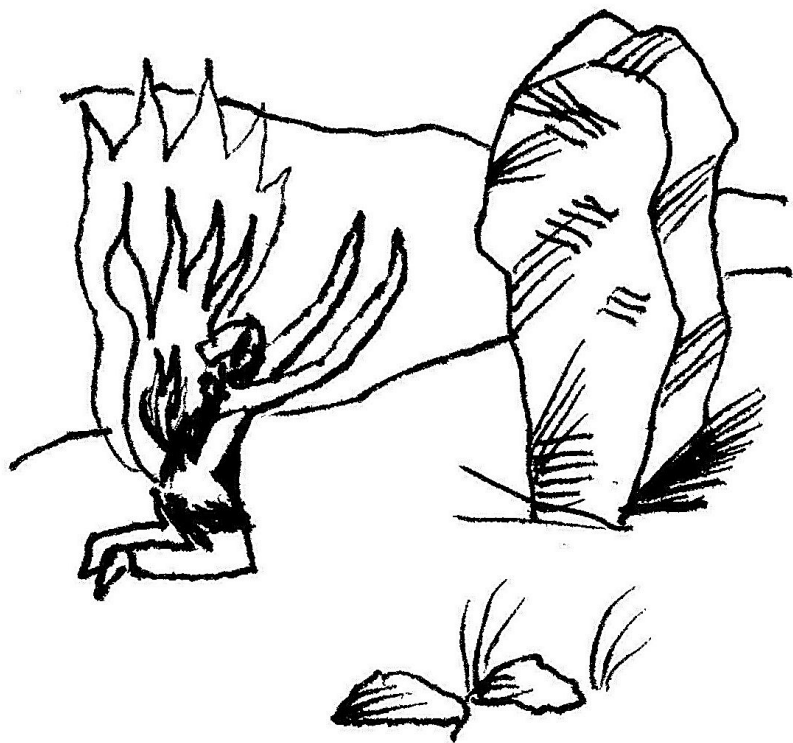
СМЕРТЬ КАМНЯ

В прежние времена, сказывают знающие люди, возле подгорской церкви камень лежал, пудов эдак на двести. Был тот камень не простой! К концу церковной службы, всякий раз, имел обыкновение нагреваться.

Кто верил в такое чудо, а кто и нет, разные ведь люди бывают. Иные не верят даже, что их родная мать родила: на инкубатор пальцем показывают. Чем спорить с такими вот людьми, не лучше ли рассказать о греющемся камне историю?

Раз барин мимо подгорской церкви проезжал, с медным величием в осанке. Вылез он из кареты и давай вышучивать стоявших возле камня мужиков. Вы де, молвы ради, уголья под него суёте!

На слова такие лягательные не посмели ответить мужики. А вот камень – посмел. Ткнул его барин ногою, да как закричит: горю! горю!

Скинул с себя костюм английский, хлебовитым телом забелел. Бегаёт вокруг церкви, как полумный, умоляет его спасти.

Мужики верное дело барину посоветовали: у камня прощенья попросить. Упал барин перед ним на колени, слезу обильную пустил. И простил его камень великодушно, жар свой невидимый забрал... Вот, сказывают, какие истории вокруг того камня творились!

А куда, спрашиваете вы, камень тот греющийся подевался? Да в Каменное озеро скатился, в птицу-лебедя превратился, на ветку старого осокоря взлетел, а выше – не захотел! А если правду молвить, попадья тот камень со света сжила. Верующая была баба, а без понятия. Повадилась попадья к тому камню ходить, щи да кашу на нём разогревать.

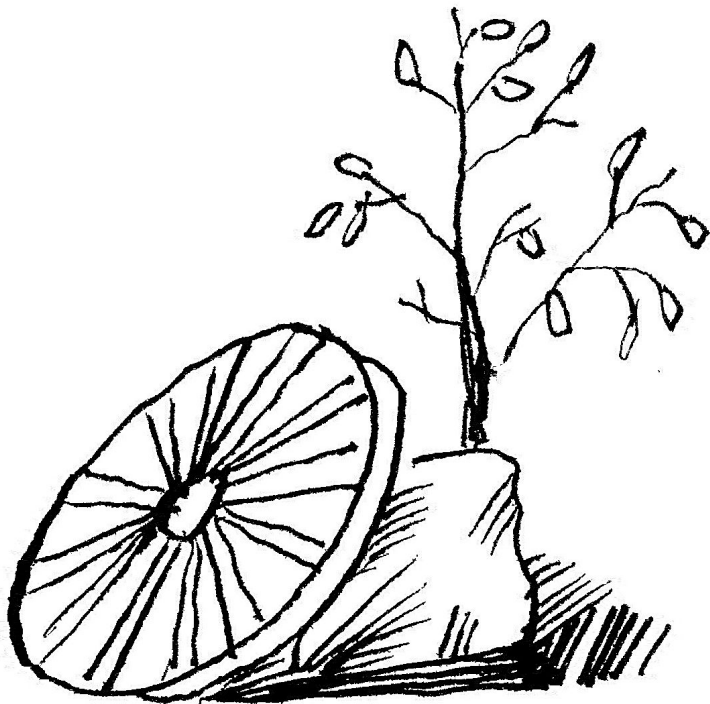
Однажды, как раз на Троицу, камень после церковной службы добела раскалился. Стала попадья котелок со щами на него ставить, да и пролила. Зашипел камень, как змея, паутиной трещин покрылся. На другое утро холодным, как покойник, стал...

С тех самых пор чудотворных вещей больше не творил.

Своеручное письмо

Случилась эта история в селе Подгоры, незадолго до намеченной свадьбы Агафьи Воронковой с Пылаевым Николаем, крепко любивших друг друга.

Подкатилось рано утром к избе Агафьи колесо. Самое обыкновенное, от телеги. Покружилось немного возле крыльца и упало в траву.

А жених её, Николай, за день до этого в Моркваши по делу отправился. Сроком на неделю, не более. Обещал Агафье оттуда своеручное письмо написать.

На пути повстречалась Николаю волчья стая, лошадь в упряжке и понесла. А дорога как раз вдоль крутого обрыва проходила. Свалилась телега вместе с Николаем вниз, на острые камни... Насмерть, конечно, разбился!

Говорят, только три колеса от той телеги и нашли. А четвёртое, стало быть, в село Подгоры, к избе Агафьи Воронковой прикатилось.

Шальдана

Братья Иван и Николай Батогины вели активную революционную пропаганду в Москве. После поражения первой русской революции 1905 года вынуждены были временно скрываться в Жигулях, в селе Подгоры, у своей дальней родственницы тётки Анастасии.

Приехали братья в это село в феврале месяце, и первой бедою, которая настигла их там, была серо-бурмалиновая тоска. Братьев не устраивало буквально всё: чёрствость местных крестьян, избы с низкими, покрытыми копотью потолками, коровьи лепёшки повсюду, куда ни погляди. Даже солнце, как казалось их цивилизованным душам, светило над Подгорами в миллион раз слабее, чем над Москвой.

Само собой разумеется, что не приняли батогинских насмешек над собой местные мужики, и в один мартовский вечер, вооружившись кольями, пошли к братьям в гости. Но возле избы

тётки Анастасии дорогу им перегородил дед Никифор, первый в селе филомагог.

— Воспитание кольём — дело надёжное, — зашамкал дед. — С такого воспитания и лошадь, и корова, и даже свинья быстро окрутку обретают. Но человек — иное существо. У него душа, Богом данная, имеется. Вы погодите до мая, когда в садах, полях и огородах Шальдана объявится. Она девка опытная: сама уму-разуму братьев научит. А уж коли и ей не удастся научить, тогда смело палочную педагогику в ход пускайте!

— И вправду, — загалдели мужики, — что мы, совсем, что ли, с ума спятили, чтобы вместо Шальданы судьбой человеческой распоряжаться? Вот если и она от братьев откажется, тогда и мы потребуемся. Богу — богово, а зверю — зверево!

Сказали так мужики и разбрелись в разные стороны.

* * *

А в избе тётки Анастасии с утра до вечера такие разговоры велись.

— Эх, — маялся у окна кислоглазый Иван, — Русь ты наша неприкаянная, Жигули вы мои

голоштаннные! Когда же на вас, Жигули, с города дымом заводов подует?

— Три моста через Волгу скоро ли вас, Жигули, поездами да автомобилями заполонят? — подхватывал в тон своему брату Николай.

— Вон берёза стоит, — кивал головою Иван, — а на верхушку её какой-то болван колесо от телеги водрузил... Красоты нет в народе!

— Точно, — соглашался Николай. — Не то, что в цивилизованной Англии. Там каждый кустик, как овечку, стригут. Войдёшь в парк — повсюду кубы, конусы и шары правильными рядами расположены. Не парк тебе, а учебник по геометрии образцовый!

— Ты чё к колесу-то привязался? — вмешивалась в разговор тётка Анастасия, отойдя от печи, в которой котелок со щами побулькивал. — Его соседские ребяташки на ту берёзу взгромоздили: всё белого аиста ждут! Правда, он в наших краях и не водится совсем. Водится лишь чёрный аист, который жилья человеческого за версту сторонится. А белый аист совсем другой: он гнездо своё норовит поближе к человеку устроить. Пушай себе ждут ребяташки. Может, белый аист и вправду когда-нибудь к нам прилетит!

На этом разговор обычно и кончался. Иван садился в очередной раз перечитывать «Капитал» Карла Маркса, а Николай брал в руки газету «Самарские ведомости» и усваивал последнюю её страницу, на которой помещались всякого рода объявления.

* * *

За такими вот разговорами да делами и май незаметно подрос, Май-Маевич, на блёсткую от влаги почву зелёную накидку набросил. Зацвели в садах яблони и вишни, ароматным снегом всякую молодую душу обожгли. Но только не Ивана и Николая Батогиных. Те до глубокой ночи всё сидят да о материализме, демократии и прогрессе долдонят!

В одну такую цветочную ночь вышел Николай в сад на прогулку. Вернулся – лица на нём нет. Вернее, есть, но – другого совершенно человека...

– Ты кто такой, – спрашивает подменённый Николай своего брата, – скажи честно?

– Ну, революционер, а что? – отвечает тот.

– И я революционер, – смеётся счастливый Николай. – Революционер луны, Шальданы и весёлых хороводов девичьих!

Сказал так Николай и прыжками трёхсаженными, как заяц, к девкам на завалинку побежал песни под гармошку петь да семечки лугать.

Пожал плечами Иван, страх свой одолел и в тёмный сад направился. Ходит среди распустившейся красоты да брата своего Николая кличет.

– Чего гло-от-ку-то дерёшь? – слышит вдруг Иван.

Обернулся – никого.... Что за напасть! Идёт дальше. Смотрит – цветущая ветка колышется...

– Это я, Шальдана, Душа села Подгоры, веткой играю, – снова слышит. – Подойди поближе, Иван, да цветок на выбор сорви!

Сорвал Иван, как загипнотизированный, цветок. Далёкое своё детство, сказками очущенное, вспомнил. В руках его мнёт – белый, фланелевый на ощупь. И пахнет гувернанткой-француженкой!

Поднёс Иван цветок тот к глазам – лепестки его в крылья гигантской бабочки превратились.

Отставил от глаз – такими же гигантскими, в сажень длиной, и остались!

– Да что ж это я, – воскликнул Иван, щурясь от белизны, его окружающей: – всё ищу, ищу в своей жизни чего-то? У меня же в кармане нитка с иголкой имеются!

Скинул Иван свой пиджак, пришил к нему сзади пару лёгких перепончатых крыльев и снова надел.

– Не оставляй меня, Шальдана, – попросил. – Я ведь с детства, считай, никаких чудес не совершал!

– Не беспокойся, родной мой, – услышал.

Разбежался Иван и взмыл в густой, как сметана, воздух, чувствуя телом поддержку чьих-то невидимых рук. Сделал над Подгорами круг широкий. С тёплыми дымами из труб поиграл. Колесо на берёзе поправил, чтобы аистам удобнее было гнездо на нём вить. Сделал ещё два три круга и в горы Жигулёвские, яркой луной обрисованные, полетел...

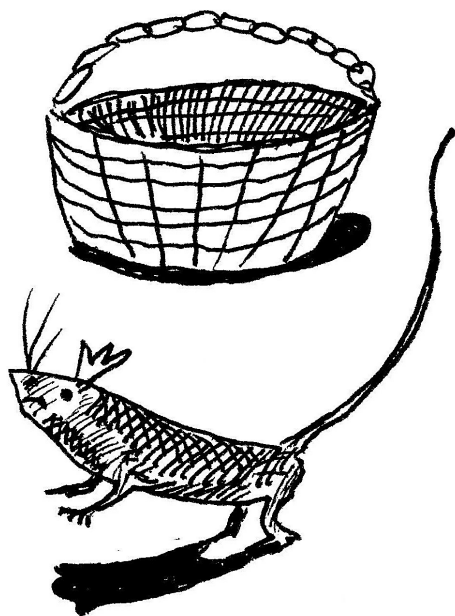
На разведку!

Ночной разговор

Крестьянин Тит Пеньков страдал слабоумием. Голова была постоянно пустая, редкая мысль входила в неё тяжелей, чем лом в тину. Жил Тит на окраине села Подгоры, бобылём. Копался с утра до вечера в своём огороде, стараясь не отставать в достатке от других, но из нищеты всё не вылазил.

Как-то, погожим осенним днём, отправился Тит в лес. Взял самую большую, какая только имелась в его доме, корзину, решил набрать грибов. Но всю дорогу мучился от страха, сдавившего ему грудь. Вдруг опять, как в прошлом году, всё перепутает и наберёт поганок? Как Тит ни старался, не мог запомнить съедобные грибы.

Шёл Тит, не думая ни о чём. И тут мелькнула в кустарнике лисица и бросилась под ноги мышь. Тит схватил палку, хотел убить. Он всегда, с большим удовольствием так поступал. Но вспомнил вдруг, как в прошлом году, объевшись поганок, и сам был близок к смерти, и не убил.

Мышь в придорожные травы юркнула, потом на округлом камне объявилась. Встала на задние лапки, сняла с головы золотую корону — именно так Титу и привиделось! — и в пояс ему поклонилась.

— Я, мышинная королева, — услышал Тит собственными ушами, — в знак благодарности тебя излечу. Станешь ты умным, как все. Этой же ночью услышишь странный, на первый слух, разговор. Сумеешь разгадать его новым умом — жизнь свою в корне изменишь!

Тит подумал, что это ему всё снится, и стал протирать глаза. Тёр до тех пор, пока не

брызнули слёзы. Снова глянул на камень – мыши и след простыл! Пособирали ещё немного, без всякой охоты, грибы и домой возвратился.

Ночью, как ни пытался, уснуть не мог. В голове – ясность необычайная. Мысли, как звёзды, алмазно блистали. Перед самым рассветом вышел на крыльцо покурить. Сделал две-три затяжки – услышал неподалёку голоса. Доносились из-под берёзы, которая росла у окна...

– Братья, – вещал чей-то голос, чуть-чуть гнусавя, – южные кони запряжены и давно уже ждут нас, чтобы умчать на своих спинах в Москву, Архангельск и Петербург. Все северные русские города будут наши, если мы вовремя примем правильное решение!

Послышались отовсюду голоса одобрения. Титу показалось, что числом – больше сотни. Но были и возражавшие. Из них постепенно выделился один, окаяющий голос:

– Мне стало известно, что не далее, как завтра в полдень, сюда примчатся северные кони. Я лично полюбил Жигули, их приветливых жителей, и намерен с группой своих друзей основать здесь новую обитель.

— Да, да, да, — заревели повсюду голоса, — мы не намерены с Семёном-Круглокрылом покидать здешние места!

— Дело ваше, — ответил гнусавый голос, как бы обидевшись. — Но укажите хотя бы место, где вас искать. Братья всё-таки...

— В десяти верстах отсюда, возле полного золотом горшка!..

.....

Тит не дослушал горячий спор — юркнул, трясаясь от страха, в избу за топором. Пока искал его за печкой, голоса возле берёзы умолкли.

Утром, опасаясь самого плохого, что может с человеком произойти, стал собираться в дорогу. Решил обратиться за помощью к знахарке Пелагее, которая в селе Гаврилова Поляна жила.

Вышел Тит на крыльцо — берёза под окном вся жёлтая, усыпанная крупными серёжками стоит. «А может, это они, серёжки, прошлой ночью говорили?» — подумал. Но посмотрел под берёзу, увидел на земле следы от козлиных копыт и засомневался.

Знахарка Пелагея вручила Титу оберег — мышиный скелетик, найденный в муравейнике и

тщательно обглоданный муравьями. Тит тут же привязал к нему тесёмку и повесил на грудь.

Отправился Тит ровно в полдень домой. Погода стояла исправная – последние дни бабьего лета. Но внезапно налетели тучи, закрапал дождь. Южный ветер сменился северным – колючим, свинцовым. Подойдя к дому, увидел: берёза голая-преголая стоит... Тёплые дни после этого так и не возвратились, а через месяц и снег землю укрыл.

Избавясь от своего слабоумия, с благодарностью вспоминая знахарку Пелагею, ударился Тит с новой силой в крестьянский труд. Года через три стал жить уже в полном достатке. Всякие ночные голоса больше не беспокоили.

Сосватали ему люди, спустя ещё пару годков, девушку-сироту из села Рождествено. Поехал Тит на телеге за её скарбом – при подъезде к селу, у дороги, берёзовую рощу обнаружил. Отродясь её здесь не видал!

Прошло ещё несколько лет, и мальчишки в той роще горшок с золотом нашли. Тут-то и вспомнил Тит о горшке, полном золота, из давнего ночного разговора. Прикинул и вышло: от рощи до его дома, возле которого берёза росла, как раз вёрст десять и было!

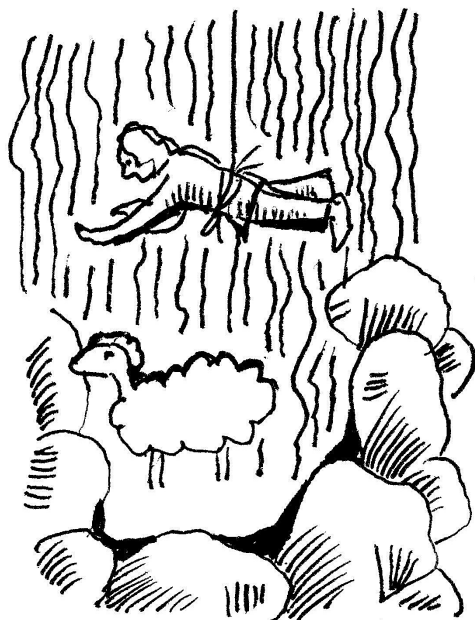
Расщелина в скале

Про горбатого Ивана Старцева, подгорского пастуха, которого люди не по чёрствости своей, а, скорее, по привычке Горбушкой звали, хотите историю послушать?

Пас как-то раз Иван Старцев овец. А дело было в мае, в пору цветения, в самые, как говорится, соловьиные дни. Вот заслушался Иван этих самых соловьёв и не заметил, как овцы его в расщелину юркнули и в ней исчезли. Расщелина та в скале была, в сажень длиною, и находилась возле Белой горы. Иван в этом месте не раз пас овец, а расщелину ту заметил впервые.

Долго ждал Иван, когда овцы вернутся, но так и не дождался. Приник он тогда к расщелине ухом и услышал музыку, звучащую в её глубине. И ладаном или чем-то схожим сильно из той расщелины пахло.

Впрочем, это к делу не относится: овец-то всё нет! Вот и говорит Иван своему помощнику, Фомке-подпаску:

— Обвяжусь-ка я верёвкой и в ту расщелину спущусь. А ты крепко конец её держи. Долго не буду возвращаться, со всей силой тяни!

Спустился Иван в ту расщелину, по узкому ходу прошёл и в каменной горнице очутился. Видит: горят в её середине три сальных свечи. Чуть поодаль, на соломе незнакомые парни в серых кафтанах сидят. Увидели те парни Ивана и приветливо так ему заулыбались...

— Кто вы такие? — спросил их Иван.

— Мы твои овцы, хозяин: неужто нас не признал?

Ивана аж пот от удивления прошиб! А парни его к себе, на солому приглашают:

— Иди к нам, хозяин, малость отдохни. Сам-то гляди, как переменялся, каким красавцем стал! И куда только прежний твой горб подевался?

Потрогал Иван свою спину — и впрямь нет горба...

Радостно стало у него на душе. Так радостно, как никогда в его жизни и не бывало. Хотел было Иван что-то приятное парням тем ответить, как вдруг потащило его со страшной силой назад, по тёмному ходу. Это, оказывается, Фомка-подпасок, обеспокоенный долгим отсутствием Ивана, его за верёвку тащил!

Только вытащил Фомка-подпасок Ивана на свет, расщелина в скале возьми да и сомкнись. Словно её и не было вовсе!

Местные старожилы утверждают, что под горами Жигулёвскими целая подземная страна имеется, живущая своей, особой, непонятной для простого смертного жизнью. И будто бы раз в год, по весне открывает та страна свои двери, чтоб свежего воздуха в свои горницы впустить. Вот в такую-то дверь, видать, и попал жигулёвский пастух Иван Старцев!

А пропавших в расщелине овец потом долго по всей округе искали, да так и не нашли.

СОВЕТ СЕДЫХ СТАРЦЕВ

В неурожайный год, когда люди лепёшки из берёзовой коры ели, забредал, сказывают, в село Подгоры фокусник-иноземец. Имелся у него лоток на ремне, на каком городские продавцы свой товар носят. Ходил тот фокусник по селу, кланчил старые вещи. Причём, самые ненужные, только в утиль и годные.

Один мужик вынес ему рваные калоши. Фокусник положил их на свой лоток, и калоши ожили. Превратились в двух молодых приказчиков в долгополых кафтанах. Стали те приказчики братьями себя называть, планы великие на будущее строить.

Собрались, понятное дело, вокруг лотка того люди. Стоят, глазеют. Кто-то бросил на лоток ещё медную, позеленевшую от времени пуговицу — она в статную барышню превратилась.

Братья-приказчики тут же ухаживать за ней принялись. Букеты цветов, торты в круглых картонных коробках — откуда всё это и взялось?

Наконец, бросились братья той барышне в ноги, стали руки её просить.

Выбрала барышня младшего брата – бог знает, почему. Все зрители думали, что старший брат на младшего обидится – ан, нет. Недаром, видно, братьями были, одной пары калоши!

Стал старший брат свадьбу готовить, питьё и всякую снедь покупать. Заказал барышне модное подвенечное платье, а брату – чёрный костюм. Уже и со священником день и час венчания братья обговорили, как вдруг кто-то бросил на лоток камень. Превратился тот камень в разбитного парня в красной рубахе. Увидел он красивую барышню и нагло осклабился!

Стал парень к барышне приставать. Братья, известное дело, за неё вступились, да только сильней их парень тот оказался. Сбросил он

братьев с лотка. Упали они на землю и снова в калоши превратились.

А барышня-невеста, видать, шибко младшего брата любила. Заплаксивела она, как осенняя туча, и бросилась следом за ним. Не успела коснуться земли, как в медную пуговицу превратилась!

Вот так, трагически, спектакль вещей и закончился.

Поклонился фокусник подгорцам, за внимание, к его искусству проявленное, поблагодарил. И направился по дороге в село Рождествено.

Говорят, рождественцы, послушав совета седых своих старцев, проявили завидную находчивость. Положили они на лоток тому фокуснику кусок от мельничного жернова да пшеничный колосок.

Явленная всем на удивление мельница молола три дня и три ночи. Мука получилась высшего сорта. Спасла она в тот неурожайный год не только село Рождествено, но и все окрестные сёла, в том числе и Подгоры.

Трёхглавый дракон

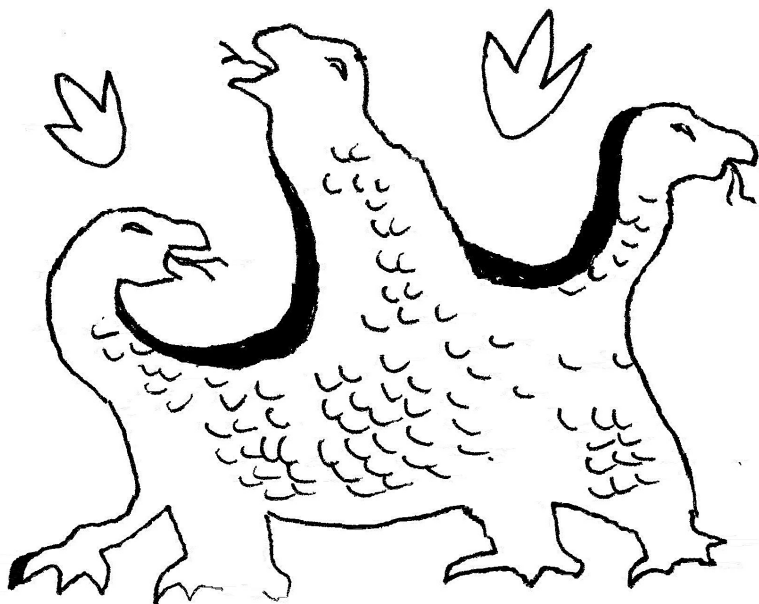
Жил лет сто тому назад в селе Подгоры юродивый Сашка, неудавшийся сказитель. Неудавшийся, потому что знал и рассказывал всего лишь одну сказку – о трёхглавом драконе. Зато какую! Прилетал будто бы трёхглавый дракон каждую ночь в заброшенный сарай на краю села, где Сашка жил, съесть юродивого пытался.

Обитал тот дракон где-то в подземелье. Зубы у него были, как колья, из каждой пасти огонь трескучий валил. Сашка с тем драконом деревянным мечом сражался, до рассвета все три головы отрубить ему успевал. Да только вырастали у дракона, как в сказке и водится, новые головы, и опять и опять прилетал он в заброшенный сарай.

Сказка сказкой, а жутко, дуром кричал Сашка каждую ночь. Будто бы его и впрямь невидимый кто-то терзал. Корчился на соломе, как на сковородке червяк... Одно слово – юродивый!

Продолжалась эта история не один десяток лет. Но вот сменился в подгорской церкви священник – приехал на место старого молодой. Ох и невзлюбил новый священник юродивого Сашку! Стал против него активную пропаганду вести. Сашка этот, дескать, бесами одержим, большую беду на село навлечь может. Необходимо срочно прогнать его из села.

Убедил, в конце концов, новый священник местных мужиков. Посадили они Сашку в лодку, отвезли на другой берег Волги и там оставили. Иди, дескать, куда глаза твои глядят!

Отвезли мужики Сашку на рассвете. А на другой день, ближе к обеду, в Жигулях землетрясение началось. И умудрённые опытом старожилы такого землетрясения не помнили. Словно бы чудовище какое под землёю проснулось. Зашевелилось, заскребло во тьме когтями, пытаясь сбросить со своего хребта толстые пласты земли!

Больше суток жигулёвскую землю трясло. Поплыли тогда – куда деваться? – суеверные мужики за Сашкой. С новым священником и советоваться по этому поводу не стали. «Это нам за Сашку наказание послано, – рассудили. – Испокон веков на Руси юродивых не трогали, последним куском хлеба с ними делились!»

Отыскали, слава Богу, за Волгой Сашку, привезли его обратно в село. И вскоре – хотите, верьте, хотите, нет! – землетрясение прекратилось. Уснуло под землёй опасное чудовище, перекипело, по непонятной причине, в своих безумных желаниях.

Дожил юродивый Сашка до девяноста с лишним годков. Даже у тех мужиков, которые ему в сыновья по возрасту годились, давно уже кожа заголубела. Сидя на завалинках своих домов, и

жарким летом кутались они в овчинные тулупы. А Сашка, как в детстве далёком, всё босиком по снегу ходил!

Но вот настала такая ночь – Сашка первый раз в жизни дуром не кричал. Крепко, как все, проспал короткую летнюю ночь. Вышел, чуть развиднелось, из сарая и смеётся:

– Баста. Нет больше трёхглавого дракона.

– Ты, что ли, Сашенька, его одолел? – прыснули в кулак шедшие мимо бабы.

– Нет, не я: от старости умер!

В тот же самый день сходил Сашка в церковь, поставил Богу свечу и под вечер, повалившись в мягкую дорожную пыль, умер.

Народ его смерти ой как испугался. Ожидал, верно, что снова землетрясение начнётся. Ан, нет: миловал Бог!

СКОРОЕ НАВОДНЕНИЕ

Игнат Горшков, фатовый парень, влюблённый в свою соседку Акулину Медякину, с утра был не в духе. Ещё бы! Жалко ему было родного брата Ивана, которому изменила жена. Чёрная, как уголь, правда! Сырой, как подызбица, ветер! Плач жалеечный над осенним жнивьём!

Парашка, жена его брата, была бабой телесатой, всеми своими достоинствами весьма на Акулину похожая. Ох уж, эта Акулина, барыня-сударыня деревенская! Общительная такая, со всеми приветливая. Вечно возле неё какой-нибудь хахаль приезжий крутится... Не женщина – чудовищный василиск!

И он, Игнат, тоже хорош. Разгусярничался, как Садко, несуществующую взаимность где-то увидел. Даже жениться, глупый, решил. Прочь Акулина – вторая Парашка. Покажет Игнат Горшков всему свету, как надо пасху души ледяным фактом лечить!

С такими вот мыслями вышел Игнат ранним утром во двор, а вернее будет сказать, выбежал. Куры, искавшие в траве, бросились врассыпную. Достав из колодца воду, Игнат вылил её без остатка на себя...

Неподалёку от колодца росла ива, похожая на зелёный фонтан. Игнат решил её срубить. Повернулся, чтобы идти в сени за топором, и так и застыл на месте. На крыше его дома – о, все святые земли русской! – лежало судно...

Размеры судна были морские, оно лежало на боку. Его днище, пропитанное смолою, глубоко врезалось в конёк. Паруса на всех трёх мачтах были приспущены, как это бывает в траурные дни...

Игнату стало не по себе. Он ясно услышал, как плещутся вокруг его дома волны. Запах разлагающихся водорослей ударил Игнату в нос. И замелькали блики, как рыбёшки...

* * *

«Беда, капитан, – услышал Игнат голос на судне, чувствуя себя, как на морском дне. – Наш «Аргус» сел на мель!»

«А каков за бортом ветер?» – спросил другой голос.

«Пять или шесть баллов, капитан».

«Тогда смело поднимайте паруса. Обшивка судна достаточно прочна для любого тарана!»

«Нельзя, капитан. Скала, на которую мы сели, в смежном с нами мире – дом. Мы можем снести его до основания».

Послышалась лёгкая брань, молотковая дробь бегущих по палубе бабшмаков. Три раза ударили в колокол – громко и тревожно. Затем сердитый голос спросил:

«Однако, что же нам делать?»

«Обитателя этого дома сильно любят, капитан».

«Почему вы так решили?»

«Посмотрите, как ярко цветут вокруг его дома лилии, и как их много в этом пустынном на многие мили месте!»

«Стало быть...»

«Да, да, капитан: мы можем ожидать в самом скором времени наводнения!»

* * *

Игнат, как только речь зашла о любви высокой, прямо-таки буколической, тут же загрезился. Воскрес духом, засердцезвонил, ощутил прохладу быстрого воздушного течения в сторону избы Акулины. Судно при этом подскочило вверх, как от сильного наводнения, и, распуская на ходу паруса, понеслось над жигулёвскими просторами...

Но Игнат ничего этого не видел. Он распял себя на заборе, пытаясь пробиться взглядом сквозь заросли малины. Ещё бы! Из соседнего двора неслась тихая нежная песня. Это Акулина, зная, что за ней наверняка подглядывает Игнат, таланилась перед ним, срезая к завтраку зелёный, как древняя медь, лук.

Два солнца

Жили в Жигулях Корней да Прокопий, двое неразлучных друзей. Солнца восход вместе встречать любили. За то, что до самой земли ему кланялись, солнцепоклонниками в краю своём прозывались.

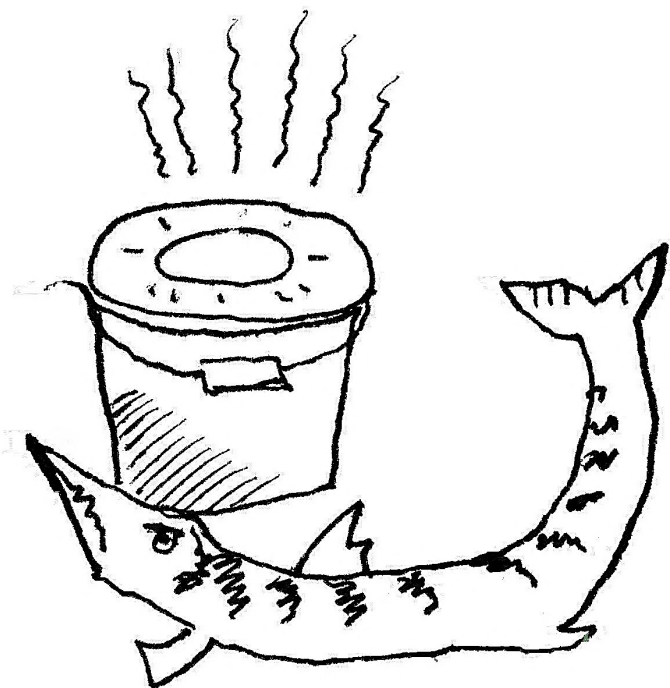
Раз пошли друзья на Каменное озеро рыбачить. На берегу девицу с ведёрцем в руке повстречали. Взглянешь и мельком на её лицо – покрыть горячими поцелуями захочешь!

Алиной девица назвалась. Воду в избу свою без усталости носила. Домой идёт – смеётся, обратно возвращается – плачет.

– Поведай нам своё горе, – друзья попросили. – Авось и поможем!

– Мечтаю я солнце домой принести, – Алина отвечает. – Несу – оно в ведёрце так и сверкает. Только за порог переступлю – тут же гаснет!

Удивились друзья такому занятию, для них – беспричинному. А Алина отнесла в очередной раз воду и кричит им с пригорка:

– Наконец-то я солнце поймала!

Заглянули друзья в её ведёрце и карася желтобрюхого увидали. Показали они Алине солнце настоящее, в окошке сверкавшее. Та смотрит на него и не видит – как бы шоры опускаются на глаза. Встаёт перед ведёрцем на колени и молится карасю.

Поняли тогда друзья, что Алина Озеровиком, на дне Каменного озера живущим, заморожена. Решили они вызволить её из беды.

– Спустишь я с Алиной на дно, а ты меня крючком за штанину зацепи и на берегу ожидай, – просит Прокопий Корнея. – Три раза за леску дёрну – тащи скорей из воды!

Сомкнулись за Алиной с Прокопием воды, как двери стеклянные. Друг на дружку посмотрели – один другому рыбой привиделся. Прокопий Алине – языком, а она ему – плотвицей.

Заработали они плавниками что есть мочи, стали на дно озёрное спускаться. Семь заборов из водорослей густых преодолели и розовую раковину увидали. Та раковина теремом оказалась. Нашли они Озеровика в зале двусветной, осетрами-камердинерами окружённого. Каждый осётр – бревно морёное, тонкой резьбой белеющее. Кресло Озеровика из угрей, как из толстых прутьев, сплетено. Борода подводным течением в окошко выносится, и конец её за семь вёрст зеленеет. На голове Озеровика – венчик из кувшинок. Сидит он в кресле и тело своё, в кольчугу из ракушек одетое, карасиным солнцем обогревает.

– Пошто, житель земного мира, посланницу нашу от родины отвращаешь? – спрашивает Озеровик у Прокопия.

– Полюбил я Алину крепче крепкого, – признаётся Прокопий. – Хочу её у тебя, твоё

мокрейшество, выкупить. Скажи, что желаешь за неё получить?

– Подарил бы я тебе плотвицу эту, о сухом солнце возмечтавшую, – отвечает Озеровик, – да не могу: она Щуке на ужин обещана. Плыви, если хочешь, к ней: авось и сторгуется на чём-нибудь!

Отправились Прокопий с Алиной к Щуке. Та выслушала их и только ртом своим утячьим защёлкала:

– Хочешь плотвицу в свой мир заполучить, оставайся вместо неё у меня!

Потрогал Прокопий крючок, за штанину зацепленный, и согласился.

Но Щука – существо хитрое. Позвала она рака-слугу. Тот приполз и клешнёю, как цирюльник ножницами, вокруг Прокопия заработал. Леску, конечно, тут же и перерезал!

– Что, не передумал? – заблестела глазами бородавками Щука. – В последний раз тебя спрашиваю!

Посмотрел Прокопий на Алину и белую лилию, лепестками на ветру трепетавшую, увидел. Жалко ему стало её. «Пуцай Алина вместо меня солнце земное увидит!» – решил про себя.

Щука раскрыла пасть и проглотила Прокопия. Только живот в сладкой истоме расслабила,

как в воде крючок с насадкой мелькнул. Метнулась Алина в отчаянии за тем крючком, Щука по привычке за ней, и вытащил их Корней обеих на берег. Распорол он щучье брюхо – Алина с Прокопием живые и невредимые из него вылезли!

Поглядела Алина в небеса – щёки её бледные так и заснежились. Сходила за ведёрцем и выпустила в озеро карася. «Знаю теперь солнце небесное», – ему на прощанье сказала.

Расцвела красотой Алина пуще прежнего. Поглядишь на неё, и словно хрустальный шар, в котором столепестковая роза краснеет, увидишь!

Помутился разум у друзей, захотели они на Алине жениться. Подступились и требуют:

– Выбирай себе друга сердечного!

Смотрит Алина на друзей, а у самой губы так и шепчут молитву. Видит не друзей, а восковые свечи сажённые, в честь самого солнца ярко горящие. Всякому встречному тепло и свет дарить те свечи готовы. Возможно ли какой отдать предпочтение?

А друзья никак уняться не могут – делить Алину принялись. Дракой такое облако пыли подняли, что на небе среди дня ночь приключилась!

Испугались друзья такому затмению солнечному, для них — беспричинному. Схватили ведёрце и давай им воду из озера черпать — карася желтобрюхого ловить.

— Хоть карась — солнце и не настоящее, — размышляли, — а всё светит!

Ловили-ловили, и вместо карася окунька краснопёрого поймали. Выпрыгнул тот из ведёрца, о берег хвостом ударился и пареньком обернулся. Взгляд — колючий, голос — канючий, походка — вертлявая, а голова — дырявая. Прочихался паренёк от пыли и заявляет:

— Я — Васёк-окунёк. Не стыдно ли вам чужую невесту делить? Алина с малькового возраста за меня посватана!

Хотели было друзья Васька-окунька обратно в озеро скинуть, да Алина вступилась за него:

— Правду говорит полосатый. И негоже мне от судьбы своей горькой бежать!

Поклонилась Алина Корнею и Прокопию до самой земли, взяла Васька-окунька за руку и в избу свою повела. Вскоре и пыль улеглась, солнца круг обозначился, старая сказка окончилась, а новая — началась.

Герой Крымской войны

Шёл к себе на родину, в Екатеринбург, солдат, на остатное житьё возвращался. Георгиевский крест на груди, а сам – сплошная рана. Ухайдакала, видать, совсем нелёгкая служба мужика!

Дойдя до села Большая Царевщина, напросился солдат в одну избу переночевать.

Ночью случился с ним жар, и довольно сильный. Однако ни врача, ни ветеринара в селе том не нашлось. Прележал солдат в полном беспомоществе пару деньков и скончался.

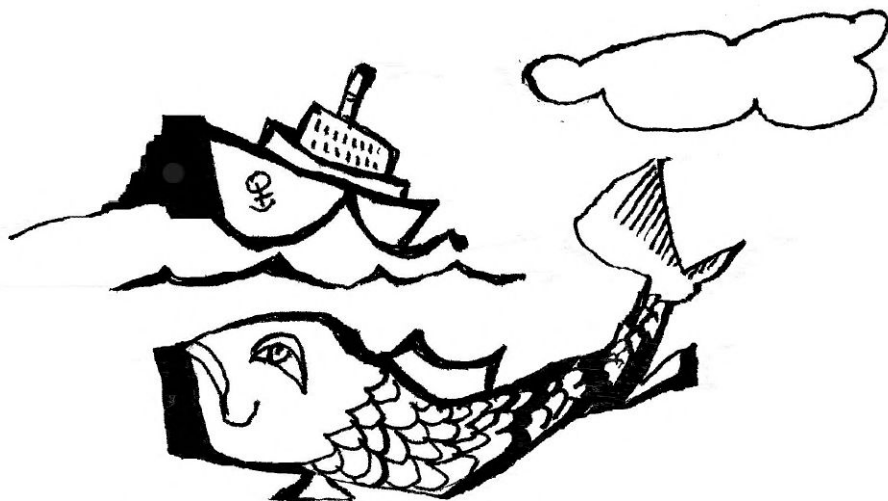
Случилась эта история летом, в покосные дни. И мужики, и бабы до первых звёзд на лугах косили. Схоронили солдата добрые люди кое-как, и на том, как говорится, спасибо!

Зато три ночи подряд на кладбище из пушек палили, барабаны били и трубы играли.

«Вечная слава герою! – кричали бесчисленные голоса, неизвестно чьи. – Вечная слава герою Крымской войны!!»

Чудо-рыба

В солнечные правремена, как утверждают подгорские предания, жила в Каменном озере чудо-рыба. Глаза – изумруды, чешуя – зеркала, плавники – тонкий батист. Каждый вечер, лишь только медовый месяц над лесом показывался, закипала озёрная гладь, и объявлялись на берегу четыре бобра. Не спеша, вразвалку несли они в поля камышовый коврик. На коврике том чудо-рыба возлежала, светясь,

как разноцветный фонарь. Подгорцы к ней, как к заозёрному богу относились. Издали полюбуются, радость благодатную в сердце получают и по избам своим разбредутся. Никаких неумильных поступков по отношению к чудо-рыбе не совершали. Всякое семисложное дело проще простого решать умели. Птицы клевучие да звери рыкучие в дружбе с подгорцами жили. Не говорили подгорцы, а рекли. Алатырь-камень, зарытый в Жигулях ещё при царе Горохе, знавали. Жили по триста лет и с песнями умирали. Про то подгорские предания говорят. А уж сколько в них правды заключено, пусть каждый сам решает.

* * *

Случилась эта история уже в наши, покорившие аэропланом небо времена.

У фельдшера Казарина из села Рождественно заболел его единственный сын Илья, гимназист. Заболел какой-то странной болезнью. Всё мнит себя замурованным в бетонном подвале, пугается, плачет, кричит. Сначала фельдшер пытался лечить своего сына сам, а после

к помощи видных самарских врачей обратился. Не помогло. Илья сох на глазах, и на третий с начала болезни месяц погрузился в какой-то реликтовый бред.

Фельдшер, сельская знать, большие надежды на своего сына возлагал. Мечтал видеть его юристом, с деньгами и положением. А тут вот такая беда случилась, такая беда!.. Нафабранные усы фельдшера, торчавшие по тогдашней моде концами вверх, вскоре, как вымоченные в воде, повисли.

Раз, в самый разгар болезни сына, проходил фельдшер мимо скамейки, на которой грелся на солнце хилый старик. Село Рождествено большое — фельдшер помнил по имени далеко не всех. Окликнул его старик, попросил поднять клюку, упавшую на землю. Фельдшер поднял.

Домой идти не хотелось. Фельдшер подсел к старику, разговорился. А тот, словно ребёнок малый, всё к сказкам да небылицам в разговоре тянется. От него-то и услышал фельдшер вперые предание о чудо-рыбе. И только носом в ответ заорганил — он, человек крещёный, языческие бредни всегда осуждал!

А ночью приснилась вдруг фельдшеру чудо-рыба, какой старик её описал. Уставилась на него пилюлевидными глазами и такое человеческим голосом изрекла: «Хочешь, чтоб выздоровел твой сын Илья – вырой в огороде новый колодец!»

Фельдшер над таким сном сначала только посмеялся. Но и впрямь надо было рыть новый колодец: старый-то совсем пересох! Чудо-рыба в этом была совершенно права. И хоть не был фельдшер суевером, а, всё же, тайным, скрытым в сердце умом подумал: «А вдруг?..» Короче говоря, нанял фельдшер землекопов и вырыл колодец.

К тому времени Илья уже совсем задалеченный, с полузакрытыми глазами в постели лежал. Стал фельдшер, ругая себя за суеверие, поить его водой из нового колодца – не помогло. Плюнул и перестал. А дня через три пошёл, уже для хозяйственных нужд, за водой и зачерпнул из колодца матросскую бескозырку. Наверняка соседские мальчишки подбросили!

Увидел случайно ту бескозырку Илья – замычал, как телёнок, и восковыми ручонками к

ней потянулся. Надел бескозырку себе на голову – и в первый раз за долгое время болезни улыбнулся!

Вскоре Илья и совсем от своей болезни поправился. С матросской бескозыркой – словно она заколдована была! – ни на минуту не расставался. А как стал ему отец снова про юридический факультет университета долдонить, сбежал. Плавал сначала юнгой на пароходе, а спустя много лет и до капитана торгового судна дослужился.

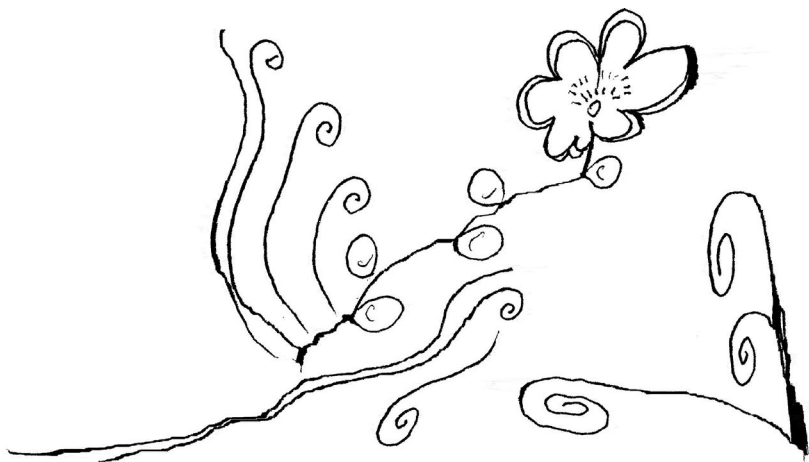
Объездил Илья весь белый свет. Видать, есть судьба у человека. А жила ли в солнечные времена в Каменном озере чудо-рыба – кто ж её знает?

Песня раскаявшегося разбойника

Растёт, слышал я, в Жигулях трава, которая покаянную зовётся. Редко встречаемая, нужно заметить, трава. Цветёт она будто бы раз в году, в ночь на Ивана Купалу, жёлтыми колокольчиками, а листья у неё, как медные копеечки, круглые.

Находил ту траву в последний раз, лет полста тому назад, один разбойник. Отведал её и душою переменялся. Обрил себе голову, взял в руки посох и по жигулёвским дорогам

отправился, у всякого встречного человека прощения просить.

Пел, между прочим, в своих странствиях такую песню:

*Летела пуля в волка, да не попала,
Летела пуля дальше – попала в Манчиху-гору.
Выну я пулю из горы,
Бинтом ту рану перевяжу.
Только где взять бинт, чтоб рану перевязать,
Бинт длиною в семь вёрст?
«Не надо мне бинта белого, – гора отвечала, –
Не надо мне помощи человеческой.
Перевяжут мне рану зимой снега,
По весне из раны красный тюльпан взойдёт».*

Раскаянье наши предки с морем нередко сравнивали, а в море ой какие глубины бывают!

Два Ми́ханла

БЫЛО это или нет, сказать теперь трудно. В летописях жигулёвских не отражено, но в памяти народной хранится!

Жили в селе Моркваши два подростка, Фёдор и Михаил. Шибко подростки те дружили. Словно одна мать колыбельные песни им пела, кормила грудным молоком!

Приехали как-то в Моркваши коробейники, привезли с собой вещи, нужные многим на селе. Фарфоровую посуду, изготовленную на фабрике купца Смелякова, фабру для натирания усов, карамель... И вместе с этими вещами – заморскую игру «шахматы»!

Никто из сельчан игрою той не прельстился. Лишь Фёдор с Михаилом лапту да городки – в сторону, и давай слона и пешку переставлять. Даже ночью, при свете луны играли. Такой магнетизм шахматы имели, такой, видно, возраст был у друзей!

Наконец, и шахматы им надоели, решили малость передохнуть.

— Айда Ладоград, город на том свете искать, — предложил Фёдор.

— Айда, — согласился Михаил.

— Ты в одну сторону иди, а я в другую, — посоветовал Фёдор. — Если земля и в самом деле круглая, встретимся когда-нибудь!

Попрощались друзья и разошлись.

Идёт Михаил по дороге просёлочной, на небо и не глядит. Поля и реки рассматривает, щурит, как приказчик, глаза. Ставит зарубки на деревьях, метит камнем свой путь.

Набрёл Михаил на колодец, заросший крапивой и лебедой. Глянул в него и Ладоград, куполами церквей на солнце играющий, увидел. Бросился на радостях в тот колодец и утонул.

А Фёдор идёт среди полей, шумящих спелой пшеницей. Под ноги себе и не глядит — всё на небо смотрит!

Увидел он как-то раз Ладоград, плывущий на облаке. Тикает, стрекочет в нём жизнь барскими настенными часами!

— Эй, ладоградцы, — крикнул Фёдор. — Позвольте на ваши апартаменты поглядеть!

Никто с облака ему не ответил. Прикинулся тогда Фёдор водовозом и снова кричит:

– Вода ключевая, студёная. Извольте, удовольствия ради, усы в неё обмакнуть!

На этот раз с облака откликнулись, спустили на верёвке бадью. Фёдор не стал воду наливать, сам в бадье схоронился. Подняли его ладоградцы на облако.

Ладоград – город особенный. Так все, кому побывать в нём посчастливилось, говорят. Улицы этого города от площади Солнца начинаются, носят непривычные для человека имена. Имеется улица Духовной Пищи, Большого Ума, Семи Ремёсел. Имеются и другие улицы, названия которых, как песня, звучат. По какой улице пойдёшь, такое твоё желание и сбудется. Фёдор пошёл по улице Верных Друзей. Встретился ему через пару кварталов Михаил, живой и невредимый. Вот радости-то было!

Прошло какое-то время, и Совет старейшин Ладограда издал Указ:

«Человек по имени Фёдор, обманным путём к нам проникший, способен с пути развития нас увести. Необходимо спустить его на землю, и как можно скорее...»

Что ж, указы надо слушаться!

Зовёт Фёдор с собой Михаила, земные блага перечисляет ему. А тот лишь грустно улыбается...

— Куда я без тела пойду? — спрашивает-отвечает. — Оно у тебя имеется, гибкое, как лоза. А моё тело в колодец упало, стало землёй, водой...

Вернулся Фёдор на землю, наполнил цветочными запахами свою грудь. Выпил молока, заел его хлебом, и вновь прекрасной показалась ему земная жизнь!

Вот одна неделя на бугор взобралась, с него прыгнула, другая. Скучает Фёдор по другу своему. Сверстники его играми старинными развлекаются, не с кем Фёдору в шахматы сыграть!

Приснился как-то раз ему Михаил, одетый в новую рубаху, и говорит:

— Хочешь, чтоб я на землю спустился, в шахматы тебя обыграл? Езжай в таком случае в Самару. Купи у цыгана, у которого серьга на левом ухе висит, катушку ниток!

Ладно, так и быть. Взял Фёдор десять рублей — всё, что у него накоплено было. Добрался до Самары и встретил цыгана с серьгой. Держит тот катушку ниток, прячет улыбку в чёрные усы...

– Сколько за неё просишь?

– Десять рублей.

– Да она и пятиалтынного не стоит!

– Не хочешь, не покупай.

Вспомнил Фёдор наказ, что непременно у цыгана с серьгою купить нужно, и купил.

Идёт он на волжскую переправу, смотрит улыбчивым взглядом на людей. Скорую встречу со своим другом предвкушает!

Подходит к Фёдору городской. Мундир на нём белый, штаны синие, обут в скрипучие сапоги. Крутится возле городского рыжая девка, словно юла.

– Покажи, что в кармане несёшь!

Фёдор показал.

– Твоя катушка? – спрашивает девку городской.

– Моя!

Засвистел тут городской в свисток, свидетелей призывая...

– А ну, следуй за мною, господин вор!

Провёл Фёдор очередную ночь в полицейском участке, под голову сапоги вместо подушки положив. Наутро рыжая девка является, горячие блины ему несёт.

– Портить судьбу тебе не стану, но на поруки возьму, – заявляет Фёдору девка. – Потолок в моём доме побелишь, покрасишь, как следует, полы!

Белит Фёдор потолок, а девка возле него платьем шуршит, как мышка. Пронесётся по комнате из угла в угол, оставив запах духов. То чай горячий принесёт, то конфету в карман Фёдору сунет!

День провёл Фёдор возле женского опасного огня, другой, на третий и сам загорелся. Обвенчались молодые в ближайшей церкви. Зажили, как две ласточки, дружно.

Родила ему супруга, когда срок этому пришёл, мальчишку. Фёдор его Михаилом в честь своего друга назвал.

Подрос немного Михаил и стал на своего тёзку, как два пшеничных зёрнышка, похож. Никто игре в шахматы его не учил: сам научился. Сядет, бывало, с отцом играть – раскалённой кочергой от доски не отгонишь!

Прощение на Высочайшее имя

Давным-давно случилась эта история. Помнят её лишь горы Жигулёвские, дорога, ведущая в село Шигоны, да сосны в обхват шириной, растущие вдоль той дороги.

В погребке знахаря Луки из села Шигоны жил человеческий скелет. Да, да, мой читатель: я не оговорился. Именно жил, а не лежал в сыром помещении тихим кладбищенским инвентарём!

Целыми днями ходил тот скелет из угла в угол, костями на поворотах гремя. Погреб-то рыли широко: было, где развернуться. Если со стороны на хождения эти посмотреть — занят был делом, как чиновник. Но нет, ходил просто так, из уважения к самому процессу. Ощущая радость от того, что производил своим движением ветер!

Три раза в день открывался лаз, и в погреб летели столовые объедки. Скелет, понятное дело, их не ел. Зачем ему еда, если нет желудка? Доставались объедки в полном составе мышинной братии, обитавшей в соломенном тюфяке. А бросались объедки в погреб вот для чего.

Всякий раз, их увидев, скелет вставал на колени и жалобно причитал:

«Поделом мне, бывшему дворянину, с мужицкого стола объедки достаются. Слишком скупым при жизни я был!»

Знахарь тот скелет как местному люду, так и приезжим за большие деньги показывал. Зрелище, конечно, незабываемое: такое и в Питере, и в Москве навряд ли увидеть можно!

И вот повадился смотреть тот скелет чиновник, приехавший из Костромы. Раз посмотрел, другой, а после взял, да и украл, дождавшись удобного случая. Доставил скелет в ближайшую рощу и с нежностью, какая только возможна в мужчине, сообщил:

— Ну, здравствуй-здравствуй, мой братик родной!

А скелет того чиновника обнимает, в бледные губы поцеловать норовит.

— И зачем ты только, братик, меня разыскал? Жил бы да жил в своё удовольствие, прошлой жизни не помня!

— Я, — отвечает ему чиновник, — долги твои сторицей людям верну. Будет тебе, братик, спаться спокойно в могиле!

Зарыл чиновник скелет под берёзой, сделал пометку на коре и пошёл по окрестным сёлам милостыню людям раздавать.

Сначала одежонка кое-какая немудрёная, медная денежка на милостыню пошла. А как раздал чиновник своё имущество, стал вдруг серебряную посуду, пистолы с костяными узорными ручками да крупные ассигнации людям дарить.

Вскоре в имении графа Орлова-Давыдова, которое неподалёку, в селе Усолье находилось, обнаружилась крупная пропажа. Чиновника поймали, признали душевно здоровым и стали судить. Насчитали ему, по всем царским законам, семь лет каторги.

Так бы и пришлось этому чиновнику дороги Сибири не по карте географической, а по столбам полосатым изучить. Да вмешался в эту историю сам граф Орлов-Давыдов, подал прошение на Высочайшее имя. В результате отправили на каторжные работы в Сибирь не чиновника, а знахаря Луку.

А чиновник, приехавший из Костромы, угодил в дом для престарелых людей, находившийся в Самаре. Где комнаты для лиц, принадлежавших дворянскому сословию, были меблированными, медные ручки до блеска начищены зубным порошком и где недурно кормили.

Закрытая карета

Говорят, поэт Пушкин, Александр Сергеевич который, когда он в Оренбург по делам писательским направлялся, мимо наших Жигулей проезжал.

Повелел будто бы Пушкин, как только к Жигулям стал приближаться, удалых людей ему сыскать. Это дело нехитрое: раз, два, три – и четыре молодца из волжского разбойного послужного списка, как говорится, возле Пушкина объявилось!

Попросил будто бы их Пушкин, за щедрую плату, разумеется, связать себя по рукам и ногам и в закрытой карете через все Жигули провезти.

– Иначе нельзя, – заявил Пушкин. – Потому как, о красоте сих мест весьма будучи наслышан, запросто могу тут остаться!

Обещал, говорят, Александр Сергеевич Пушкин к жигулёвскому зелёному огню непременно вернуться. И вернулся бы, ей Богу, вернулся, да вскоре одним завистником был на дуэли убит...

Прихитила, стало быть, мать-сыра-земля славного русского баюна, обещанного и Жигулям.

Агёй и Вёрка

Знахарь Лука из села Шигоны умирал тяжкой, до крика мучительной смертью. Было ему в ту пору уже более ста лет, а опыт свой так никому и не передал. Пришлось односельчанам поднимать угол его крыши*. Именно через него душа умиравшего и вылетела наружу. Имея вид голубя, украшенного куриным гребешком... Много птиц обитает в Жигулях, а такую сельчане видели впервые!

Любопытные мальчишки открыли в хозяйстве Луки странный погреб. У самого дна имелась круглая нора, в которую едва уместиться можно было. Самый смелый – Колька Нечаев – в неё полез. Часа через три вылез вспотевший, зато с осиянным лицом. Рассказал своей братии такое, отчего у ней щёки пятнами пошли. Будто бы мир иной посетил, на наш совсем не похожий. С небесами радужными и прозрачными, как мыльный пузырь!

Сначала мальчишки, а после и взрослые, наслушавшись историй о той норе, стали в неё залезать. Действительно, подтвердилось: в конце норы, длинной как труба самарского пивзавода, свет брезжить начинал. Словно бы человек, горный тоннель преодолев, снова в мир возвращался. А уж какой был тот мир – этот или другой – кто ж его знает?

Вскоре, впрочем, обнаружилась одна странная особенность того, что видели по ту сторону норы. А видели чаще всего то, что радовало душу. Один видел море, другой – степь, третий – горы, четвёртый – лес... Словно бы тысячу ответвлений нора та имела, во все концы земли!

Жил в ту пору в селе Шигоны крестьянин Агей Лисенков. Мужик набожный, работающий, толковый во всём. Загар кирпичного цвета даже зимой с лица не сходил. А вот баба ему попалась ленивая, с кондачка на жизнь смотревшая. Любезничала Липа – так её звали – с каждым заезжим мужиком, пальцем её поманившим да самогоном крапивной жгучести угостившим. Померла Липа, не дожив и до тридцати годочков, года три тому назад, а

Агей до сих пор её в молитвах своих вспоминал, снова не женился.

Узнал Агей про ту нору, шибко разволновался и тоже в неё полез. Уж какую думу имел при себе, про то неизвестно.

Вот неделя, другая проходит – Агей всё не возвращается. Шибко испереживался за него народ: так ведь и с голоду умереть можно! А пуще всех испереживалась за него Верка Курицына, имевшая прозвище Стрекоза. Давно Агей в её сердце квартировал, не внося платы за своё проживание. Оттого и не выдержала Верка первой – полезла в ту нору своего горемыку искать!

Долго ползла Верка в темноте, с мыслью о смерти возможной успела свыкнуться. Всякую царапину ощущала, как рану от ножа, всякий шорох – как крик из преисподней. Но всё Агей мерцал на её пути, словно лампада в опустевшей церкви!

Вылезла, наконец, Верка на свет. Видит поляну в незнакомом ей лесу, всю бабочками, как листопадом, испещрённую. И сидит посреди той поляны Агей, на коленях живую Липу приютив!

Сарафан на Липе господский, синешелковый. Кокошник на голове – диво чужедальнее, алмазными звёздами так и сверкающее. Ласкает Агей свою Липу, ничего не видит вокруг. А рядом – что за диво! – ещё одна Липа стоит, спиной к милующимся повёрнутая. Сарафан на той Липе серый от пыли дорожной, один глаз синяком, как пунцовая астра, цветёт, сухие губы похмельный угар источают...

Завечерилась, глядя на такую картину, Верка Курицына, но не растерялась. Схватила сук, в траве лежавший, и давай им Агея и двух Лип угощать! Липы с испугу в кусты шарахнулись, а Агей словно бы от сна векового очнулся. С камня, на котором сидел, поднялся и смотрит удивлённо вокруг. Взяла его Верка за руку, словно дитя несмышлёное, и прочь с окаянного места повела.

Доставила Агея до его избы без всяких историй. На замок амбарный закрыла, чтобы никуда не ходил, а ключ под крыльцом схоронила.

В ту же самую ночь вспыхнула по непонятной причине погребка знахаря Луки. Зарево пожара далеко видать было. К утру лишь ветер пляску половецкую на пепелище плясал.

Пробовали потом мальчишки под золой погреб отыскать, так и не нашли.

Агей же, как только поправился немного, к Верке-стрекозе сватов заслал. Вот какие события, связанные со смертью знахаря Луки, в селе Шигоны происходили!

Зажили Агей и Верка после свадьбы весьма примерно. Тихие и прозрачные тени кружились над их судьбой. Верка ему пятерых мальчишек родила, лицом — точь-в-точь их почтенный родитель.

** Согласно местному поверью, знахарь, не передавший свой опыт ученику, умирает мучительной смертью. Чтобы помочь знахарю уйти, местные жители поднимают угол его крыши и читают молитвы.*

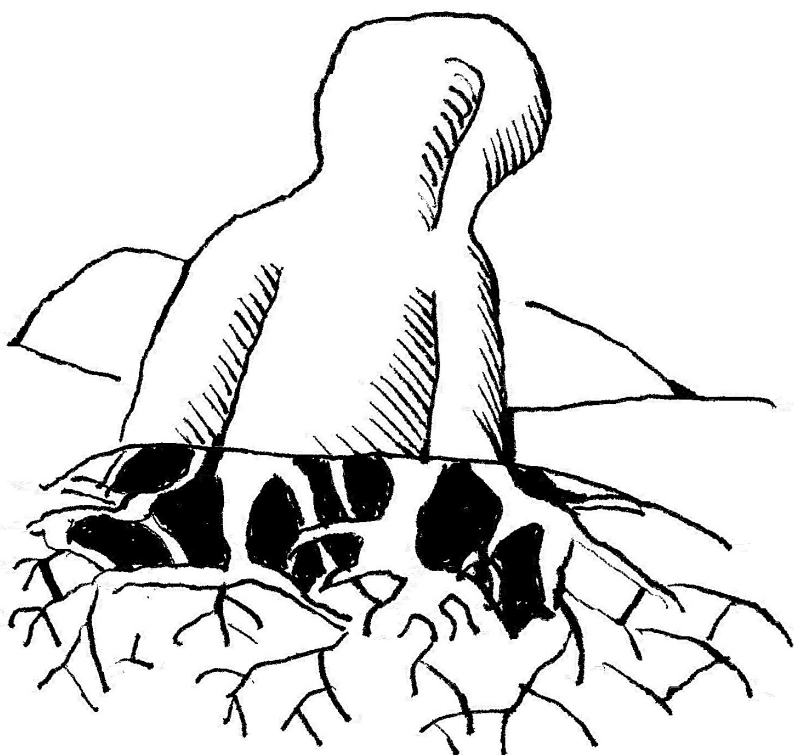

Корни камней

Стоял ещё в прошлом веке в Ширяевском овраге истукан – языческий идол. Высокий, многопудовый, смотревший равнодушным взглядом в даль. Местное предание гласило, что идолу этому тысяча лет, хотя он и был вырублен из мягкого, подвластного скорому разрушению известняка.

Древний человек молился этому идолу, встречал возле него утреннюю и вечернюю зарю, современный же человек вёл себя иначе. Он лишь терзался догадкой, мешавшей ему вполне спокойно жить. Почему идол выглядел, как новый, только что изваянный каменотёсами-мастерами?

Кто-то пустил нелепый слух, что идол из Ширяевского оврага имеет корни. Длинные и кривые, какие имеются у деревьев. С того, дескать, идол и выглядит, как новый, что соки земные своими корнями сосёт!

Чем нелепее слух, тем больше шума. Всякая загадка – магнит, влекущий к себе беспокойные сердца. И вот настал такой день, когда люди явились к идолу с лопатами. Никаких корней, конечно, не нашли, зря только стража веков повалили!

Вскоре яма травой, как молодой кожей, заросла. Интерес к идолу люди потеряли, посещать

стали реже. А тут как раз один астраханский купец, любитель старины подвернулся. Подарил он ближайшему селу Ширяево несколько бочек хорошего вина и в Астрахань идола увёз.

Поставил его купец во дворе своего дома как украшение, напоказ иностранцам-гостям. Да только недолго, рассказывают, у него идол из Ширяевского оврага и простоял. Ветра в Астрахани солёные, солнце жгучее. Стал идол на глазах трескаться, рассыпаться. словно бы свой легендарный возраст решил наверстать. И четверти века, рассказывают, не прошло – в грудку камней превратился.

Часть II

Сказы и байки
Самары

Мать первого министра

Приезжал, рассказывают, в Самару магистр колдовских наук Штольц. Немец по рождению, по паспорту – француз. Хвастался тот Штольц, что из любого сопливого мужика может министра при царском дворе сделать.

Пришёл к нему на приём дворник Емельян Кралин. Нос – спелый помидор, зубов – штуки три.

– Сделай, – просит, – из меня царского министра!

Штольц того дворника на мелкие кусочки порезал, каждый кусочек в воде перемыл, каждую косточку маслицем смазал. Собрал затем все кусочки да косточки вместе и дворника оживил...

– Бонжур, – говорит ему Штольц.

– Бонжур! – тот отвечает.

– Шпрейхен зи дойч?

– Истинно так!

Отвёз Штольц дворника Емельяна к царю, и, точно, понравился тот ему. Сделал его царь первым министром.

А спустя короткое время приехала к своему сыну старуха-мать, а тот её и не признал.

– Полноте, – говорит, – я от отца родился. Помню не живот, но колбу стеклянную, не молоко, но казеиновый клей!

– Хочешь, сделаю тебя матерью первого министра? – предложил ей тогда услужливый Штольц.

Мать от такого предложения наотрез отказалась.

Умерла мать дворника Емельяна в 18... году у себя на родине, в деревне Пестравка Самарской губернии, от естественной тоски.

Пожар в Запанском посёлке

Ерошка, слепой от рождения, держал на чердаке родительского дома голубей. Старые корзины с отломанными ручками, валявшиеся повсюду, подходили для их проживания как нельзя лучше.

Многие люди, знавшие Ерошку с малых лет, понять его душу так до конца и не смогли. Чтобы любить голубей, считали эти люди, нужно их видеть летящими в небе, в согласии ветра и крыла. А Ерошка... Да, были причины почесать затылок, уже начинавший лысеть у некоторых людей!

Однажды, не успели ещё все голуби из полёта вернуться, бледный от волнения Ерошка перед родителями предстал.

— Беда, маменька и папенька: в Запанском загорелся один дом... Бросили окурок и забыли потушить!

Родители, услышав эти слова, так и застыли на месте. Маменька — с котелком дымящегося супа, извлечённым из печи, папенька — с молотком

по случаю ремонта табуретки... Вот и заговариваться стал, ко всему прочему, их бедолажка!

Примерно через полчаса тревожно, на всю Самару зазвонил колокол на пожарной вышке.

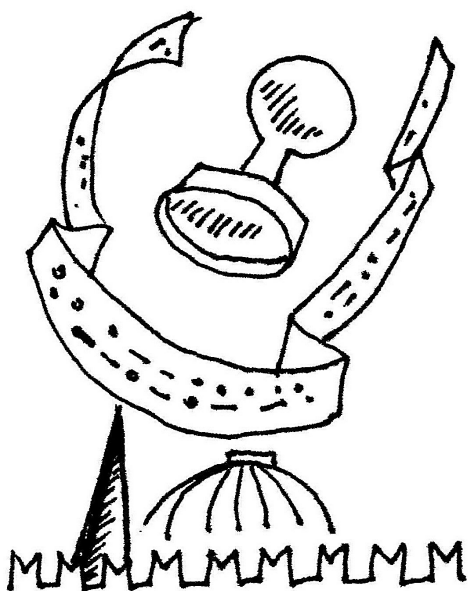
Действительно, подтвердилось: в Запанском загорелся один дом! На место возгорания выехала пожарная машина, прибежали жители соседних домов с вёдрами в руках.

Работали дружно и собранно. Вода плескалась в вёдрах, потные рубахи липли к телу, как к сковородке – блины. Однако жаркая погода, стоявшая в то лето, сумела одержать победу. Сгорел от того пожара, считай, целый квартал!

Телеграмма в Москву

В своё время об Иване Захаровиче Юрьеве, связисте самарской телеграфной станции, все местные газеты писали.

Как-то, по причине обрыва линии, не было связи с другими городами. Пришли от больной старушки телеграфировать её сыну в Москву. В тот день на станции именно Иван Захарович дежурил. Стали уверять его пришедшие, что если сын срочно не приедет, старушка непременно умрёт. А как дать

телеграмму в Москву, если не работает телеграф?

В сильном волнении, забывшись, Иван Захарович сел за телеграфный ключ и отстучал телеграмму. Такой уж он был горячий человек! И вдруг – сердце его через несколько минут застучало громко и неровно. Иван Захарович прислушался – самая настоящая азбука Морзе! Тире-точка, точка-тире... Расшифровал и вышло, что это сын старушки ответную телеграмму давал. Известие, дескать, получил и срочно выезжаю в Самару!

Через сутки с небольшим сын действительно приехал. Старушке в его присутствии сразу стало легче. А дня через три она уже чувствовала себя настолько здоровой, что стала вставать с постели и ходить.

Случай сей, разумеется, любопытный, потому о нём и много писали.

Среди вопросов, заданных Ивану Захаровичу работниками местной печати, был и такой. Способно ли сердце человека, если его грамотно обучить, явить телеграфному ключу достойную замену? Иван Захарович о таком обучении решительно ничего не знал.

Новый квартирант

Прохор Усов, молодой бухгалтер самарского железнодорожного вокзала, родом из Пензы, снимал меблированную комнату в гостинице. Прошлой весной влюбился в горничную Дашу, полногрудую хохотушку с русой косой. Обещал через год, накопив деньжонок, на ней жениться. Но вскоре Дашу за какие-то грехи рас считали, и её тёмно-вишнёвое платье перестало мелькать в коридорах и в лёгкой памяти Прохора.

Перед самым ледоходом на Волге приснился Прохору такой сон. Входит будто бы в комнату, в которой прожил он без малого два года, солидный такой барин. Велит прислуге мебель по-другому расставить и вместо зелёных обоев жёлтые наклеить. А Прохор тут же, в этой комнате находится. Заметил его барин и культурно так ему улыбается. Я, дескать, Пётр Иванович Сакуров, буду тут жить! «По какому такому праву, – спрашивает его Прохор, – вы хотите занять мою комнату?» «Да мне горничная Даша разрешила», – отвечает. «Во-первых, хозяйка гостиницы

вовсе не Даша, а мадам NN, – возражает Прохор. – А во-вторых, я намерен прожить в этой комнате до своей женитьбы, срок которой, как говорится, и в небесной метрической книге ещё не обозначен!» «Да вы лучше Дашу обо всём расспросите, – конфузится барин. – А мне непременно нужно в этот номер поселиться, и как можно скорее».

Вызвали Дашу. «Да, это я Петра Ивановича в твой номер поселяю, – отвечает она. – А ты, змеюга подколотный, обещавший на мне жениться, ступай себе на улицу и живи там под скамейкой любой!»

Сказала так Даша и в фартук кружевной зарыдала.

Тут Прохор и проснулся. Сердце в его груди паровозным поршнем колотилось. Весь день от

своей совести – судьи неотступного – тщетно пытался убежать.

Под вечер не выдержал – явился к Даше на Соловьиную улицу, где та у тётки жила. Чай с мёдом пили, о том-о-сём балякали. «Кто такой Пётр Иванович Сакуров?» – поинтересовался Прохор как бы невзначай. «Знать не знаю такого», – ответила Даша. Вздохнул тогда Прохор полной грудью и рассказал ей свой сон. Даша удивилась ему чрезвычайно. А вскоре, когда от души, без всякой причины засмеялся Прохор, охотно поддержала его.

Ушёл Прохор от Даши уже поздней ночью. На следующий день непременно навестить обещал. И вдруг напало на него прежнее чувство: горше скипидара горького вся их история показала. «Разлюбил я её, – сокрушался Прохор, – что ж тут поделаешь? Да и Даша вроде бы не в особых ко мне претензиях!»

Полегчало у Прохора на душе. Забыл он и сон, и Дашу, с продавщицей бакалейной лавки Глафирой очередные шуры-муры завёл. А месяца через два, купаясь жарким днём в Волге, утонул. Вселился же в его номер, точно – Пётр Иванович Сакуров. Даша, когда узнала об этом, не переставала удивляться такому странному совпадению.

Стул самарского мещанина

 дин самарский мещанин – так ли уж важна его фамилия? – решил в своём доме сесть на стул. Уже и ноги в коленях согнул, и нос от предвкушения сморщил, а стул возьми, да и отодвинься. Сначала совсем на немного – на пару вершков и только, но с противным таким скрипом!

Мещанин подошёл к стулу, снова нацеливаясь на него сесть, а стул и тикать. Выбежал в открытую дверь на улицу, где нарядно одетые барышни меж собою судачили, и ну по булыжной мостовой, как резвый жеребёнок, скакать!

Мещанин, известное дело, за стулом, за мещанином – мальчишки, за мальчишками – их матери, за матерями – все уличные зеваки шумной толпой понеслись.

О стул с гнутыми ножками, с широким сиденьем, под стать сенатору и купцу, сколько

развеселил ты уездов, сколько губерний заставил о себе говорить!

До сих пор, сказывают, толпа гоняется за беглецом. Уже и стул на прежнее место, в дом самарского мещанина возвратился, уже и мещанин женился второй раз, а толпа всё пытается его настичь. Не так легко, известное дело, угомонить русского расходившегося человека!

Записано со слов моего сродника, человека весьма благонадёжного, служившего одно время в тайной самарской полиции.

Бүровая нитка

Один монах, в Никольском монастыре города Самары спасавший свою душу, писал иконы не по указу начальства, а по велению души. И всякий раз, когда над иконой трудился, на потолок своей кельи частенько глядел.

Вот послушник один к нему и пристал. Расскажи, мол, да Расскажи, зачем ты на потолок всё поглядываешь?

Монах долго свою тайну хранил, имея на этот счёт свои соображения. Но, всё же, решился открыть её послушнику.

— Так и быть, завтра расскажу. Только принеси с собой суровую нитку, аршина три.

Сел монах на другой день писать икону, рядом с собой послушника посадил. Одним концом нитки себе запястье обвязал, другим концом — ему.

Смотрит послушник, а вместо потолка над ним небо свой купол простёрло. И светится в его вышине, на полпути к звёздам, икона. Залюбовался послушник той иконой, про всё на свете забыл!

Потом всё разом исчезло.

Видит послушник, а икона, над которой монах трудился, уже закончена. И сильно похожей на ту, небесную икону получилась. Только рисунком не так хороша и цветом бледнее.

Видение

Нил Родькин и Василий Уткин, молодые рабочие самарского паровозного депо, гуляли по городу. О знакомых красавицах, как водится в таком возрасте, говорили. На Дворянской улице, как раз напротив Струковского сада, нагнал их пьяный парень и без всяких, как говорится, тирад ударил Нила в правое ухо.

Ухо от этого запомидорилось и в размерах удвоилось. Завели друзья тому парню руки за спину и дознаваться стали, за что ударил. А парень рыдает, трясётся, как заяц подстреленный, и ничего толком сказать не может!

Решили друзья тому парню тем же зломанством ответить. Повели его, взяшей толкая, в ближайшую подворотню. А парень и не сопротивляется. Нате, мол, бейте – заслужил! Встал у кирпичной стены, воды спокойней, и в сторону смотрит.

Засучил Нил рукава своей красной рубахи, поплевал на кулак, размахнулся и... застыл

деревянной куклой на месте. Точно его радикулит стариковский прошиб! Постоял так с минутой, обмяк маленько и виноватой походкой прочь из подворотни пошёл.

Василий, известное дело, за ним.

— Рехнулся, что ли?

Нил ответил не сразу, молча квартала три прошагал. А как лицом цвет обрёл, такое поведал:

— Было мне видение, Васён... Увидел я себя полковником в треуголке, какие во времена Наполеона Бонапарта носили, а парня того — солдатом. Украл будто бы он на кухне пару картох варёных... Голодный, видать, был! А я его за это дело сквозь строй пропустить велел. Кожа с того парня так лоскутами и слезла...

Сказал это Нил, картуз с головы своей сорвал и на тротуар со всего размаха бросил...

Больше в тот вечер ни слова не вымолвил.

Воскресший судья

дин самарский чиновник, носивший мундир с медными пуговицами, приятно блестящими при ходьбе, на пуговицы эти никогда не смотрел и званием своим – «делопроизводитель губернской приказной канцелярии» – никогда не кичился.

В свободное время чиновник любил читать книги. Романы и поэмы были ему близки! И как-то само получалось, что чиновник по мере чтения книги становился похож на человека, который её писал. Читая книги Пушкина, чиновник темнел кожей, и волосы на его голове, доселе висевшие как нити, начинали кудрявиться. Читая Гоголя, наблюдал, как глиняные горшки, которые сушились на заборе в ожидании вечернего молока, беседовали о погоде. Творчество Тургенева вызывало в чиновнике тягу к красивым, но – увы! – замужним женщинам. Поэтому он читал Тургенева отрывками, успокаивая своё сердце душистым табаком.

Читая книги, чиновник растворялся в их атмосфере, как растворяется в утренней дымке

странник, идущий в Иерусалим. А прочитав поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», и вовсе в ней растворился. Говоря более понятным языком, знакомство с этой поэмой поставило крест на карьере чиновника. Он стал критиканом, трубачом новых демократических идей... и был уволен с работы!

* * *

Как только это событие произошло, в квартире чиновника стали происходить самые разные чудеса. Прежде всего, стала оживать мебель, ходить на своих коротких деревянных ножках и говорить. А чуть позже, узнав, что у квартиры имеется дверь, за которой находится мир, не разделённый на комнаты и коридоры, мебель стала уходить от чиновника. Каждую неделю что-нибудь уходило: шкаф, комод или шифоньер. И всякий раз, когда такое случалось, чиновник радовался, как дитя. И говорил слова, понятные немногим:

— Ну, здравствуй-здравствуй, добавленный год! Заходи, не стесняйся, чего стоишь у дверей?..

Да, было, о чём поразмыслить на досуге!

И открывая дверь какой-нибудь старой, потемневшей от времени этажерке, чиновник кричал ей вослед:

— Смотри, не ходи к богатым людям — отправляйся-ка лучше к беднякам!..

Соседям чиновника, людям, в основном, состоятельным, такие речи были не по душе. Собрав однажды совет, они объявили чиновника террористом, принимавшим участие в покушении на царя Александра III, и подали на него в суд.

* * *

При встрече с чиновником судья первым делом спросил:

— Это правда, что от вас ушла мебель?

— Истинно так, — подтвердил чиновник. — На сегодняшний день осталось всего шесть венских стульев!

Вытерев платком пот, выступивший на лбу, судья потребовал самых обстоятельных объяснений.

— Здесь нет никакого колдовства, — заверил его чиновник. — Мебель может как прийти к

человеку, так и уйти от него. Уйти от любого человека, в том числе и от вас...

– Ну, от меня-то уж она не уйдёт! – усмехнулся судья, который слыл жадным человеком.

– Я вам искренне этого желаю!

Посмотрев по сторонам (не подслушивает ли кто их беседу?), чиновник наклонился к судье и пояснил:

– Потому что всякая мебель, ушедшая с согласия её владельца, прибавляет к его жизни год, а ушедшая без согласия – отнимает...

Воцарилась тишина. Стало отчётливо слышно, как гудит за открытым окном пчела, прилетевшая на клумбу с цветами. И тут чиновник, обратив внимание на немолодой уже возраст судьи, спросил:

– У вас много мебели?

– Я – владелец двухэтажного дома! – сообщил не без гордости судья.

– В таком случае, если вся мебель от вас уйдёт, вы тотчас умрёте...

Судье такие речи не понравились. Покопавшись, как следует, в законах, он присудил высечь чиновника розгами, а затем выслать его из города на все четыре стороны.

* * *

Как только приговор был приведён в исполнение, судья отправился на квартиру чиновника, где действительно обнаружил шесть венских стульев, о которых тот ему говорил. Все стулья оказались в отличном состоянии. Сияя от радости, судья приказал отвезти их к себе домой и разместить в просторной, обставленной старинной мебелью гостиной.

И тут в доме судьи стали происходить самые настоящие чудеса!

Три последующие ночи из гостиной были слышны приглушённые разговоры. Кто-то спорил, митинговал, стучал ногами о паркет. А на исходе третьей ночи вся мебель, которая имела в доме судьи, ожила, тронулась с места и стала собираться в прихожей. Вскоре там образовалась длинная, оживлённо болтавшая между собой очередь. По команде старейшины дома шифоньера, сделанного ещё во времена царствования Екатерины Второй, столы, кресла, диваны и стулья стали выходить на улицу, не встречая сопротивления со стороны

оторопевшей от ужаса прислуги. И тут же, возле дверей, стоял судья. По мере того, как мебель выходила, его волосы седели и облетали с головы, словно пух с одуванчика.

Замыкали необычное шествие шесть венских стульев чиновника. И как только последний стул, горделиво задрав свою спинку, покинул дом, судья, превратившийся вдруг в дряхлого старика, схватился за своё сердце и упал на паркет прихожей.

* * *

Новость, столь необычная даже для такого крупного губернского города, как Самара, быстро облетела все слои населения. Хоронить несчастного судью собралась огромная толпа. При этом богатых горожан, близко знавших судью при жизни, почти не было. Кто-то пустил слух о том, что в городе распространилась новая, чрезвычайно заразная болезнь *меблиозия*, поразившая судью, и богатые горожане побоялись прийти и проститься.

И когда гроб, блестящий четырьмя медными ручками, намеревались уже опустить в могилу, по толпе пронёсся гул удивления. Толпа стала расступаться, пропуская человека в сильно потёртом сюртуке. Как вы, наверное, уже догадались, это был изгнанный из города чиновник. За ним в ногу, словно гвардейцы на параде, маршировали шесть венских стульев.

– Видите, что вы сделали с судьёй? – подойдя ближе, стал укорять стулья чиновник. – Разве честно было с вашей стороны устраивать заговор в его доме? Это похоже на месть, а ей не должно быть места даже в ваших, деревянных сердцах. Немедленно разыщите всю пропавшую мебель и уговорите её вернуться в свой дом!

Выслушав чиновника, стулья зацокали ножками по булыжной мостовой и быстро скрылись из глаз. Не прошло и четверти часа, как бездыханный доселе судья открыл глаза, сладко потянулся и стал на глазах молодеть...

Когда судья, роняя на землю цветы, покинул своё «вечное» пристанище, он выглядел уже брюнетом сорока с лишним лет, глядевшим на мир глазами, полными искреннего удивления.

Пока толпа охала и ахала и поздравляла судью с воскрешением, подозреваемый во всех вышеописанных злоключениях чиновник куда-то исчез. В Самаре он так больше и не появился. Говорят, чиновника видели в тот же самый день в ста верстах от города, в селе Богатое, покупающим в скобяной лавке петли для дверей. Впрочем, могли и ошибиться.

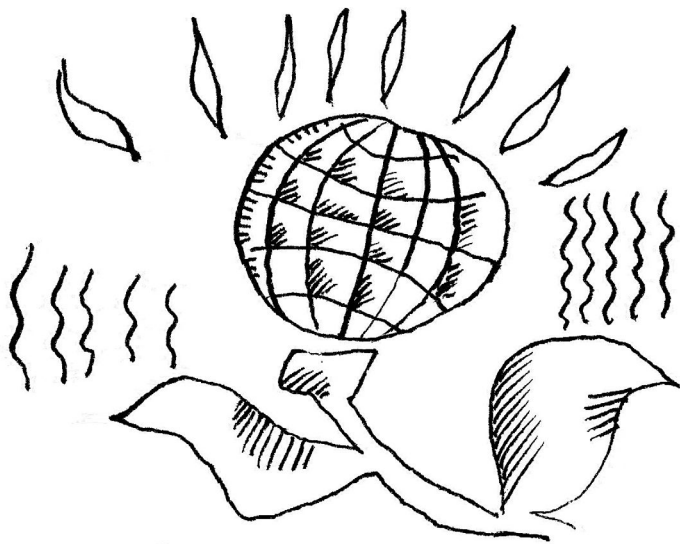
А вся сбежавшая от судьи мебель действительно вернулась в его дом. Не хватило лишь одной кухонной табуретки. Говорят, её сожгли беспризорные мальчишки, греясь на берегу Волги у ночного костра.

Пудра из цветочной пыльцы

Одна мироулыбчивая дева, за неимением пудры в её доме, использовала для обольщения своих ухажёров цветочную пыльцу.

Напудрив ею лицо, дева ощутила себя Матушкой-Землёю. Отдавшись такому непривычному для неё чувству, дева присела на скамейку, и лепестки с облетающих яблонь и вишен летели прямо на неё.

Вечером звякнул калиткой её ухажёр. Он был в синих плисовых штанах и скрипучих, как речи невыспавшегося приказчика, сапогах. Ухажёр долго, как зачарованный, смотрел на деву, всё ещё сидевшую на скамейке. Лишь кадык-шиш-карик, то и дело ёрзавший вверх, отмечал в нём наличие жизни. Под конец ухажёр воскликнул: «О, как огромна, как величава ты, Матушка-Земля!», отвесил низкий поклон и ушёл.

Тот ухажёр учёным-ботаником впоследствии стал. Объехал, в поисках редких растений, Индию, Монголию и Китай. А мироулыбчивая дева, некогда ощутившая себя Матушкой-Землёй, то ли, говорят, умерла, то ли ушла в монастырь. Метрику её в губернском архиве я не нашёл, писать же напраслину не буду.

НОВОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

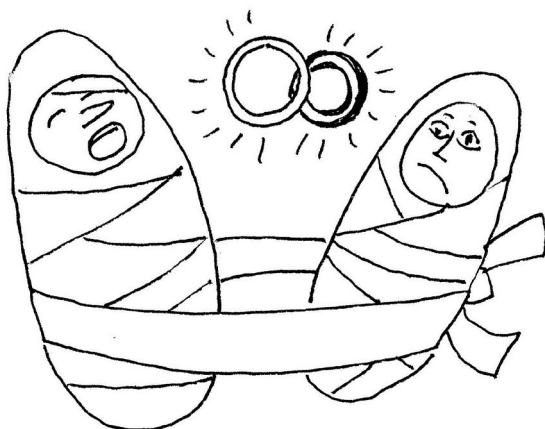
В городе Самаре, на Дворянской улице жили по соседству две молодые бабы. С самого детства, считай, шибко те бабы меж собою не ладили.

Вышли они почти в одно время замуж и забрюхатели.

Встречаются те бабы однажды на улице, возле магазина. У одной из них рот сам собою раскрылся и «здравствуй, Семён!» произнёс. А другая обомлела и встала посреди улицы, обхватив руками живот. Рот у ней также сам собою раскрылся и «здравствуй, Евлампий!» изрёк.

Решили те бабы, хорошенько покумекав, что это их дети, которые ещё в утробах пребывали, друг с дружкой поздоровались. Крепко на радостях обнялись. Сообразуясь с чудесным случаем, решили, что если у них и вправду мальчишки родятся, назвать их Семёном и Евлампием.

Прежде те бабы часто ссорились, а теперь подружились. Стали друг к дружке в гости ходить, о пелёнках да распашонках калякать.

Шибко те бабы мальчиков ожидали. Но родили в положенный срок... по девочке! Чудесный случай, который на улице, возле магазина произошёл, враз в наважденье бесовское превратился. Крепнувшей изо дня в день их дружбе тоже конец наступил.

Скучным повтором, быть может, такое заявление прозвучит, но дочери тех баб, едва подросли, тоже ссориться меж собой стали. Наследственная какая-то, ничем не объяснимая неприязнь!

Тут бы и точку, кажись, поставить, большими буквами слово «конец» написать. Но, достигнув совершенных годов, вышли дочери тех баб, именно, замуж за Семёна и Евлампия, двух неразлучных друзей!

Вот когда история, что с их матерями когда-то случилась, снова на поверхность всплыла, новое объяснение получила.

Находчивый портной

Самарский портной, носивший в одном кармане нитку с иголкой, а в другом – лоскуток, переплывал в старенькой лодке Волгу. На другом берегу, в селе Рождествено, жили его родители, которых портной не видел уже много недель.

Не успела лодка достичь середины, как налетел шквальный ветер и стал плескать через борт. Лицо портного было мокрым то ли от брызг, то ли от слёз. И тут, метрах в пяти от лодки, вынырнуло странного вида существо...

– Читай отходную молитву, – изрекло существо, снимая с головы водоросли, словно зелёный парик.

Догадаться нетрудно, что это был Водяной. Он жил на дне Волги, в трюме затонувшей купеческой баржи, среди ящиков с гвоздями и бочек, полных заморского вина.

Портной, разумеется, умирать не хотел. В городе Самаре, в собственной мастерской, у него

оставалось ещё множество недошитых брюк, жилеток и сюртуков.

– Если ты подаришь мне жизнь, – заявил он Водяному, – я научу тебя шить.

– А что значит *шить*? – спросил Водяной.

– О, это самое интересное занятие на свете! – воскликнул портной. – Вот, смотри...

И он ловким движением руки порвал на груди рубаху. Затем достал нитку с иглой и стал рубаху зашивать...

– Это занятие меня заинтересовало! – признался Водяной и, взмахнув рукою, покрытой рыбьей чешуёй, приказал шторму успокоиться.

Не прошло и получаса, как Водяной уже умел зашивать как малые, так и большие дыры. На его лице, имевшем розовый пятёчек, играла улыбка довольства.

– А на чём же я буду зашивать дыры? – спросил с беспокойством Водяной, когда лодка уже причалила к берегу. – Сукна-то у меня и нет!

– Твоё сукно – подвластная тебе стихия, – не растерялся портной. – Мало ли имеется на воде прорех в виде заливов, заводей и островов?

Водяной крепко задумался. Затем помахал портному лапой и нырнул в воду, не оставив и малых кругов.

А через несколько дней рыбаки и любители загородных прогулок недосчитались одного большого острова, расположенного на излучине реки, как раз напротив Студёного оврага. Куда этот остров, весь покрытый кустарником, подевался, никто сказать не мог!

Случай, разумеется, печальный, однако речному судоходству одну только пользу он принёс. Перестали пароходы и баржи, плывшие и в Астрахань, и в Москву, остров тот огигать, на радость купцам и торопыгам.

«Яблоня»

Картины самарского художника NN пропиской мелких деталей сильно напоминали фотографии. Авторитеты в искусстве их не одобряли, и на различных художественных выставках NN получал далеко не лучшие места.

Особенно NN любил рисовать яблони. При этом яблоки у него получались такие натуральные, с розоватой пыльцой на боках, что хотелось сорвать их с нарисованной ветки и тут же съесть.

Однажды NN в очередной раз рисовал яблони. В баночках с надписями «для ствола», «для листьев» и «для яблок» перед ним находились краски. В баночке «для ствола» находилась коричневая краска, «для листьев» — зелёная, в баночке «для яблок» находилась жёлтая краска. Впервые умело нарисованная картина NN не понравилась. Обессиленный душевной сумятицей, вызванной отсутствием новизны в его творчестве, художник свалился в кресло и уснул.

Во сне NN осознал себя летящим облаком. Внизу виднелась Волга, напоминавшая ствол гигантского дерева с множеством веток-притоков. На ветках, таких же синих, как и ствол, висели яблоки-деревни...

«Чистой воды импрессионизм!» – не рассердился почему-то NN, хотя прежде относился к этому направлению в искусстве, как «волк к зайцу».

Хорошенько взглядевшись в «яблоню», NN заметил в её ветвях мотыльками порхавших ангелов. С завидной мироулыбчивостью ангелы красили жидкой извёсткой ствол, обрезали захиревшую листву и опрыскивали жидкостью, напоминавшей медный купорос, плоды. Видимо, от каких-то вредителей своего «небесного» сада!

В этом месте NN проснулся. Музыка, наполнявшая его сон, перелилась в явь. Не медля ни минуты, художник принялся наносить на уже готовую картину увиденную «яблоню»...

С тех самых пор NN стал лучше понимать детей и импрессионистов.

Новый тучепрогонитель

Служащий самарской телеграфной станции Аристарх Сапогов долгие годы искал просветления. Перепробовал все пути, к нему ведущие – просветление так и не приходило. Под конец перессорился со всем миром, обозвал его «грешным» и «гадким» и решил уйти в отшельники.

Переправился через Волгу, вырыл на её глинистом берегу землянку и стал коротать свои дни в полном одиночестве.

Прожил кое-как лето и зиму, а к весне почувствовал, что умирает. Смастерил себе просторный гроб и стал спать в нём прямо под открытым небом.

Весна в тот год выдалась студёная, с частыми северными ветрами. К утру крышка гроба успевала покрыться инеем, как серебром. Чтобы избежать запрещённого христианством самоубийства, Аристарху приходилось ложиться спать в валенках и овчинном тулупе.

Во время ледохода на Волге приснился Аристарху вещий сон. Слетели будто бы с неба два ангела-архейца, расстелили на бестравной ещё земле синешелковые дорожки и гроб, в котором он спал, на те дорожки поставили. Дунули в свои дудки – пахнувший смолистой стружкой «дом» поднялся в небо и прямо в рай полетел!

Проснулся Аристарх на рассвете и песню радости запел. Ходит день-деньской по лесу, сушняком хрустит. Пичужек весенних слушает да ангелов-архейцев дожидается.

Как-то ночью услышал вокруг себя шорох – будто бы рулоны шёлка раскатывали. Гроб

закачался, сорвался с места. Глянул Аристарх за боковину – ни зги не видно. Лишь яркие золотые искры меж деревьев мелькают – что, если не дудки ангелов-архейцев?

Утром поглядел и удивился: как всё-таки мир небесный на земной похож! То же солнце, та же Волга-река, только на пол-мира разлившаяся. И плывёт он в своём гробу, как в лодке, прямо по её середине!

Пароход колёсный вдали показался – прошёл, не заметил. Чайки – небесные пилигримы – над Аристархом проносятся, воду тенью своею крестят. Рыба-чехонь всякую падшую муху заметит и саблями длинными в воде заблестит...

И никакой тебе демагогии! Шикалка кислолицая, что в нём прежде жила, почить изволила. Душа простоте небесной уподобилась – голубая, во всём голубое замечает!

На другой день прибило погребальную лодку к берегу. На пригорке – село Винновка. «Сюда, так сюда, вот и славно!» – подумал Аристарх и улыбнулся.

Оказалось в том селе свободным место тучепрогонителя. Выучился Аристарх новому

ремеслу и стал заведовать солнцем и дождём в местном масштабе.

Некоторые люди пытались впоследствии образумить Аристарха: ты, дескать, не в раю, а на земле грешной живёшь! Куда там, Аристарх и слушать таких людей не захотел!

Живёт новый тучепрогонитель в селе Винновка и по сию пору, если не умер.

В ВЫСОКОМ НЕБЕ

Жил в Самаре польский купец Янош Тышек, родом из Кракова. Жену его звали Барбарой, детей у них не было. Жили супруги в любви и согласии, наблюдая из окон своего дома облака. И герань, стоявшая в горшках на подоконнике, цвела для них круглый год.

Но вот пришла к супругам старость, заболела Барбара и накануне католической Пасхи умерла. Остался Янош Тышек безутешным вдовцом.

Поляков, покинувших свою страну по самым разным причинам, в Самаре к тому времени целая община собралась. Решили поляки сложиться и построить костёл, сообразно своей католической вере. Получили разрешение у городского главы и построили.

Вышел костёл, построенный на Саратовской улице, на славу. Такой красивый и в польских городах не часто увидеть можно! Янош Тышек, бывший в своей юности атеистом, а в зрелые

годы веривший больше на словах, стал часто костёл навещать. Ему, старику, покрывающая светом молитва нужнее всего теперь была.

Всё чаще и чаще стал вспоминать Янош Тышек своё детство. Оно ведь для каждого взрослого – абрикосовый рай! С мрачными и загадочными средневековыми замками, с земляками-героями, разбившими в освободительной Грюнвальдской битве хвалёных рыцарей Тевтонского ордена. С белыми аистами, гнездящимися на островерхих крышах домов. Ох уж, эти аисты... Подобных им птиц в православной купеческой Самаре не было и в помине!

«Непременно уеду к аистам, в свой родной Краков», – много раз обещал себе Янош Тышек, но всё откладывал. Привычки, друзья, неплохо налаженная торговля – груз, способный надолго задержать и самого решительного человека.

И вот однажды – о дважды два пять! – прилетел в Самару белый аист. Уселся на цинковую крышу костёла и стал чистить свои уставшие в полёте крылья. А после окончания вечерней службы, когда Янош Тышек выходил из костёла, уронил ему под ноги перо...

В ту ночь Янош Тышек так и не смог уснуть. В своём беспланетном одиночестве он мял в руках пуховитое перо аиста и плакал. «Ведь это перо, возможно, побывало и в родном Кракове!» – повторял про себя старый купец.

Ранним утром, придя к костёлу, Янош Тышек попросил аиста, который по-прежнему сидел на крыше, принести ему новую весточку с родины. Любую – на родине ведь и молчаливые камни говорят!

На сыроватом волжском закате аист принёс ему листок. Янош Тышек сразу же догадался – листок был со старого тополя, росшего возле окон его родительского дома в Кракове!

В том, что аист был волшебный, Янош Тышек уже не сомневался. Иначе как бы он появился здесь, в Самаре, которая никогда не знала таких птиц? Поэтому на следующее же утро Янош Тышек попросил аиста принести ему и сам родительский дом. Уж больно ему хотелось, после стольких лет разлуки, побывать в нём!

Легче, чем ветер косматит траву, аист исполнил его просьбу. А когда были принесены в

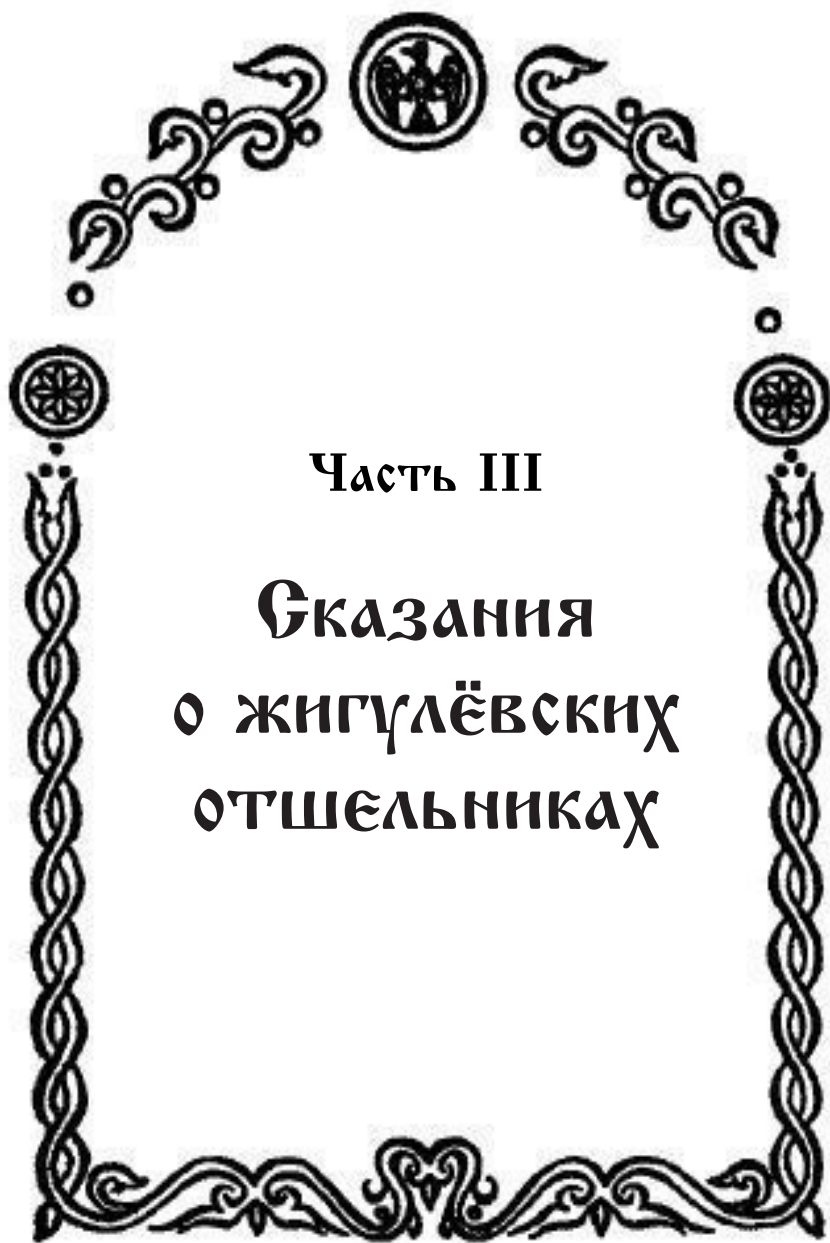
Самару не только улица его детства, но и весь родной Краков, Янош Тышек превратился вдруг... в аиста!

Он взмыл в лёгкие пересветные небеса, купаясь в тёплом дыхании милых сердцу земель, чтобы с орлиной высоты разом увидеть всю Польшу. И рядом с ним летела его жена Барбара – волшебный аист, некогда объявившийся на крыше польского костёла в Самаре!

С тех пор ежегодно, возвращаясь из тёплых южных стран в Краков и держа курс по звёздам, два белых аиста – Барбара и Янош – непременно залетают и в Самару. Такой огромный крюк вроде бы ни к чему, но что же делать? Неодолимая сила тянет их всякий раз на восток!

Всего лишь несколько волнующих сердце минут покружат аисты над Самарой, в которой они прожили когда-то почти всю свою жизнь, и уж потом летят в Краков, который роднее.

Часть III

Сказання
о жигулёвских
отшельниках

Горшок с золотом

Раз в году, а именно на масленицу, появлялся в селе Усолье весёлый отшельник. Встанет на чьём-либо пути, хлопнет три раза в ладоши и обернётся синим забором, на котором солнце, луна и часты звёзды нарисованы. Забор тот длинный-предлинный: только и остаётся человеку, что перелезть через него или перепрыгнуть!

Весёлые игры – масленицы украшение. Соломенное чучело Зимы на солнце бесцветным пламенем горит. Сложенные в стопку блины – как золотые колонны. Мало-помалу к синей диковинке привыкли. Посчитали тот забор игрою забавной и стали через него прыгать – все-все. И никто, будь то баба брюхатая или старик трухлявый, за него и валенком почему-то ни разу не задел.

Только на вторую масленицу заметили: забор то ниже, то выше становился. Смотря от того, кто прыгал. По прыгливости, так сказать, человека и препятствие вырастало! Удивились и ещё больше синюю диковинку полюбили.

Даже Федька Кузьмин, герой Крымской войны, от игры той весёлой не уберётся. Забыл видно, в общем раже победном, что ноги у него от самого туловища отрезаны. Выполз на тропку разбеговую – забор перед ним не выше крылечной ступеньки предстал. Руками в снег упёрся и туловище своё, как пешку шахматную, через забор перенёс... Плакал от радости до самой ночи!

А вот барский конюх Никита полюбил не только весёлую игру, но и самого отшельника.

Стал он к нему в Жигулёвские горы наведываться. Уйдёт – и два-три дня пропадает. От этого ли, или ещё по какой причине, да только вырос перед Никитой на третью масленицу забор высотой с Молодецкий курган. Никита не струсил – разбежался и прыгнул. По небу как раз большое облако проплывало. Никита в него залетел, а обратно – не вылетел!

Барин, владелец всей Луки Самарской, понятное дело, обиделся. Непорядок, когда его крепостной живым на небо попадает! Причислил барин Никиту к беглецам, а в потакательстве ему не бога, как следовало бы, а усольских крестьян обвинил.

Объявил барин крестьянам такой указ: или они ему Никиту живым или мёртвым доставят, или пущай за него всем селом горшок золота выплачивают. А если ни то и ни другое барин в течение месяца не получит – быть всему селу, от мала и до велика, битым плетью беспощадно!

Вот назначенный месяц к концу подходит – где же крестьянам Никиту разыскать, где и горшок золота раздобыть? На исходе последнего дня является откуда-то из Жигулей сам Никита, и прямо к барину.

– Я, – говорит, – тебе больше не слуга. И сельчан моих ты не тронь: они тут ни при чём. А что горшок золота за свободу мою требуешь – что ж, будет тебе эта жёлтая ерунда!

Хлопнул Никита три раза в ладоши и в воздухе, как печной дымок, растворился.

Смотрит барин, а на том месте, где прежде Никита стоял, глиняный горшок, полный золотых червонцев, блестит. Подошёл, стал пробовать монеты на зуб – самые настоящие! Отнёс находку в подвал своего дома и ссыпал всё золото в надёжный сундук.

Затем стал внимательно сам-горшок разглядывать. Оказался весьма грубой работы, глазурью к тому же не покрытый! Хотел было выбросить его на помойку, но почему-то раздумал. Запер и золото, и горшок в подвале и отправился спать.

Ночью барину снилось, будто бы цари иноземные у него золото выкрасть хотят. Ворочался до самого утра, лягая жену, лежавшую рядом. А чуть развиднелось, пришёл в подвал с проверкой. Золото на прежнем месте лежало, а никому не нужный горшок куда-то бесследно исчез!

Синий чаёк

Коля Русаков, слывший в гимназии сообразительным юношей, мечтал великое дело совершить. Такой, значит, величины, чтобы все – от Камчатки и до Москвы – про Колю узнали! Нашёл он как-то раз лодку, лежавшую на берегу, о которой, похоже, забыл её хозяин. Переплыл на ней Волгу и в горы Жигулёвские пошёл.

Долго ходил Коля по горам, слушая лесных пичужек. И вдруг увидел среди стволов и листьев красноту. Подошёл поближе – костёр открылся. Возле костра старец сидит, косточки греет. Волосья на старце – мох зелёный, одежда – дубовая кора...

– Садись, погрейся, дружок, – предлагает старец.

– Умеешь ли ты, дедушка, предсказывать судьбу?

– Умею, да только зачем это тебе?

– Великое дело хочу совершить, а какое – не знаю.

Сорвал старец листок, на просвет его посмотрел и отвечает:

– Яблоня твоей жизни яблоко принесёт, а кому оно достанется – людям или ветрам – неизвестно.

– Уж больно мудрёно ты, дедушка, говоришь!

– Могу и яснее, – отвечает. – Только давай с тобой чаёк сначала попьюм...

Сидят они напротив, пьют чаёк. А он – синий какой-то! Разморило Колю совсем, стал ему старец розовым облаком казаться...

– Завтра на зорьке, – вещает старец, – на берег Волги приди. На песке улитки напишут, какое тебе выбрать ремесло. Учись тому ремеслу ровно семь лет, семь месяцев и семь дней. Посетит тебя на восьмой день Талана – дева с сияющим лицом. Ты ей одежду из своего ремесла приготовь. Явится Талана в одежде той к людям – великую пользу им принесёт!

Остался Коля доволен предсказанием. Попрощался со старцем сердечно и отправился домой.

Повстречался ему уже в Самаре Лёша Прялкин, друг гимназический. Коля не удержался

и всё, что в горах Жигулёвских услышал, ему рассказал.

Позавидовал Лёша своему другу. Проснулся на другой день ещё до рассвета и на берег Волги пошёл.

«Зодчий» – такое слово прочёл на песке. Стёр его Лёша и другое слово написал – «Сапожник».

Прочёл Коля это слово, оставил гимназию и в сапожники определился. А Лёша по окончании гимназии в градостроительную контору поступил.

Прошло семь лет, семь месяцев и семь дней с той поры, когда Коля в Жигулёвских горах старца встретил. Является к нему на восьмой день дева Талана. Завёрнута в ситец с ног до головы, словно статуя перед сдачей её приёмной комиссии.

Готова ли одежда, – спрашивает, – в которой я людям явлюсь?

– Готова, – отвечает Коля и лакированные туфельки ей подаёт.

– Ай да туфельки, – удивляется Талана, вертя их и так, и сяк: – прочные, мягкие, самоплясовые! Да только эти туфельки не мне, а сестре

моей предназначены. Плясунья она у меня, каких не видел свет. Вот уж понравятся эти туфельки ей. А мне нужны платье кирпичное да шляпка черепичная!

Входит тут Лёша, его друг гимназический. Он, оказывается, за дверью всё это время стоял!

– Прими от меня, Талана, платье кирпичное да шляпку черепичную...

Догадался тут Коля обо всём. Толкнул он в сердцах своего друга. Тот возьми, да и упади, об угол стола ударься. Кровь из его виска так и забила...

– Проснись, мил дружок, – просит его старец. – Понравился ли тебе мой чаёк?

– Понравился, дедушка, – отвечает Коля.

– Хочешь ли ещё?

– Нет, покорно благодарю!

Сказал так Коля и домой, забыв попрощаться со старцем, побрёл.

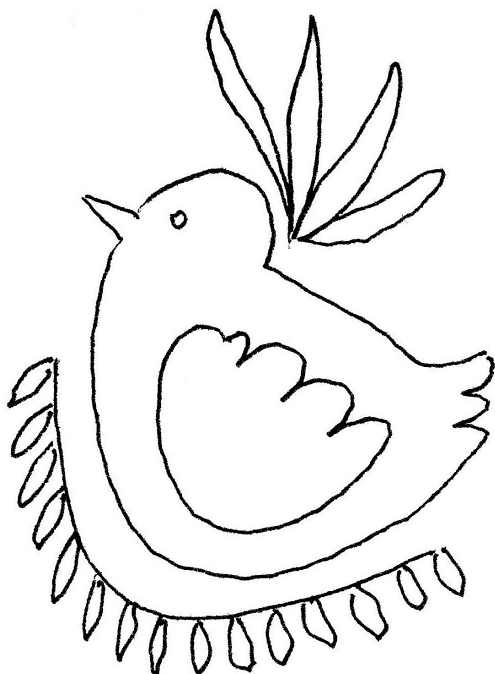

ОТШЕЛЬНИК И СОЛОВЕЙ

Кто из вас, дорогие читатели, о Мордвой поляне, что в Жигулях, неподалёку от села Подгоры расположена, не слышал? О той самой, значит, поляне, на которой родник с водою врачующей имеется? Многие, думаю, из вас слышали. А вот про берёзу, росшую когда-то возле этого родника, слышали немногие. Потому как сказ-то про неё имеется, да в книжки всякие пока не попал. Ну, да ведь и я, байщик-обманщик, на то и родился, чтоб вас потешать...

Слушайте!

Берёза, что росла возле родника, верхушкой своей с облаками соседничала. Приятно было в полдень, в самое пекло, в тени её отдохнуть. И вот повадился под ту берёзу ходить один жигулёвский отшельник. Уж какой у него был ранг – у них ведь, у отшельников, тоже свои ранги имеются – Бог его знает! Садился тот отшельник в траву, клал на колени толстую книжицу-ижицу, на три застёжки закрытую, поверх неё – свои руки, и начинал проповедовать. Кому, спросите вы?

Да сначала лишь пчёлам да бабочкам, что весь день возле родника вились-крутились. А спустя короткое время и подгорцы, кто посмелей да любопытней, стали под ту берёзу приходить.

Проповеди у отшельника ладные всегда получались. Сильно намагничивали они человека. О чём, спросите вы, он говорил? Да всё больше безбожников мудрость поддельную корил. Иногда и о людях-ангелах рассказывал. О таких, значит, существах, которые ныне на землю редко являются, но в будущем в превеликом числе придут.

Целое лето, считай, тот отшельник проповедовал. Под конец почти всё село Подгоры к нему по вечерам приходило. А как осенние простудные дни наступили, в горы отшельник засобирался.

Тут уж, понятное дело, все его упрасивать стали. Путеводи, дескать, нами и дальше! Ну, да отшельник тот однодневным другом быть и не собирався, вновь весной обещал прийти.

Сдержал отшельник своё слово – вернулся, лишь только оттепель пути рассметанила, под берёзу свою. Сначала на голом-то месте, под ветром-свистуном, слово Божье ой как зябко вещать было. Ну, да у весны дела ладятся: скоро вода по оврагам отжурчала, сочные травы взошли!

И вот – дело уже в начале мая было – собрался народ в очередной раз у той берёзы. Вздохнул отшельник полной грудью и только собрался начать свою проповедь, как вдруг запел в молодой листве соловей. Эдакая-то серая пташка, каких в Подгорах и его окрестностях видимо-невидимо по весне водится! Видать, только что из своей Африки прилетел: пёрышки почистил, хвостиком дрыгнул и запел. Плескучая какая-то радость в той песне была. Любовь, ещё мало знакомая человеку, ко всему, живущему на земле, под землёй и на небе!

Недолго, совсем недолго пел соловей. А как замолчал, поднялся отшельник со своего места, сверкнул глазами, в которых соловьиная песня радость зажгла, и в пояс подгорцам поклонился. «Проповедь окончена, – возвестил. – Потому как всё, о чём я намеревался рассказать вам за целое лето, поведал в своей короткой песне соловей».

Странный был, всё же, тот отшельник! Перекинул через плечо свою сермяжную сумку, в которой звякнули чашка и кружка – единственные вещи, которые при нём тогда были – и в горы ушёл. Так больше и не возвратился.

А очередной весной – это и некоторые старики, ещё живущие в Подгорах, подтвердить могут – прилетел на ту берёзу соловей с человеческим лицом. И лицо у него отшельника, что ушёл и не возвратился, в точности было. Запел соловей так, что загрезишься, однако осечка в этом вопросе вышла. Одни крылечные разговоры, полные беспокойства, тот соловей и породил: к войне или к миру такое чудо?

Я, байщик-обманщик, так разумею, что каждому своя дорога на этой земле уготована. И всё полезно, что не скабречно, что Белобога вызывает во тьме на подмогу, и что открывает дверцу, ведущую к каждому сердцу.

Сказка ни о чём

 дин отшельник, живший ещё в досамарские времена, умел, как о том старожилы вспоминают, сказки ни о чём сочинять.

Заглянет к нему, бывало, охотник, попросит такую сказку рассказать. Отшельник возложит ему на голову руки, надавит слегка на виски. «Слушай тишину», – скажет, как прикажет, ему. И охотник сидит целыми днями возле пещеры, не шелохнётся. Лишь порой улыбнётся, да так, словно солнечный зайчик упал на лицо.

А иной раз скажет ему отшельник: «Зри красоту». И укажет морщинистым пальцем куда-то вдаль. Охотник и смотрит, мигать перестав. На эмалевый, искрящийся на солнце снег, на лиловую дугу горизонта – на всё, как новорождённый, глядит. Кому такое дело «до фонаря», а у охотника из глаз слёзы восторга льются, катятся по длинной бороде!

Но вот сказка ни о чём рассказана, охотник встаёт и уходит. Тянутся по длинному буераку

следы от лыж. А месяца через два, когда первые одуванчики в траве зажелтеют, приходит снова к отшельнику. На этот раз без силков и лука, с родниковыми какими-то мыслями в голове. Просится к отшельнику в ученики...

Всё.

Бон и калика перехожий

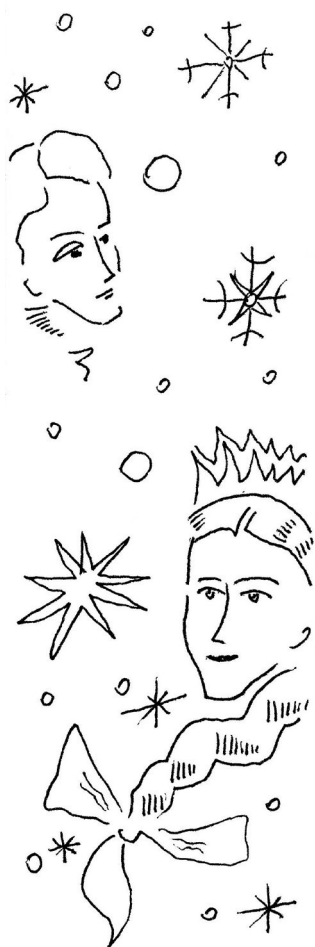
Не в былые времена древлянские, а в наши, троянские, жили-были в Жигулях муж и жена. Иван, значит, да Марья. Венчались по обоюдному согласию, а ссорились каждый божий день. Не любовь и не битва — *любитва* какая-то промеж них была!

И вот однажды, во время очередной ссоры, вырвалось у Марьи из груди:

— Чтоб ты в кусок льда превратился!

Не успела досчитать до трёх, как муж её, Иван, превратился в кусок звонкого льда.

Тает лёд под ярким весенним солнцем на глазах. Марья

плачет, что делать – не знает. Наконец, догадалась: спустила тот лёд в погреб, положила на прошлогодний снег.

День, другой, третий проходит – Марья всё плачет. Сама себя, как скорпион, жалит и жалит. Вот проходит мимо её ворот калика перехожий, странник божий. Марья его и зовёт: «Помоги!» А прежде, бывало, каликам никогда ворот не открывала, обедалами да жулябисами* божьих людей называла!

Выслушал калика Марью, подвёл её к зеркалу, над комодом висевшему, и пальцем в него ткнул:

– Что ты мужу своему пожелала, то и себе пожелай!

Марья исполнила указ калики. И оглянуться не успела, как сама превратилась в кусок льда.

Калика слазил в погреб, достал оттуда кусок льда, который Иваном прежде был. Бросил оба куска – Ивана да Марью – в кастрюлю. Раздул огонь в печи и стал ту кастрюлю разогревать...

Растаяли оба куска льда, перемешались. А вскоре и вода закипела, пар клубами пошёл...

До тёмной ночи сидел калика у печи, думу свою думал. Наконец, вышел во двор, взял

стоявшую возле сарая лестницу и слазил на небо. Отколол от сиявшей луны небольшой кусочек, спустился на землю и бросил его в кастрюлю. Утром, на заре, сбегал к соседнему лесу и отломил от солнца, восходившего над ним, также кусочек. Затем, в полдень, поймал в платок тёплый южный ветер, оторвал у цветка яблони лепесток, на котором сидела бабочка, и всё это также бросил в кастрюлю. Спустил ту кастрюлю в погреб, и когда вода в ней замёрзла, вынес на свет. Разломил свежий, искрящийся на солнце лёд на две равные половины и приказал им превратиться в Ивана да Марью...

Что божий человек задумал, то и получится! Не успел калика ворота за собою закрыть, как Иван да Марья, вочеловеченные, уже во дворе стояли, друг дружке сердечно улыбались. Приняли они всё происшедшее с ними за чудесный сон. Когда же выяснили, что один и тот же сон им обоим приснился, очень, конечно, тому удивились.

Как бы там ни было, а стали с тех пор Иван да Марья жить дружно и калик перехожих у себя в доме привечать.

* Жулябис – жулик, вор (местное название)

Купец и отшельник

Гамарский купец второй гильдии Иван Митрофанович Сажин выдавал свою старшую дочь замуж.

На девятый день свадьбы, устав от плясок разгульных, решил по-другому развлечься. Собрал своих старых друзей, в которых текла купеческая кровь, и за Волгу поехал.

Взяли с собой лишь самое необходимое: слуг, походную кухню да несколько бочек вина. Но и среди гор жигулёвских скука заела. Кто-то новое развлечение придумал: отшельника, спасающего свою душу в пещере, навестить.

Сели на коней, искать поехали. Много пещер по крутым горным склонам осмотрели, но все они пустыми оказались.

В одном мрачном, подвальной сыростью дышавшем ущелье напали на купцов разбойники. Отняли, какое было, оружие, связали по рукам и ногам. Стали разбойники, часто поглядывая на купцов, совещаться. О чём, если не о самом худом?..

И вдруг в ущелье, мало видевшем солнца, светлым-светло стало. Видят разбойники: летит большой огненный шар, прямо на них! Испугались и разбежались. А шар приземлился неподалёку от пленников, разбросал по траве искры и погас. Смотрят пленники, а это обыкновенная керосиновая лампа, и только! И стоит возле той лампы обычный с виду мужик. Освободил он пленников от верёвок, с земли подняться помог. «Ваше счастье, – заметил, – что вы по Жигулям не просто так ехали – отшельника искали!»

Догадалась тогда вся компания, что этот мужик и есть отшельник жигулёвский. Поблагодарила его за помощь от всей души. А Иван Митрофанович всякую словесную лирику не любил. Отыскал в кармане сверкающий золотой и протягивает его отшельнику. Тот от золотого отказывается. Все думали, что из скромности, а он: «Не могу, – говорит, – у скорого нищего деньги брать!» Иван Митрофанович, понятное дело, обиделся. «Кто тут богатый, а кто нищий?» – спрашивает у отшельника. А тот достал из-за пазухи скатёрку, расстелил её на траве и просит купца ею полюбоваться. Глянул купец, а это уже не скатёрка, а крупная фотография.

И изображён на ней сам Иван Митрофанович Сажин, у церковных врат милостыню просящий. Вся компания возле той скатёрки собралась, рты от удивления раскрыла. Отродясь такого иллюзиона никто не видал!

Недавнего смертельного страха как не бывало, всем стало и весело, и легко. «Сколько такая скатёрка стоит?» – спрашивает как бы между прочим Иван Митрофанович у отшельника. «Бесценная она у меня», – тот отвечает. «А ты мне её, всё же, продай...»

Отшельник молчит, купец торгуется. Многие сотни уже сулит. «Ладно уж, так и быть, – соглашается, наконец, отшельник. – Если и вправду желаешь скатёрку эту получить, бери у меня её за так, в подарок!»

Привёз Иван Митрофанович ту скатёрку домой. И так, и сяк её крутил – и малый иллюзион не желает показать. Обыкновенная грубая мешковина, и только! Прикинул Иван Митрофанович хозяйским умом и отдал скатёрку ту прислуге – стол на рабочей половине накрывать.

Прошло немного лет, и две другие дочери купца были уже замужем. Начались из-за денег всякие дразги. Младший зять оказался неисправимым картёжником, приданое своей жены за месяц с небольшим проиграл. Напился для храбрости, явился к тестю и стал просить новый капитал. Тот не давал. В кабинете, где происходила их беседа, висело ружьё. Зять схватил его, желая ударить тестя прикладом. Тот защищался стулом, как мог. В драке ружьё выстрелило – зять был смертельно ранен в грудь!

Дело это тёмное, и можно было его в любую сторону повернуть. Но тут вмешались в дело два других зятя, которым не давало покоя

богатое наследство купца. Подкупили судью, прокурора, и ни в чём неповинному человеку дали пятнадцать лет каторги.

Отправили, как водится, купца по этапу. В пересыльной тюрьме одного сибирского городка, занесённого до окон снегом, заболел Иван Митрофанович брюшным тифом. Наверняка бы умер, не окажи ему помощь один арестант. Умел он болезни всякие лечить, этим в тюрьме и занимался. Подсел арестант к больному, прочёл над ним молитву и сон глубокий наслал.

Проснулся Иван Митрофанович почти через сутки. Тифа как не бывало! Посмотрел на арестанта, который его лечил, и ахнул от удивления. Точь-в-точь отшельник жигулёвский, мастер иллюзиины всякие казать! А тот на Ивана Митрофановича так глядит, словно бы мысли его читает. «Как скатёрка моя поживает, – улыбается: – пошла ли впрок?»

Не выдержал тут Иван Митрофанович, рыдался. «Постой, да ты-то как, солнышко жигулёвское, в тюрьме оказался?» «Нужда во мне, видать, здесь большая», – отвечает лекарь ему и камеру, полную народа, взглядом обводит.

Иван Митрофанович – купец сметливый: все плюсы своего положения тут же в уме подсчитал. «Устрой-ка мне, брат, иллюзион, чтобы удрать отсюда!» «С охотою, если сможешь», – отвечает лекарь и к двери, на замок закрытой, купца ведёт.

Толкнул Иван Митрофанович ту дверь рукой – она и открылась! Смотрит, а за порогом сразу обрыв крутой начинается. На дне обрыва костры, как малые искры, горят, а на другой стороне лошадь белая пасётся. Пригляделся Иван Митрофанович и видит: подвесной мост, от ветра качающийся, на другую сторону ведёт!

А лекарь рядом стоит, улыбается. «По этому мосту, – вещает, – всякий человек в своё время пройдёт!» И на мост тот смело ступает, по шатким жердинам идёт. Миг, и он уже на другой стороне стоит, купца идти приглашает!

Вздыхнул Иван Митрофанович полной грудью, страх свой одолел и на мост тот шагнул. До середины дошёл и видит – оба зятя, которые его засудить помогали, с грудями простреленными лежат на пути! Улыбнулся купец им злорадно, про всё на свете забыл. Ударил он ближайшего зятя ногой и вниз полетел...

Очнулся Иван Митрофанович и видит – лежит он в тёмном коридоре, на холодном полу. Рядом с ним сторож тюремный сидит, со сна глаза протирает. «Что за мешок с камнями, – удивляется, – на меня сейчас сверху упал?»

Так Иван Митрофанович Сажин десять лет в каторге и отбарабанил. А пять лет амнистия, по причине происшедшей в России пролетарской революции, скостила. Стал купец потом, как отшельник ему и предсказывал, при церквях милостыню просить. Можно было бы к дочерям своим на хлеб-соль напроситься, да к тому времени новая власть и их вконец нищими сделала.

А отшельника, дважды его от смерти спасшего, Иван Митрофанович всегда добрым словом вспоминал, не раз найти пытался. Обследовал и большие, и малые пещеры в Жигулях, но так того отшельника и не нашёл.

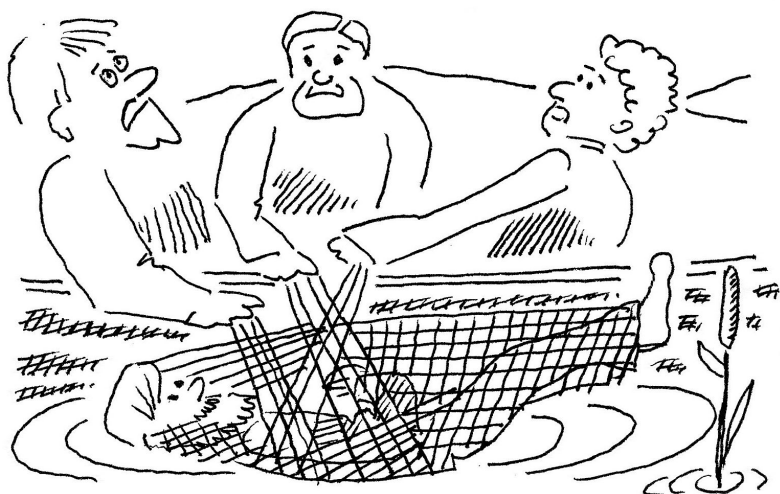
Тайны Божьего мира

Летовал, сказывают, в шалаше, на берегу Каменного озера отшельник. Щёлкал своими кипарисовыми чётками, как соловей. Жизнь его будничная текла неприметно. Но однажды с отшельником такой случай произошёл, что если вам его рассказать, не поверите!

Рыбачили как-то на Каменном озере подгорские мужики. С лодки, от берега до берега, сети ставили. Глянули мужики случайно в воду – лежит тот отшельник на самом дне. Руки в стороны раскинул, глаза закрыл...

Побледнели, увидев такое, мужики: кто же утопленников не боится? Возвели для молитвы глаза в небо, и там отшельника увидали. Летит он среди облаков, как птица, голосом зычным псалмы поёт!

Поняли тогда мужики, что в воде отражение отшельника увидали, и просияли лицом. Пускай, мол, в небе чудотворствует, лишь бы не утонул!

Занялись рыбаки снова рыбалкой, стали сети выбирать. Поймали в тот день много всякой рыбы, а под конец вытащили из воды... и отшельника. Живого, розовощёкого, с застрявшими водорослями в бороде!

— Налим ты или птица? — спросили отшельника мужики.

— И птица, и налим...

Столько ещё тайн хранит Божий мир, сколько на волжском берегу хранится песчинок!

Хрустальный шар

Подгорянку Наталью, круглую сироту, давно съедала кручина. В девках-то, вишь, больно засиделась, никто замуж её не брал!

Как-то осенью скрипнула дверь и в избушку, в которой жила Наталья, влетел Ветер. Поднимая сухие листья до потолка, сказал ей Ветер такое:

— Я — один из десяти тысяч ветров, рождённых над Жигулями. Облака на небе пасу и прочие работы, нужные людям, выполняю. Выходи, Наталья, замуж за меня!

Сироты, горя хлебнувшие сполна, люди, как известно, не капризные. Стала Наталья с тем Ветром жить, Ветром Ивановичем его величать.

Целыми днями летал Ветер Иванович над Русью, колёса ветряных мельниц исправно крутя. А как домой под вечер вернётся, улицу подметёт, дрова возле сарая наколет, огонь раздует в печи.

Спал Ветер Иванович всегда один, в глиняном кувшине. Научил он Наталью, когда та к нему немного привыкла, себя соломинкой из любой дали вызывать. Дунешь в ту соломинку со всей силой, покормишь вылетевшего из неё Ветрёныша избяным сквознячком, и он тут же в Ветра Ивановича превратится!

Жила Наталья со своим мужем, не считая дни, и вот родился у них сын – Воробей. Шустрым, как все воробьи, родился! Научил он Наталью, когда та к нему немного привыкла, птичий язык понимать.

Дружная у них получилась семья, хоть и необычная. Во всём друг другу помогают, учатся друг у дружки чему-нибудь.

И вот позарился как-то раз на недюжую силу Ветра Ивановича мельник из соседнего села. Забрался он ночью к Наталье и кувшин, в котором спал её муж, украл. Принёс кувшин на мельницу и приковал Ветра Ивановича к мельничному колесу.

Три дня гремел Ветер Иванович цепями, поднимая до потолка мучную пыль, а на четвёртый мученической смертью почить изволил.

Не утешить ничем Натальино горе, текут и текут из глаз её ручейки. И вот слышит однажды Наталья, как чирикают за окном её воробьи:

– Нет Ветра Ивановича больше на свете, некому и облака на небе пасти. Уплывут облака в чужие земли, случится и засуха, и мор!

Забыла Наталья про своё горе, услышав про такую беду. Нашла в хлеву соломинку и принялась в неё дуть. Прилетели к ней вскоре десять

тысяч жигулёвских ветров, закадычных друзей Ветра Ивановича. Захлопали юбками, сушившимися на дворе, словно корабельными парусами. Принёс каждый ветер в подарок Наталье по хилому сквознячку. Съел их Ветрёныш, вылетевший из соломинки, одним разом, и тут же в Ветра Ивановича превратился!

Попробовал Ветер Иванович для начала свою силу – попытался приподнять крышу у избы. Легко, как былинка, та крыша пошла!

Уяснила тогда себе Наталья, что муж её бессмертен, и успокоилась за его судьбу. Стала сидеть за прялкой у окна, слушая птичьи разговоры.

Слышит как-то Наталья разговор двух орлов, летающих всех выше в поднебесье:

– Скоро над Жигулями красное облако пролетит, на нём сундук сосновый стоять будет. Не простой, а волшебный тот сундук! Если скинуть его на землю, случится чудо. Муж и сын Натальи плоть человеческую обретут, станут подгорцами называться!

Не сказала Наталья своему мужу, какую новость узнала она от орлов. Лишь на красное

облако доставить её попросила. Ветер Иванович тут же исполнил её просьбу.

Ступила Наталья на красное облако и видит: стоят на нём, кроме соснового, ещё двенадцать дубовых сундуков. Скинула она сосновый сундук на землю, а заодно и остальные сундуки. В тот же самый миг обратился её муж-ветер в мужика, а сын-воробей – в мальчишку. И двенадцать бездетных баб, живших по разным жигулёвским сёлам, нашли у себя за печкой по сынку.

Летит красное облако по небу, тает под солнцем на глазах. Обратился Ветер Иванович в человека, крылья свои потерял. Рад бы он вернуть Наталью на землю, да как это сделаешь теперь?

Не пожелала Наталья родные Жигули покидать. Чужая свой близкий конец, прыгнула она с облака вниз, на острые камни.

Похоронили отец и сын Наталью, тёмным дневное небо увидали. Долгие годы после этого прошли, а небо для них всё не светлеет.

Подросли тем временем двенадцать сыновей, бездетным бабам подаренных. Говорят они своим матерям:

– Пойдём в Жигули, к отшельникам-чародеям, попросимся к ним в ученики. Поможем

Наталью, нашу благодетельницу, отцу и сыну вернуть!

Попали те сыновья сначала к младшему отшельнику. Тот только и умел, что превращать глину в хрусталь. Проучились сыновья у того отшельника три года, слепили глиняный шар и превратили его в хрустальный. Подарили тот шар отцу и сыну, а что делать дальше, не знают.

Снова пришли двенадцать сыновей к младшему отшельнику. Тот строгое испытание им учинил. Отобрал из них четырёх и в ученики к среднему отшельнику направил.

Три года проучились у среднего отшельника сыновья, научились давать безумные советы. Пришли и заявляют:

— Пусть сын на хрустальном шаре женится!

Сын так любил свою матушку, что тут же на хрустальном шаре и женился. Заботится о нём, как о своей законной жене, а матушка его всё не возвращается.

Снова пришли четверо сыновей к среднему отшельнику. Тот выбрал из них одного и к старшему отшельнику направил.

Три года провёл у него избранник, научился сквозь стены проходить. Явился к отцу и сыну и заявляет:

— Уведу, куда смертных не уводят, расскажу, что им лучше и не знать...

Взял он сына за руку, и вошли они, страха не ведая, в хрустальный шар. Вышли же оттуда не одни, а вместе с Натальей!

* * *

Поздравить Наталью с возвращением все подгорцы пришли. Окрестные сёла – Выползово, Рождествено и Моркваша – также своих представителей прислали. Поздравили Наталью и отшельники жигулёвские, прислав ей в подарок Молитвослов. Вскоре и почтальон из Самары объявился. Вручая Наталье поздравительные письма, он заявил: «Пущай обернётся вам солнце печатью сургучной, а луна – монпансье!»

Великан Ярыня

Жил ещё до разинского бунта в селе Усолье великан, звали его старинным именем Ярыня. На кудрявый дуб, выросший у дороги, был похож. Скитался Ярыня по жигулёвским сёлам да силу свою недюжую показывал. Этим себя и кормил. А как в средний возраст вышел, стал вдруг тела своего великаньего стесняться.

Услышал как-то Ярыня от старожилков местных, что под горами жигулёвскими светлые старцы живут. Очищая свою душу молитвой, а тело – постом, способны были те старцы болезни многие лечить. Собрался Ярыня спешно в дорогу и отправился их искать.

Лет четырнадцать, как я слышал, пропадал. Вернулся человеком обычного роста, умом явно повреждённый. Сидел целыми днями на завалинке своего дома в шапке-ушанке, которую ни зимой, ни летом не снимал.

Явились как-то в село Усолье три великана. Рыжие. Страшные. Злые. Увидели Ярыню, задрожали в испуге и в ноги ему повалились.

– Это, – говорят, – великан, какого ещё свет не видывал. Мы по сравнению с ним – муравьи!

Тем, кто им не поверил, предложили снять с Ярыни шапку-ушанку. Сняли. На лбу у него ещё один глаз оказался. Заглянули в него, как в трубу подзорную, и увидели сонмы звёзд и галактик, в беспредельность жуткую летящие. А Ярыня заворчал медведем, слез с завалинки и в горы Жигулёвские снова подался – от людей покоя искать.

Лет семь ещё пропадал. Вернулся обычным человеком, и шрама от глаза диковинного на лбу не осталось.

Устроился к местному барину лесником. Трудился из любви к самому труду, к любому заданию относясь с душою. И вскоре стал ходить в передовиках, уважаемый всеми своими сослуживцами.

Выглядел Ярыня мужиком, сбитым крепко, по образу и подобию волжских бурлаков. Носил картуз и модную в то время поддёвку, сшитую из покупного сукна. Прятал в бороде, уже седесть начинавшей, свою мягкую улыбку, когда беседовал с людьми.

Денег Ярыня не копил, к личному хозяйству не был сильно привязан. Любил коней, слушал птиц на рассвете, и когда на вопрос, ему заданный, отвечал, каждую букву выговаривал. Особенно любил выговаривать «О». Круглая и живая, катилась у него эта буква, как колесо, отпущенное в свободное странствие.

Пришла к Ярыне старость, подарила ему очки в роговой оправе и старинные книги, учившие, как надо жить. Стал Ярыня, начитавшись этих книг, выручать из беды даже муху, попавшую в банку с мёдом, стоявшую на обеденном столе.

Время сморщило кожу, иссушило кости и уподобило сердечный стук пенью сверчка. И когда Ярыня, поглядев в зеркало, первый раз в жизни себя не узнал, пошёл и лёг на скамейку. Сложил руки на груди, как это делают гребцы на волжских стругах, и прислушался к звукам, доносившимся в открытую дверь.

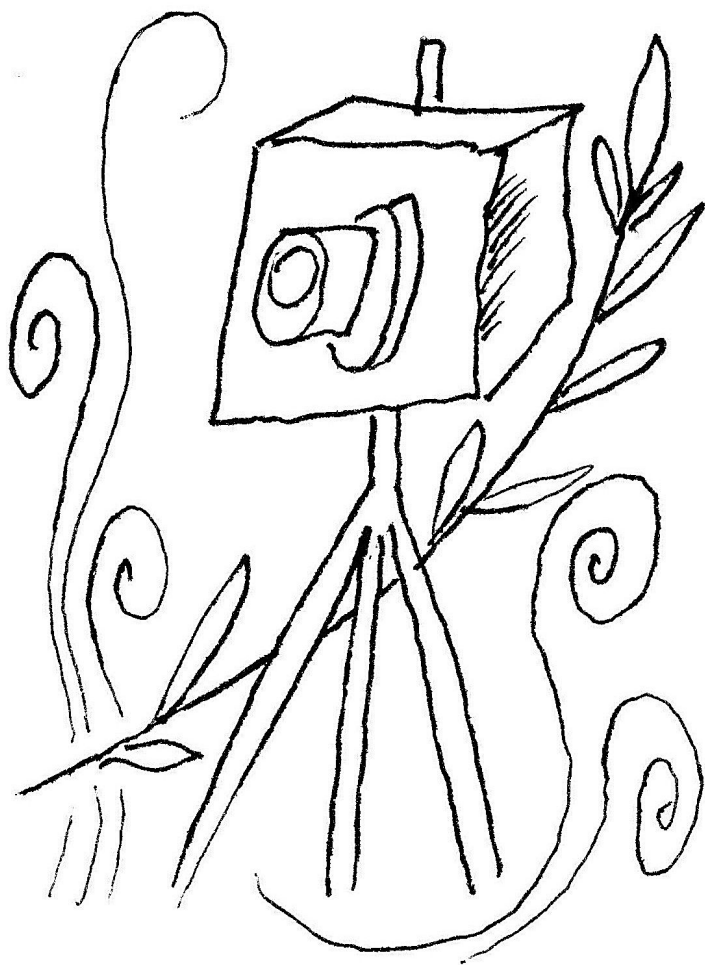
Ходики настенные, которые следовало заводить каждый день, тикали-тикали, да и перестали. И как только затих последний звук, тело Ярыни невыносимым для глаза светом озарилось.

Фотограф и подгорская девица

Фотограф, приехавший издалека, заснял одну подгорскую девицу возле берёзы. В красном мордовском сарафане, в игре ветвей. Один столичный журнал напечатал эту фотографию. Вскоре, по непонятной причине, и фотограф, и девица, открыв стеклянные двери смерти, ушли. Фотограф оставил в этом мире пятерых детей и жену, девица – красавца-жениха.

После этого случая стали под той берёзой слышаться чмоки и голоса. И – то пухлая ручка прямо из воздуха покажется, то чьи-то нафабранные усы!

Продолжалась эта история довольно долго. Но вот случилось одному отшельнику, верному сыну Жигулей, возле берёзы той отдохнуть. Уснул он и вдруг запел во сне странную, на первый слух, песню:

*«Почему листья на дереве все одинаковые?
Почему облака на небе все белые?*

*Пойду, спрошу об этом Жигуля, Покровите-
ля Жигулей – он всё знает!*

*А и сама я создана из песка, из песка Небес-
ного Моря. Окунусь в это Море трижды, что
мне надо, сама узнаю!*

*А не люблю я листья на дереве – вот они для
меня все и одинаковые.*

*А не люблю я облака на небе – вот они для
меня все и белые.*

*Полюблю я листья на дереве – у каждого из
них лицо появится. У каждого лица – глаза раз-
ные, хоть и цветом все будут зелёные.*

*Полюблю я облака на небе, каждого – как
своего суженого, каждого сердцем узнаю, каж-
дому имя придумаю.*

*А не полюблю я листья на дереве – однажды
рожусь листочком.*

*А не полюблю я облака на небе – однажды
рожусь облаком.*

*Все-то их званья-отличья тогда узнаю, да
только с большим запозданием!»*

Проснулся отшельник и долго, рассказывают, с кем-то невидимым говорил. После этого вывалилась, прямо из воздуха, вдребезги разбитая фотокамера. Следом за ней – батистовый кружевной платочек, мокрый от слёз. По небу быстро пронеслось облако, видом похожее на телегу, и скрылось вдали...

Явление духов возле берёзы с тех пор прекратилось.

Как прогнали великана

Приходил из архангельских лесов великан, в жигулёвской пещере селился. Съедал с аппетитом корову в день, пил из кадушки, как из кружки. Думал, поглаживая свой живот: он самый высокий великан на свете. И всё ему позволено!

Повстречал как-то раз великан в ущелье мужика. Роста самого обыкновенного – голова до

колен лишь доставала. Заревел великан так, что горы Жигулёвские затряслись, а мужик его ничуть не испугался.

— Почему ты меня не боишься? — удивился великан.

— У меня есть учитель, живущий в горах, — пояснил мужик, доставая табак из кармана. — Он меня защитит, если нужно.

— Какой такой ещё учитель, — не на шутку рассердился великан, — вот я тебя сейчас съем!

Мужик позвал, и из-за ближайшей горы тут же вышел человек. Ростом он был уже по грудь великану.

— Ха-ха-ха, — засмеялся великан, глядя на того человека. — Мне и дюжина таких карликов не страшна!

— Не трогай моего ученика и меня, — предупредил человек, — иначе тебе придётся встретиться с моим учителем!

— Как, и у тебя есть учитель? — удивился великан. — Впрочем, почему бы и нет...

И великан оставил учителя и ученика и побежал прочь вдоль ущелья. И, надо сказать, вовремя, потому что из-за ближайшей горы, как из-за невысокого камня, уже выглядывал третий человек — учитель учителя!

Голубиная книга

Говорят, кому срок пришёл — а срок этот лишь в небесной канцелярии известен, — тому с облака голубиная книга падает. Книга эта только с виду обычная, а на самом деле с секретом. Раскроешь её, начнёшь читать — и буквы, из которых слова всякие составлены, оживать начинают. Разбегаются, как муравьи, к краям страницы, там и остаются. А на свободной серёдке картинки всякие являться начинают, какой-то забуквенной, уму незнакомой страны. Кто читал эту голубиную книгу, тот знает. Я не читал. Не упала такая книга мне с облака — видать, ещё срок не пришёл.

Говорят, ни купить, ни украсть, ни добыть какими другими хитростями ту книгу нельзя. А если и раздобудешь — что толку? Буквы в той книге для тебя не оживут, строки прямыми, как железные прутья, останутся. Прочтёшь только то, что написано. А написано только то, что давно всему миру известно.

Байки
о жигүлёвских
отшельниках

Предисловіе

Если вы знаете Волгу и не знаете отшельников, обитавших когда-то на всём её протяжении, вы – иноземец на волжских берегах. Волга не станет приходить в ваши сны, беседовать с вами.

Знаменитые заволжские старцы, обитавшие в XV веке в верховьях Волги с Нилом Сорским во главе, являлись представителями волжских отшельников. Именно они отливали пулю светским предрассудкам своего времени, ратовали за гуманное отношение к так называемым еретикам. Жить не по уставу, а в Духе означало для них жить на свободе, в храме, куполом которого является небо. Именно в таком храме жил благословенный Иисус, рождённый в Вифлееме.

Близко к заволжским старцам располагались братья-отшельники так называемых Кирилловых

гор, жившие в Нижегородской губернии. Вот как описывает их Мельников-Печерский в своём романе «В лесах»: «Кирилловы горы расступаются... Выходят старцы лепообразные, в пояс судоходцам поклоняются, просят свезти их поклон, заочное целование братьям Жигулёвских гор...» И это далеко не первое упоминание о жигулёвских отшельниках в отечественной литературе.

Вот, например, как описывает следы, оставленные поселениями отшельников в Жигулях, писатель-краевед А. Соболев: «В районе села Переволоки ещё в конце XIX века обнаружили пещеры, входы в которые имели подобие дверей. Пещеры с окнами, в стенах ниши, потолок со сводом... Подобные пещеры окружали и соседнее село Печерское (его название происходит от слова «пещера»), где крестьяне находили надмогильные камни с арабскими надписями...»

Жигулёвские отшельники жили во все времена, то являя себя миру, то живя потаённо в тёмные века. Так, митрополит московский Алексей, следуя в 1357 году в Ставку Золотой Орды и проплывая мимо Жигулей, встречался с отшельником. А уж совсем близко к нам, в 1930-х, так

называемых «сокских» отшельников, живших на реке Сок в непосредственной близости от Жигулей, работники НКВД сажали в машины и увозили в неизвестном направлении.

«Байки о жигулёвских отшельниках» писались без спешки. Ибо пришлось вспоминать в глубину, уповая на молитву. Душа оживала, когда открывалась ей внутренняя жизнь отшельников. Насколько я знаю, об этой жизни почти ничего неизвестно.

Игорь Муханов

Великаны из Полүнощной страны

Ещё до русско-японской войны это было.

В рассветный час, когда все ещё спали, в Самару вошли три великана. Их головы, бритые наголо, синели над крышами домов, как яркие луны. Великаны спешно прошли весь город, всё время крестясь.

В конце Самары, возле полосатой будки, стоял часовой. Увидев великанов, часовой приготовился стрелять с колена, но они попросили подождать...

— У нас такие же, как и у вас, погосты, — сообщили великаны. — Под белыми валунами спят наши братья и сёстры, почившие от страшной чумы. Узнав, что отшельники жигулёвские могут людей воскрешать, идём просить их об этом...

Те великаны, сказывают, были из Полүнощной страны.

Видели старичка

В год, когда Сергей Радонежский, знаменитый русский пустынник, преставился, видели, рассказывают, в Жигулях старичка.

Шёл он, в самую предзимнюю распутицу, по дороге босиком. Каждой горе, встреченной на пути, кланялся низко. Дошёл старичок до берега Волги, в тёмную воду загляделся.

— Уж не Волгу ли, дедушка, собрался переплыть? — спросили его местные парни, тащавшие лодки из воды. — Эвон гляди: берега уже льдом покрылись!

Лишь рукою, рассказывают, на такие слова махнул старичок. Поправил заплечную котомку и прямо по воде, не замочивши пяток, пошёл...

Так, в рябиновых лучах позднего восхода, и скрылся из глаз!

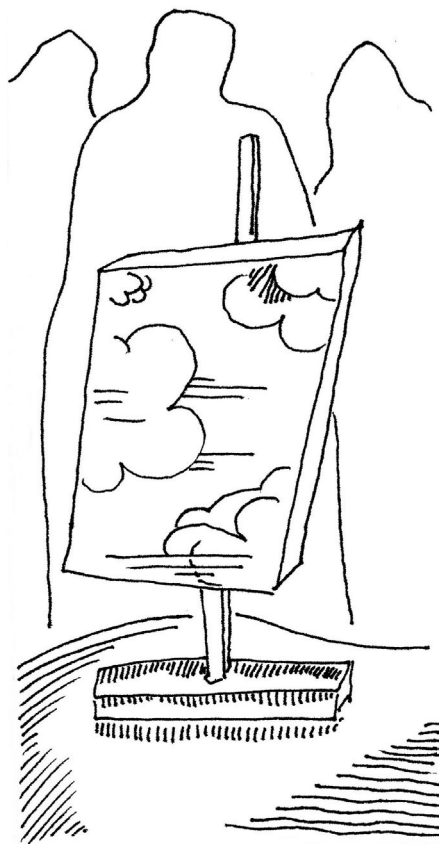
Душа отшельника

Один художник большим искусником по части акварельных пейзажей, сказывают, был. В пасмурном свете осеннего дня про-

езжал он однажды по Жигулям.

При дороге, на взлобье горы, молился отшельник. Лицо того отшельника показалось художнику столь благолепным, что он пожелал его нарисовать.

Достав этюдник и кисти, художник взялся за дело. Но краски, которыми он рисовал, стали вдруг «чудить». Они впитывались в рыхлую акварельную бумагу, не

оставляя следов. В конце концов, получился лишь местами подсинённый лист бумаги — точь-в-точь весеннее небо в облаках!

Возможно, был запрет рисовать отшельника, возможно, и другая причина столь странному явлению была. Много тайн хранит жигулёвский лес, много троп скрывает гора жигулёвская!

Шибко опечалился, сказывают, художник. Но проходил той же дорогой другой отшельник — белый, как груздь, старичок. Посмотрел он рисунок художника, снял шапку и сообщил:

— Как верно изобразил ты душу отшельника!

Озеро-икона

В Жигулях, в самом труднодоступном их месте, есть озеро-икона. Если молиться, глядя в его бездонную глубину, не губной, а сердечной молитвой, можно увидеть лучезарное лицо самого Бога.

Следует сразу сообщить, что каждый видит в том озере своего, желанного сердцу Бога. Так, одна женщина, разыскавшая озеро-икону, рассказала, что видела Бога, похожего на её рано умершего отца, носившего русую бородку...

А ещё это озеро Глазом Отшельника зовут. Потому что глаза, такие же бездонные, у жигулёвских отшельников встречали. Каждый, кто в них глядел, видел своего, желанного сердцу Бога!

А ночью в глазах отшельников отражаются звёзды, хранящие тайны вечных, божественных рун. И никто толком не знает, какого Бога видят в глубине неба, как в некоем чудесном озере, отшельники.

Мысленный обход

дин отшельник каждое утро, желая пользы родному краю принести, обходил границы Жигулей. Обходил он границы в своём воображении, ясно представляя себе дорогу, каждый камень на ней.

На плече у отшельника поблёскивала алебарда, похожая на ущербную луну. Для порядка вещей, как говорится. Ибо отшельнику надлежит торить свой путь молитвой, тешить глаза небесной синевой.

Если встречались трудности на его пути, отшельник читал молитву, если дорогу преграждала река, шёл по воде, как по суше.

Что же в итоге происходило? На первый взгляд, ничего!

Пещерная жизнь текла своим ходом, считая на небе облака, впрягаясь в сезонные круговерти. На волжских озёрах селились утки, выводили криворотых птенцов и к осени улетали. Купцы торговали, крестьяне пахали землю, калики перехожие совершали путешествие в Иерусалим. Но пока был жив этот отшельник, край жигулёвский выглядел как цветущий сад. Ни татары, ни монголы, ни литовцы, ни другие народы, промышлявшие разбоем на Руси, его разорить не могли.

Лапти и размышление

дин отшельник любил размышлять на ходу, гуляя в берёзовом лесу – языческом храме с белыми колоннами.

Солнечные пятна украшали траву, меняя под ветром свои очертания. Являя то облако, то козу – рисунок, созданный случаем и воображением отшельника.

Пахло медоносными травами и смолой. Солнце согревало спину, а тени узорили её. Наносили татуировку синими чернилами. Мысли отшельника роились и цвели, обогащаясь оттенками за счёт внутреннего зрения.

Шагать по мере углубления в тему становилось всё легче. Так птицы, оставляя следы на песке, поднимаются в воздух, обо всём забывая.

Как-то раз, закончив размышлять, отшельник посмотрел на свои лапти, сильно износившиеся за лето. И спросил себя с удивлением:

– В этой запутанной жизни мы всё идём, идём... Может, мы действительно идём?

Рождение отшельника

«**И**ногда перед тем, как стать отшельником, человек пускается в странствия. Его душа открепляется от привычного места и привычных дел, выбирая себе роль наблюдателя.

То, что виделось человеку гладким и прямым, начинает казаться волнистым, а что имело границы — безграничным. Странствуя по лицу земли, человек не перестаёт удивляться переменам, происходящим в его душе.

И лишь сполна наглядевшись на дела, совершаемые в этом мире, человек начинает ощущать тягу к странствиям в иных, более совершенных мирах. Вот тогда-то и рождается в человеке отшельник», — писал своему гимназическому другу, самарцу NN, один отшельник.

ВЕСЕННЯЯ ПОСЕВНАЯ

Когда приходит весна, и мысли у человека становятся весенними.

Прибывает в оврагах крапива, в кустах сирени таланится соловей, и человек, какого бы возраста он ни был, живёт надеждой на будущее.

Наблюдая из своих пещер, с какою радостью крестьяне готовятся к посевной, и отшельники проникаются духом плодородия. Их слова начинают круглиться, а мысли – голубеть. Заводи в эту пору любую беседу с ними – в душу проникнет и прорастет! Так, один отшельник говорил в эту пору на каком-то своём, весеннем наречии:

– Моё сознание – заросшее сорняком поле...
Готовлю к посеву его!

Будущий город

Прежде в местах особой силы отшельники селились, и в наше время селятся.

Если на будущее таких мест посмотреть, можно увидеть большие сёла и города, желтеющие своими строительными лесами. Вот и на месте города Самара прежде отшельник жил.

В 1357 году митрополит московский Алексей, следуя водным путём в ставку Золотой Орды, решил того отшельника навестить. Уж больно митрополит был о нём наслышан!

Беседа лиц, принадлежавших к духовному сословию, была задушевной. Презрев земные дела, она поднималась в обитель Ангелов и выше. И вдруг отшельник о будущем городе стал говорить. Да так живо и проникновенно, словно он в этом городе жил...

Всё, видать, наперёд отшельник знал!

По-доброму смеялись

Случалось, рассказывают, и нередко, что отшельники луговую мяту и сосновую смолу пудами жгли. В часы утренней и вечерней молитвы дым благовонный до самых облаков поднимался, случалось, и жителей небесного города Ладограда доставал. Свешивались они тогда с зубчатой городской стены и кричали отшельникам:

— Эй, как вы там?

А отшельники тоже им кричали:

— Эй, как вы там?

И после этого все — и на небе, и на земле — по-доброму смеялись!

Случалось это, рассказывают, и тогда, когда Волга от обильной рыбы серебрилась, и в наше время случается.

Строчка

«**В** жизни я во всём доверяюсь Богу, а в письме – строчке, – писал своему гимназическому другу, самарцу NN, один отшельник. – Даже обыкновенная на вид строчка, если её выпустить из рук ума, становится птицей. А та доподлинно знает, куда ей лететь!

От ударов её крыльев воздух рябит и лихорадит. Ткань мира рвётся, и в прорехи заглядывает иной мир...

Сила Бога, пребывающая во всём, должна быть и в строчке, даже в самой обыкновенной».

Помощь Красоты

дна подгорская баба пошла по грибы и заблудилась. Ни воды у бабы, ни еды. А покидать наш подсолнечный мир ой как ей не хотелось!

Совсем обессилела баба. И вот на рассвете того дня, который она считала последним, со-ткалась перед ней Тень отшельника...

— Чего ты всё плачешь, трясешься от страха? — спросила Тень. — А ну-ка, погляди вокруг. Тебя окружает Красота, души твоей водительница. Собери букет цветов и сама увидишь, что будет!

После этого Тень отшельника растаяла, как пороховой дымок, в воздухе.

Баба, пожав плечами, стала собирать цветы.

Всесветная какая-то радость вдруг ей на сердце легла. Зверобой, душица, ромашка,

колокольчики и другие лесные цветы стали ей, как близкие друзья. «С ума схожу или умираю, – подумала баба, – но до чего же хорошо!»

Она старалась собрать не только большой, но и красивый букет, и это ей стало удаваться. Переходя от цветка к цветку, с одной поляны на другую, баба набрела на заросшую травой тропинку, которая и привела её обратно домой.

Ветка орешника

 тшельник Митрофан, затворившийся в своей пещере, был погружён в глубокое раздумье.

Раздумье отшельника было глубоким до того, что его не могли вернуть к этой жизни ни его друзья, ни земской врач, приглашённый специально для этой цели, ни трубач самарской городской филармонии, отлично игравший на медной трубе.

Погружён был Митрофан в своё раздумье целое лето. За это время у куста орешника, растущего возле входа, успела отрасти ветка. Проникла та ветка в пещеру, коснулась отшельника своим шершавым листком, и тот очнулся...

— Как долго, светлейший, вы не были с нами, созерцая, возможно, сам Фаворский свет, — обратились к Митрофану его друзья, пришедшие поздравить его с выходом из затвора.

— Неужели? — удивился тот. — А мне показалось, что я отлучился лишь на одно мгновение!

Марья Капитоновна

дна женщина вела корову, потерявшуюся в лесу, мимо пещеры отшельника.

Услышав утробное мычание, звучавшее, как иерихонская труба во время богослужения, отшельник выглянул из пещеры и окликнул:

— Марья Капитоновна!

Женщина не отреагировала на это никак: видимо, звали её по-другому. А вот корова повернула свою голову и несколько раз дружелюбно кивнула отшельнику. И бабочке-лимоннице, сидевшей на её рогу, как на ветке, пришлось покинуть своё насиженное место.

Улучшатель

Один отшельник, странствуя в летнюю пору по Жигулям, каждым придорожным камнем любовался.

Сядет, бывало, возле какого-нибудь камня и ну его хвалить. Ты, дескать, и замшелый, и стопудовый, и цветом серый-пресерый, как дамасская сталь!

Какую выгоду от такой хвалы отшельник имел, про то неизвестно. Но только возле камней, с которыми он беседовал, трава гуще и зеленее всегда росла. А ещё человеку, которому уснуть возле таких камней доводилось, снились всегда добрые, спокойные сны.

Имени того отшельника история не сохранила, но прозвище его – Улучшатель – дошло и до наших дней.

Бумажное производство в Общине

Как-то среди отшельников, ещё не достигших просветления, пошла мода на сочинительство разных книг. В этой связи Старший отшельник в колокол бить не стал, но обратился к молодым с такой речью:

– Всеми силами удерживайте себя от написания комментариев к Священному Завету. Но если вы эти комментарии, всё же, напишете, мы внимательно рассмотрим ваш труд.

В другой раз, столкнувшись с проблемой бумажного производства в общине, Старший отшельник сообщил:

— О том, что открывается твоей душе, говори просто и обыденно. Ведь то, что ей открывается, приходит навсегда.

Было и такое. Явился к Старшему отшельнику старец, живший в Общине едва ли не со дня её образования. Он тоже собрался писать духовную книгу и просил благословить его на труд.

Совершив положенный обряд, Старший отшельник посоветовал старцу:

— Напиши книгу дельную, простую, в которой есть и напудренная щёчка, и бьющая наотмашь ладонь!

Гон

(из письма-воспоминания)

«**П**омню, приснился мне в детстве сказочный сон. Увидел я гору, издырявленную, словно головка сыра, входами пещер. Я жил тогда в степи, мечтал стать джигитом и

гарцевать на коне. Мечтал посещать другие страны и совершать подвиги, защищая обиженный народ. Помню, я назвал этот сон «сказочным» и тут же о нём забыл.

Колесо моей жизни совершило не один оборот, прежде чем я попал в Жигули, к отшельникам, и увидел свой давний сон наяву».

Невидимые птицы

 тшельник Игнат, общаясь с приходившими к нему мирянами, вёл свою беседу, «как барышню за локоток». При этом одна странность в его поведении, всё же, была: отшельник часто наклонялся. Подобным образом наклоняются на поле сражения бойцы, пропускающая мимо себя пушечные ядра, пущенные для поражения противника.

— Почему вы всё время наклоняетесь? — спросили его однажды. — Беседы ваши серьёзные, а ведёте вы себя, простите за выражение, как шут!

Игнат на это сообщил:

– Из пещеры моего соседа, также отшельника, всё время вылетают птицы, которые ни в одну зоологическую книгу пока не включены. Человеку эти птицы не видны, однако играют важную роль в его жизни. Они охраняют то место, куда прилетят, сошьют себе гнёзда и выведут желторотых

птенцов. Летят эти птицы в Самару... Я наклоняюсь для того, чтобы их пропустить.

В глубине, холодной и мрачной

♦дин отшельник часто отворачивал большие камни, похожие на люки корабля, и кричал в землю:

– Эй, мужики, в аду пребывающие. Желаю вам Библию почитать!

И всякий раз в глубине, холодной и мрачной, слышались стоны, эхом разносившиеся по длинным коридорам земли...

Именно этот отшельник, как я слышал, знал Библию почти наизусть. И когда его в потакательстве отпетым грешникам обвиняли, возражал:

– И Христос в ад спускался!

Райски прекрасная одежда

Слышал я эту историю от старцев жигулёвских, из которых иные помнили ещё русско-японскую войну. Помнили народные сходы, поджоги помещичьих усадеб и вилы, превращённые в орудия нападения...

Отшельник NN всю свою жизнь искал просветления. И обрета его в старческие годы, стал ходить нагишом. Чувствовал себя при этом просто превосходно. Когда же его попросили, наконец – гм!.. гм!.. – одеться, NN удивился и спросил:

– Как, разве я не одет в тёплую и непромокаемую, райски прекрасную одежду, которую вы называете телом?

После, однако, проникся глубоким состраданием к тем, кто ещё не обрёл просветления, и облачился в «самую верхнюю», как он выражался, одежду – из грубой рогожи.

Глаз Дьявола

Ходил в старину по рукам череп, Глазом Дьявола звал его народ. Тот череп поручику, застрелившемуся от несчастной любви, принадлежал.

Был тот череп заколдованным. Стоило поглядеть через две его дырки – следы от пули – на человека, как конец тому приходил. Тоской вселенской человек изводился, спешил на себя руки наложить!

Много людей тот Глаз Дьявола погубил. Судьба же его дальнейшая такова.

Пришёл как-то к людям, его хранившим, один отшельник, отдать потребовал. Те ни в какую. А череп в каменном подвале хранился, в железном сейфе. Отшельник сел во дворе и стал молиться. На третью ночь вылетел из его

головы огненный шар, проник в тот сейф и Глаз Дьявола испепелил...

Говорят, на месте, куда пепел высыпали, ни одна травинка с тех пор не выросла.

Забота отшельника

Етоя в красной рубахе, опоясанной жёлтым кушаком, на волжском крутище, отшельник Матвей щурил тёплые глаза. И говорил молодняку, пришедшему сладить свой подвиг в прокопчённых пещерах жигулёвских:

— Забота отшельника выходит за рамки земли. Она простирает свои руки и земле, и небу!

Песня Ангела

«**П**о широкому морю поэзии плавает, говорят, лодка. По бокам её солнце и месяц нарисованы, с носа утка резная вдаль глядит. В лодке той Ангел пребывает, правит

лучом-веслом. И всё, что Ангелу ни встретится на пути, на песню кладётся.

А в песне той трудится завод, печную копоть в бархат бесценный превращая. Не от мира та песня, но для мира. В самую сердцевину его влиться спешит, и задать миру направление.

Чу: звучит та песня над пучиной морской, и даже на окраине земли русской, что хвостом Тугарина-змея оплетена, метлою Бабы-Яги перекрещена, светит солнышко», – писал своему гимназическому другу, самарцу NN, один отшельник.

Третий язык

Отшельнику П., который плохо отзывался о своих братьях, приснилось, что язык у него раздвоился, как у змеи. В состоянии крайнего беспокойства явился он к Старшему отшельнику...

– Покажи мне язык, – попросил тот.

Отшельник показал.

– У тебя действительно два языка, – сообщил Старший отшельник. – Правда, растёт ещё и третий, который и полагается иметь отшельнику. Язык, с которого стекает лишь мёд!

Травоядный хищник

У Б., старейшего отшельника, оставалось к концу его жизни совсем мало зубов. Когда же выпал последний зуб, Б. заметил:

- С хищником покончено навсегда.
- Какой же ты, брат, хищник? – спросили его.
- Разумеется, травоядный!

Признание отшельника

 тшельник Иван умел таким образом поглядеть на луч солнца, проникавший в его пещеру через дымоход, что луч начинал звенеть, как струна у мандолины. А, может быть, это только казалось человеку, посетившему отшельника ясным весенним днём?

Цвела черёмуха на склоне соседней горы, источая и запах, и соловьиную песню. Любитель словесности назвал бы такое пение «ароматным», связав два события в одно. И под звон солнечного луча, всё-таки звеневшего в обход всех житейских правил, отшельник Иван говорил:

— Порою мне, волжанину, кажется, что душа моя состоит из Волги и Жигулей!

ПРОПОВЕДЬ БЕЗ БЛАГОДАТИ

«**П**роповедь без благодати – самое страшное, что может случиться с отшельником!

Тело – футляр для души – распадётся рано или поздно на составные части, являя пищу травам и цветам. Душа – кудрявое облако, видимое отовсюду – проплывёт ранним утром по небу и растает вдали. Но дух – негасимый огонь – будет вечно чадить над миром, осквернённый проповедью без благодати. Вечный дух будет вечно чадить!» – писал своему гимназическому другу, самарцу NN, один отшельник.

Стихи Вихря

 тшельник по прозвищу Вихрь, известный на всю округу своими великолепными стихами, никаких поэтических замыслов в душе не носил. Писать принимался всегда внезапно, как ветер налетает на пшеничное поле, пригибая спелые колосья к земле.

Когда за один присест стихи написать не удавалось, отшельник рвал на клочки исписанную решительным почерком бумагу. Рвал даже тогда, когда дописать оставалось всего лишь одну строчку.

Стихи свои отшельник перечитывать не любил. А когда «бумажной продукции», как он своё творчество называл, скапливалось в его пещере чересчур много, выбрасывал её в Волгу с отвесной скалы.

Порой листы с его стихами залетали на плывущие мимо баржи, но чаще всего тонули в воде. И чайки с криком кружились над ними, привлечённые их белизной.

«Поговорим о Пути»

Встречаясь с незнакомыми людьми, один отшельник сознательно, рассказывают, начинал нести всякую ахинею.

Нёс её, нёс своими распухшими от болтовни губами, пока слушателю не надоедало. И лишь когда отшельника останавливали такими, например, словами: «Сие я могу услышать и в городе Самаре, в Струковском саду!», приступал к серьёзной беседе.

Её отшельник предварял обычно словами:

— Радуюсь, брат, тому, что ты различаешь уже Путь и не-Путь... Поговорим о Пути!

Бельмо в глазу человечества

Прочитав как-то раз губернскую газету, приплывшую ранним утром по течению Волги-реки, в которой недовольным тоном сообщалось о заселении Жигулёвских гор отшельниками, старец Нектарий молчал до самой темноты. И произнёс при первых весенних звёздах, украсивших небосвод:

— Мы как бельмо в глазу человечества... Однако оно не спешит избавиться от нас!

МОЛИТВА И ПЕСНОПЕНИЕ

(из книги одного отшельника)

Жил в нашей обители отшельник, заменявший молитву песнопением.

Каким образом такая замена, не предусмотренная канонами Пути, отозвалась на судьбе этого отшельника, неизвестно. Полагаю, что хорошо, и привожу слова одной его песни:

«Жигули для меня – Святой Остров...

Я окунаюсь в своё детство, как в золотую бадью, и вижу – бадья пуста, в ней нет Жигулей.

В моих взрослых годах так же мало Жигулей, как мало росинки на цветке, что расцвёл в жаркий полдень.

Но когда я озираю свою грядущую старость, глаза мои слепнут от света. Так ярко горит в ней зелёным огнём древнее урочище Жигулей...

Приди и заberi меня, Всевышний, когда выйдут сроки, смеющимся от счастья слепым!»

АНГЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК

На территории Самарской Луки согласно указу, исходившему из Петербурга, проводилась в конце XIX века перепись населения.

Чиновники, приехавшие из Самары, были одеты в мундиры с медными пуговицами, начищенными до блеска зубным порошком. Чиновники обходили избы и задавали крестьянам вопросы. Об их возрасте, о вероисповедании, о семейном и имущественном положении. И записывали ответы в бумаги, на которых стояла царская печать.

В селе Подгоры в те дни гостил жигулёвский отшельник, спустившийся с гор, чтобы увидеться с местным священником. Переписчики и его включили в свои списки.

Когда отшельнику задали вопрос, какие он знает языки, тот смутился. И ответил, опустив глаза:

— Русский, татарский, мордовский и немного — ангельский язык...

Сила милосердия

(из письма одного отшельника)

Когда, размахивая мечом страсти, человек идёт сразиться с Богом, идёт Его убить, а после разбросать куски Его тела по канавам, где их тут же пожрут голодные звери, величайшая сила милосердия позволяет Богу идти рядом с ним. И когда человек свалится от усталости и попросит пить, предложить ему воды из Своих ладоней.

Необычная молитва

дин отшельник каждое утро встречал необычной молитвой.

Сидя на вершине Девьей горы, обзревая с орлиного полёта дали, он повторял:

*О, неба невесомый монолит,
ты – голубое зарево молитв,
творящихся людьми в любом краю.
Прими молитву скромную мою.*

Носилось над ним всегда, засты свет, облако воробьёв. Иногда отшельник и сам в небо понимался. Захочет, бывало, погладить какую-нибудь птичку, забудется и полетит. Будто бы явление воздушного шара тогда наблюдали – легко и свободно летел!

Голос Бога

Ученик одного отшельника так, рассказывают, получил озарение.

После целого ряда ночей, проведённых в молитве и беседах о Боге, ученик впал в странное состояние. Лени молочная пелена, как саваном, окутала его с ног до головы. Борода учителя, сидевшего напротив, колыхалась от речей, но звуков не было слышно. Тёмная и довольно длинная пещера вселяла в сердце тоску и безысходность...

Внезапно, сам не зная отчего, ученик очнулся и услышал:

– Пойдём, послушаем Голос Бога!..

Низко нагибаясь, он вышел за своим учителем из пещеры.

Табачного цвета луна над ближайшей рощей...

Испуганный крик утки...

Тишина...

Калоши отшельника

 дин отшельник, купаясь в Волге погожим днём, забыл на берегу свои калоши. А когда спустя несколько дней их обнаружил, калоши были полны песка, из которого пробивалась молодая травка. Отшельник бережно отнёс калоши в свою пещеру и стал ухаживать за травкой.

– Расти, травка, высокой, расти сочной, расти урожайной, – приговаривал всякий раз, поливая травку, отшельник. И уходил читать Библию и кормить хлебными крошками птиц.

Иногда, поливая травку, отшельник задумчиво смотрел на свои калоши. И произносил, как мольбу:

— Чем выше, травка, ты вырастешь, тем большей свободы от привязанности к земным вещам и я достигну!

Предсказание

 дин отшельник, живший в незаметной для посторонних глаз пещере, обладал даром ясновидения.

Посмотрит, бывало, на дерево, погладит мягкой ладонью его ствол и скажет без рубки и подсчёта годовых колец, сколько ему лет. Посмотрит на каплю, упавшую с неба, и увидит на ней картины быстротекущих событий.

Именно этот отшельник предсказал наступление такого века, когда люди будут ездить в самоходных телегах, способных перемещаться быстрее птиц. Будут рады мельканью берёз, растущих вдоль дороги, довольны обилием встреч

с родными и близкими людьми. Будут счастливы видеть слово «Жигули», написанное на их телеге, но не будут знать истинных Жигулей.

Поглощённый молитвой

Порою любовь — к земле и всему, на ней пребывающему, — заполняет человека настолько, что он перестаёт ощущать себя, как отдельное существо. Человек приобщается к цельности этого мира, к согласному ходу её бытия, и обретает покой существования.

Однажды к отшельнику, который молился Деве Марии, пришли миряне и в сумерках пещеры спросили:

— Почтенный, вы здесь?

Целиком поглощённый своей молитвой, отшельник ответил:

— Здесь никого, кроме Девы Марии, нет!

Одежда из стрел

(из письма одного отшельника)

«**Ч**еловек, одетый в редкую на сегодняшний день одежду – стрелы своих врагов, шёл ранним утром вдоль берега Волги. Стрелы, торчавшие из его груди, шуршали на ветру, как птичьи перья. Страшный, казалось бы, случай, но человек тот весело улыбался!

И когда, перечеркнув просторы, вонзалась в него очередная, пущенная кем-то стрела, человек говорил:

– Моя, моя! Или моего соседа... Радуюсь за него!

Пишу тебе, мой друг, эти непривычные для слуха строчки, а в это время живая, далёкая, приподнимающая в небо песня звучит в Жигулях. В тех самых Жигулях, где живёт теперь этот человек».

ЕЖЕВИЧНЫЙ чай

(секрет отшельника)

Не однажды миряне, побывав у меня в гостях и попробовав ежевичный чай, мною собственноручно приготовленный, хвалили его. Отмечали не только его аромат, но и ту бодрость, которой награждал он тело и дух. И как водится в этом мире, просили меня открыть секрет его приготовления. На просьбу эту откликаюсь и охотно своим секретом делюсь!

Собирать листья ежевики следует в ту именно пору, когда ягода созрела. Тогда по всему кусту разливается радость исполнения своего предназначения: он как бы поёт. Пение это накапливает лист, и если его собрать и высушить в эту пору, в себе хранит.

Лист ежевики, собранный в мае или в июне, не слишком хорош. Он хранит в себе думы цветка, его надежду стать ягодой. Беспокойство о том, вовремя ли совершит пчёлка опыление, ни

на минуту не покидает цветок. А также возможность бурь, заморозков и гроз премного отравляет жизнь цветку, а с ним и всему кусту ежевики.

Лист, собранный осенью, слаб и морщинист даже на вид. Он хранит в себе дух одиночества, неминуемый при расставании куста с ягодой. Сбирать листья ежевики в осеннюю пору и во все не советую.

ОБЫЧНОЕ С ВИДУ СЛОВО

тшельник Всеян обладал даром проповедника. Миряне приходили к нему семьями и сёлами. И даже подсолнухи, что росли возле его пещеры, поворачивали к отшельнику свои головки, когда он говорил.

Всеян находил связи между вещами, которые не всякому были видны, и учил обращать их на пользу своего развития. Вот образец того, о чём он говорил:

— Дорогие мои, собравшиеся здесь! Мы часто оглядываем даль, как лицо, ища на нём веснушки. И радуемся, найдя их, короткий срок. Потому

что веснушки превращаются в птиц и улетают в лес за пропитаньем. И мы – немые, не зная, как быть. И ищем Бога для своего успокоения.

Мы ищем Бога-слугу, гуляющего вокруг нас с подносом удовольствия, а не в сердце своём. Но Бог живёт именно там, руководя нашим развитием.

Как часто, мои дорогие, употребляем мы слово «всё»! С виду это самое обычное слово, но только с виду. Оно наиболее полно выражает сущность Бога, ибо Бог есть Всё. Один отшельник, живший когда-то в нашей обители, даже достиг просветления, повторяя, как мантру, слово «всё». И размышляя о его значении.

Спросили отшельника

— **Ч**то произойдёт, если отнять от Храма Мудрость? – спросили одного отшельника.

- Всё же, останется Красота, – ответил он.
- А если отнять и Красоту?
- Останется одна амбарная постройка!

Новые пути

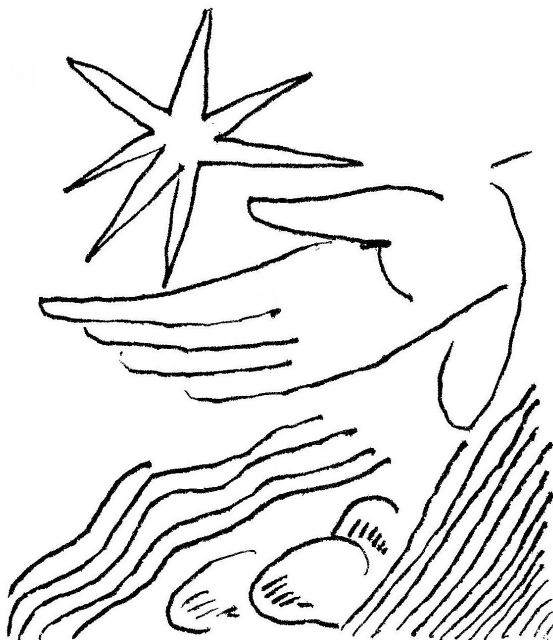
«**М**ы молимся по утрам в своих пещерах, стараясь не слишком тревожить тишину. Но иному мирянину, к нам заглянувшему, нет-нет, да и послышится где-то рядом скрип телег, лязг камнедробилок и оживлённые разговоры рабочих людей. Что ж, и такое восприятие нашей жизни благословенно, ведь мы, отшельники, прокладываем для человечества новые пути!

Места наши намолённые, с видом на Волгу и ветер, раздувающий стругам паруса. Даже Фома Неверующий, бывая у нас в гостях, ощущает неведомую силу. Места, подобные нашим, живут и процветают, пока сила молитвы животворит», — писал своему гимназическому другу, самарцу NN, один отшельник.

Чудо отшельника

Один отшельник, когда крестился, всякий раз чудо, сказывают, являл.

Из руки его, сложенной троеперстием, яркий пучок света исходил. Этот пучок или шарик света – не знаю, как его лучше и назвать! – всюду по пещере отшельника летал, пока, наконец, не лопался с сухим треском.

Раз того отшельника местные крестьяне навестили, среди них был малец лет пяти. Вот малец тот, чудо увидев, к мамке своей и пристал:

— Мама, мама, теперь я знаю, кто звёзды на небе зажёт. Их отшельник зажёт!

Мать тому мальцу подзатыльник для начала дала, чтобы не шумел, а после на ухо сообщила:

— Звёзды, сынок, никто не зажигал, они всегда светили. Видно, звезда одна упала и в руку отшельника угодила. С тех пор он и творит, когда крестится, свои чудеса!

Уходили крестьяне от отшельника уже к вечеру. Мать со своим мальцом последней по тропинке шла. И всю дорогу малец на темнеющее небо смотрел, где звезда звезду зажигала.

Сосуды сообщающиеся

— **М**ы — как сосуды сообщающиеся, — заметил как-то раз отшельник Дементий, работавший в молодые годы в одной из самарских аптек.

Похоже, что эти годы наложили прочный отпечаток на всю его жизнь, смыть который

Дементий и ныне был не в силах. Да и нужно ли было отпечаток этот смывать, отвердевший во времени и ставший ступенькой той лестницы, по которой Дементий восходил к своему просветлению?

И глядя с горы на волжские протоки, похожие на... – ну конечно же, похожие на стеклянные трубки аптечных перегонных устройств! – отшельник Дементий закончил свою фразу:

– Убывает потихоньку в сосуде тела – прибывает в сосуде души!

Корзина с наградами

Иерарх русской православной церкви, бывший в том возрасте, когда при наклонках даёт себя знать радикулит, а при ходьбе мучает селезёнка, решил уйти в отшельники.

Долго в дорогу не собирался, новые одежды себе не шил. Но прежде, чем уйти, сложил все свои награды в корзину, с которой его кухарка ходила по воскресным дням на базар. И поехал на Волгу.

День стоял ветреный, дождливый. Чтобы собраться и что-то в своей жизни изменить – в самый раз подходящий!

Исчезла в волнах корзина с наградами, исчезло и должностное лицо. А хилый перестарок, стоявший по колено в воде, качал головой. И говорил то ли чайкам, с криком над ним кружившим, то ли самому себе:

– Быть никем в этом мире под силу далеко не всем!

Возвращение

 дин из монахов самарского Никольского монастыря ушёл в Жигули, к отшельникам. Однако не вынес и первой зимы, звеневшей на ветру своими морозами. И укутав тело в медвежью шубу, приехал обратно в монастырь.

Возле главных ворот, поскрипывая на снегу валенками, его ожидал игумен Никольского монастыря. Глаза сослуживцев встретились, блеснули слезою...

Крепко на радостях обнялись!

Помогая одолеть стыд, всё ещё мучивший монаха, игумен Никольского монастыря сообщил:

— Ты всё равно — самый из нас лучший. Мы только собираемся стать безумцами, а ты им уже попробовал стать!

Имѐть в самом себѐ монастырь

Монахи самарского Никольского монастыря, обсуждая возвращение своего брата из Жигулей, давали этому событию самую разную оценку. Но большинство из них говорило примерно следующее:

«Мы любим монастырь за те порядки, которые благотворно влияют на нашу жизнь. Которые запечатывают мысль, закручивают волю и качают в нужном направлении маятник судьбы. Именно монастырь способствует пробуждению в нас Святого Духа, который мы так жаждем обрести. Но монах, решивший уйти в Жигули и стать отшельником, должен в самом себе иметь монастырь».

Монастырь и монахи

Старец Андрей служил в своей молодости казначеем в одном из волжских монастырей.

Должность эта, следует заметить, ответственная. И чтобы вполне ей соответствовать, необходимо было знать о жизни монахов буквально всё.

Уйдя к отшельникам в Жигули, Андрей многие годы вёл их общинные дела. Живя исключительно для других, сердечно откликаясь на их нужды, старец порой пускался в размышления о Пути, о сроках наступления той или иной нужды для человека.

Вот что сказал однажды Андрей по поводу монастыря и монастырской жизни:

«Распусти указом свыше монастырь, и многие монахи станут в миру неудачниками. Запри по чужой воле в монастырь многих, и в стенах его поселятся лицемерие и ложь. Каждому уготован свой путь на этой земле, нередко – со скрежетом зубовным. Но дано

человеку слышать звон, славный и далёкий. То апостол Пётр звенит ключами от Рая, окликая в пути».

ЕЩЁ ОДИН ОТШЕЛЬНИК

В общину отшельников, отличную от других жигулёвских общин более суровыми условиями жизни, явился юноша. Бледный и отощавший, похожий чем-то на щенка, мать которого загрызли голодной зимою волки, юноша привлекал к себе внимание таинственным светом глаз. В них была тьма, способная вывернуться наизнанку, и крылья, блестевшие пристяжными ремнями при свете дня.

Юноше сообщили:

— Ступай обратно. Или не видишь, куда ты пришёл?

А он:

— Покажите мне только, где у вас находится кладбище...

Так и появился в общине сильных ещё один отшельник!

Странный сон

 одному отшельнику приснился довольно странный сон. Будто бы он – одновременно – в двенадцати морях купался! Сон до того выглядел странным, что его почти невозможно было в словах передать.

– Только невозможное передать в словах невозможно, – подшучивали над отшельником некоторые слушатели, имевшие практический склад ума.

– Не скажите, – возражал им отшельник. – Даже в нашем подсолнечном мире, если смотреть в реку, деревья растут не вверх, а вниз. Что же говорить о мире человеческих снов, в котором действуют совсем другие законы?

Вопрос о счастье

 тшельника по имени Прот с детства интересовал вопрос о счастье, которое ищет на этой земле каждый человек. Существует ли оно предметно, как стол, скажем, или кровать? Или же счастье, как блики на воде, иллюзорно?

Однажды, читая молитву перед коптящей свечой, Прот впал в забытьё, и душа его перенеслась совсем в другие горы. Он увидел отшельника-великана, погружённого в раздумье, и низко поклонился ему.

От ветра, произведённого действием уважения, великан очнулся и загудел:

— Ом-мани-падмэ-хум...

И с гор, окружавших его, стали сходить снежные лавины!

Когда последняя лавина сошла, великан поместил душу Прота на свою ладонь и улыбнулся.

– Все существа стремятся к счастью, поэтому относись с состраданием ко всем, – посоветовал великан.

После этого замелькали высокие горы, и Прот очнулся в своей пещере, рядом с догоравшей свечой.

«Приди, и увидишь сам»

(из письма одного отшельника)

«**П**омни всегда, мой друг, что направляясь к нам, отшельникам, в Жигули, ты можешь не вернуться.

В нашей обители можно услышать такие, к примеру, выражения, как «опасность земного счастья» и «счастье опасного пути»... И пусть выражения эти режут кому-то слух, они полезны для развития.

Из города, где ты живёшь, мы, отшельники, кажемся тебе странными людьми. Пещеры, звериные одежды, костры – будто бы сошли с пыльных страниц истории и поселились в Жигулях!

Один бродяга, случайно к нам заглянувший, даже увидел летящего в небе птеродактиля. Но это был наш брат К., вылетевший оказать помощь охотнику, попавшему в лапы медведя, в Зауралье.

Многое, мой друг, я мог бы рассказать тебе о глазах, видящих мир с крутых жигулёвских вершин, но этого не сделаю. Приди, и увидишь сам! Но должен предупредить ещё раз, что ты можешь не вернуться».

Резервы планеты

Резервы, если их достаточно запасено, дарят человеку покой земного существования. Завтрашний день существует, нагромождён наподобие шапки-ушанки на сегодняшний день, и благополучию человека ничто не угрожает.

Один отшельник называл горы, впадины и равнины, ныне надёжно сокрытые водами морей и океанов, резервами планеты. Человек до поры ими не пользуется, распахивая давно

распаханное и утаптывая уже утоптанное. Но придёт время, утверждал отшельник, и всё изменится. И там, где плавали рыбы, вращая стеклянными тарелками глаз, будут летать птицы, а где ползали осьминоги и морские ежи — гулять поэты и влюблённые.

Мудрость, разлитая повсюду

 тшельник Геласий любил наблюдать разливы Волги, которые случались в первые майские дни.

Вода, заходившая в ту пору в лес, обнимала стволы деревьев, и лодки мирян плавали какое-то время напрямик, среди облаков и распутившейся зелени.

Точно такой же полноводной, как Волга в весенние дни, видел Геласий и мудрость, разлитую во всём сущем.

Однажды, наставляя пришедших к нему мирян, Геласий сообщил:

— Молишься весь день, просишь прихода Царства Божьего в каждую человеческую жизнь, и вдруг увидишь муху, жужжащую перед иконой.

Разом про всё забудешь и замахнёшься на неё! Но, вспомнив Священное Писание, смягчишься и мысленно укажешь ей путь... И когда муха покинет твою пещеру, радость прибавится к радости, и свет — к свету в твоей душе!

Хромовые сапоги

 тшельник Лука одевался таким же образом, как и всякий крестьянин в Жигулях, источая вокруг себя запах дёгтя и соломы. Но, несмотря на полное сходство с мужиком, являл в своём облике нечто купеческое.

Когда Лука проходил мимо своих братьев, неся из общественной кухни чашку, полную щей, многие из братьев слышали, как скрипят на нём хромовые сапоги. Скрипят громко и вызывающе, хотя обут был Лука в обычные лапти.

Тень, отбрасываемая Лукой, многим казалась стоячей, как на отвесной скале в солнечный день. И потому за Лукой виделись не волжские дали с их озёрами, заросшими ряской и камышом, а хлебный амбар с закрытой на замок дверью.

Таким казался отшельник Лука людям, и с этим ничего поделать было нельзя. Но именно Лука останавливал проходящих к нему мирян, начинавших говорить про базар и выгодную торговлю, такими словами:

— Деньги и любовь, деньги и религия — от сейчас. Верю, что от завтра — Бог и любовь, Бог и религия!

Три ответа

дин отшельник по-разному отвечал на один и тот же вопрос, заданный ему мирянами.

Так, трубачу самарской филармонии, навестившему его с ватагой подвыпивших друзей, на вопрос «чем вы тут занимаетесь?» отшельник ответил:

— Мы учимся в своём уединении слушать музыку, исполняемую без помощи музыкальных инструментов.

Известному самарскому драматургу, также навестившему его, на тот же вопрос отшельник ответил:

– Мы учимся читать книги, написанные без помощи букв.

А мужику из ближайшего села, искавшему пропавшую в лесу лошадь, отшельник помог её найти. И глядя её гриву, напоминавшую сухой водопад, сообщил:

– Мы тоже ищем лошадь. Весёлую, с умными глазами, которая пасётся на небесных лугах.

Племя язычников

(из письма одного отшельника)

«**В** будущем, мой друг, объявится в Жигулях племя язычников. Оно будет мало говорить, но много петь, молиться берёзе, и правда его будет особо светящейся. Левиафан технического ада попробует то племя пожрать, но подавится Млечным Путём. Это племя усыновят звёзды на пороге последнего дня, если таковой приключится.

Женщина в белом вышла из моего сердца, когда я это сказал. Осмотрела доспехи на воинах – символы – и одобрила текст».

ОТВЕТИЛА ТИШИНА

дин мирянин пришёл с неотложным вопросом к отшельнику, когда тот молился. Не желая ему мешать, мирянин встал на колени и тоже стал молиться.

Сначала в его голове летали числа, звякала удилами пропавшая лошадь, и лампадное масло жаловалось на сырость помещения сыру и молоку. Но вскоре сгустились сумерки, в которых трудно было что-либо разобрать. А после простор задвигался, как кузнечные меха, и на открывшемся небе засияли, словно лампадки, звёзды...

Мирянин был счастлив, как никогда!

— А теперь задавай мне свой вопрос, — сказал отшельник, вставая с пола и отряхивая колени.

Но мирянин лишь низко ему поклонился и покинул пещеру.

Кругосветное путешествие

(из книги одного отшельника)

«**Г**лышал историю о том, как вещи, влачившие своё скучное существование в антикварном магазине, решили совершить кругосветное путешествие. Для этого они стёрли с себя пыль, начистили до блеска эмаль и бронзу, и вскоре были куплены людьми.

Погрузив вещи на свои спины, люди отправились в путь. При этом каждый из них повторял про себя, как мантру: «Эта вещь моя, моя!...»

В пути, под тяжестью ноши, несколько людей умерло, но они были тут же заменены новыми людьми.

Говорят, кругосветное путешествие для вещей, купленных в антикварном магазине, закончилось благополучно».

Музыка Жизни

 тшельник Тимофей, окрылённый молитвой, совершённой поутру на опушке леса, произнёс:

— Какая чудесная музыка доносится издалека!

Эти слова услышал мужик, перегонявший корову, переставшую давать молоко, на живодёрню, снял шапку и перекрестился.

— То плотники, строя в Берёзовке дом, стучат топорами, — уточнил мужик, довольный тем, что знает кое-что.

— Я говорю о той музыке, которую производит всё живое. И в которой стук топора присутствует тоже! — пояснил Тимофей.

Приглашение Ангела

 дин пожилой лесоруб, достигнув просветления, отправился в Жигули, к отшельникам, с охапкою свежих листьев.

В пути он встретил Ангела. Тот прятал свои крылья под длинной сермяжной рубахой, которую носили отшельники. За спиной у Ангела сверкал золотыми куполами город, спустившийся на землю подобно ковру-самолёту.

— Вот видишь — листья... на них — роса... Ну, ты это понимаешь? — спросил лесоруб, не обладавший и малой долей красноречия.

— Ещё как по-ни-маю! — ответил Ангел с улыбкой. И совершая поклоны до земли, пригласил лесоруба в Ладоград — город святых и праведников.

Надёжной стеной

(из письма одного отшельника)

«**В**озле наших пещер только за последние годы выросло немало берёз.

Никто из нас, отшельников, их не сажал. Эти белоногие врачевательницы взяли, видать, обет лечить нас от всех телесных недугов. Нам нравится, разумеется, принимать от них помощь.

Как-то наши братья, решив образовать новую обитель, переселились в другие места. И что ты думаешь? Берёзы, как верные друзья, последовали за ними!

Набились в карманы отшельников семенами, прилипли с весенней грязью к их лаптям. Доставленные без особых потерь к месту назначения, окружили его надёжной стеной».

Калистрат и время

Приехав в Самару навестить своих родственников, отшельник Калистрат купил им в подарок настенные часы.

Следуя с покупкой мимо Струковского сада, Калистрат решил в него зайти. В саду он присел на скамейку и стал с интересом разглядывать часы, открыв стеклянную дверцу.

– Милейший, который теперь час? – спросил его ухоженный господин, гулявший с дамой, одетой в белое платье.

– Для вас половина третьего, – ответил Калистрат.

Господин удивился и спросил:

– А для вас?

– Тоже половина третьего, – ответил Калистрат. И пояснил: – Ведь и я нахожусь в Самаре!

– Я что-то плохо вас понимаю, – занервничал господин, разглядывая отшельника в лорнет, имевший золотую оправу.

Стараясь быть более понятным и в мыслях, и в словах, Калистрат сообщил господину:

– В Жигулях, где я снимаю для себя каменное подвальное помещение, время измеряют не минутами, а молитвами!

Верные друзья

 грабленный в пути разбойниками, которые готовы были ограбить даже летящие по небу облака, будь у них имущество, отшельник Исайя грустил недолго.

Лишённый своих верных друзей – Священного Писания, иконы с изображением Иисуса Христа, ладана и чётков, Исайя стал готовиться к молитве. А когда заиграли утренним светом холмы и ветер накрутил седую прядь на ухо, Исайя попросил:

– Будьте мне ладаном, цветы! Помоги не сбиться со счёта, кузнечик! Откройтесь Священным Писанием, небеса! Ну, а ты, любимое Солнце, будь мне иконой!

СВЕТ ИЗ ТЬМЫ

«**В**ерь, что в тёмном лесу, внушающем путнику лишь страх и недоверие, тебя коснулась не ветка, а Рука Господа. Верь, что человек, который безжалостно тебя обокрал, взял только то, что ты задолжал ему в прошлой своей жизни. Верь, что путь твой к Дому Отца, кажущийся таким длинным, короток, и ты станешь подлинным хозяином своей судьбы. Ты научишься, наконец, добывать Свет из тьмы и золото человеческих отношений из ржавых, обоюдно тягостных знакомств», — писал своему гимназическому другу, самарцу NN, один отшельник.

ЧАСЫ ОТШЕЛЬНИКОВ

В старину, когда не было и в помине настенных часов, качавших маятник, как луну, и каждый час подражавших колокольне,

отшельники об их отсутствии ничуть не горевали. И мерили сроки, проведённые в затворничестве, по своим ногтям, насколько те успевали отрасти за это время.

Движение во времени – земное чувство, и отшельники хорошо это понимали. На земле существуют часы, по которым измеряют ход событий, и не изволь беспокоиться о часах лишь во внутренней вселенной, которую занимает Творец со свитой своих Ангелов.

После выхода из затворничества отшельники мылись в бане, стригли ногти и надевали чистое бельё. И бережно хранили свои ногти, напоминавшие длинную спираль, под алтарём, в холщовых мешочках.

Любопытство

 тшельник Н. жил в некотором отдалении от своих собратьев, вырыв в лесу, возле раскидистой берёзы, землянку.

Пришли как-то раз к отшельнику гости. Посмотрев, как тот живёт, гости спросили:

– Не тяготит ли вас одиночество?

– Нисколько, – ответил отшельник.

Гостей столь краткий ответ явно не удовлетворил.

– Вы, наверное, любите слушать, как поют по утрам птицы? – спросили они.

– Терпеть не могу этих пернатых, поющих, как если бы запала кнопка на медной трубе, – признался отшельник. И добавил в сердцах: – Спасаясь от птичьего грая, замотав голову полотенцем!

Гости не знали, что и сказать.

– Живя в разлуке с людьми, вы, возможно, знаете тайну, им ещё не известную? – не унимались они.

Отшельник задумался на миг и, чтобы разом покончить с пороком, носящим имя «любопытство», сообщил:

– Одиночество хорошо тем, что по любой нужде приходится обращаться к Богу, а не к брату своему!

Эпифания речной кувшинке

Местные старожилы утверждают, что отшельники в старину имели смоляные струги, плавали на них в Астрахань и в Москву и даже использовали эти струги в своей духовной практике.

Подтверждение тому можно найти и в священных книгах, хранящихся в подземных хранилищах Жигулей. Так, в одном пожелтевшем от времени фолианте, написанном в виде беседы отшельника Ильи с тремя своими братьями – Хилым, Пугливым и Недоверчивым – говорится:

«Если, оставив сомнения на берегу, плыть три дня по течению, сердце наполняет молитвенный покой. А в таком состоянии и речная кувшинка может научить тебя истине не хуже апостола Петра».

Записка под камнем

 тшельник Агафон поселился в пещере Старшего отшельника после того, как тот преставился.

Жилось отшельнику Агафону в этой пещере как нельзя лучше. Словно бы окружала его не каменная труба, упиравшаяся в тупик с паучьими сетями, а княжеские хоромы!

Подметая как-то полы, Агафон нашёл под камнем, служившим в пещере алтарём, записку: «Ты, который поселишься в этой пещере, знай: в ней жил отшельник, молившийся и за твой приход!»

Белые ночи в Самаре

« каждым человеком, возлюбившим Бога и Вселенную, в мире светает всё больше, и уже недалёк тот час, когда предрассветные сумерки навсегда покинут эту

землю. Сонмы праведников и святых выйдут на улицы городов в ночное время. И нимбы над их головами, горящие, как золотые шары, заменят солнце», — писал в своей книге, посвящённой судьбе Жигулёвского края, один отшельник.

Тот же самый отшельник писал о судьбе Жигулёвского края и более предметным языком:

«Настанут такие времена, когда нежгучий огонь, призванный послужить людям, проявится над вершинами Жигулей. В городе Самара уберут тогда все фонари. И человек, покрытый нежгучим загаром, напишет книгу «Белые ночи в Самаре».

Слова Учителя

отшельник по прозвищу Тишина считался в Общине умелым наставником.

Когда Тишина читал свои проповеди где-нибудь в лесу, на доступной солнцу поляне, воздух был полон бабочек и стрекоз. Пчёлы кружились вокруг него, как жёлтая флотилия, распустившая свои напряжённые паруса, но трогать —

не трогали. Звуки воспринимались обострённо, как на концерте в филармонии. И если поблизости протекал ручей, то он подыгрывал своим журчаньем речам отшельника.

Ученики отшельника Тишины отличались всегда тем, что селились в местах, отмеченных красотой. Обязательно дерево, обязательно берег реки или ручей, и обязательное для его учеников стремление достичь в этой жизни просветления.

Отшельник Тишина учил:

– Разъяснить трудные места Учения может и ветерок, весело играющий с листвой берёзки.

Считаю, комментарии к его словам не нужны.

Двадцать лет спустя

Какой-то мужик, никому в здешних местах не знакомый, шёл вдоль пологого, поросшего ковыль-травой склона горы. Из пещеры отшельника, расположенной на соседнем склоне, он выглядел крошкою-муравьём.

Отшельник того мужика заприметил, но никак не отреагировал на него. Об этом говорится лишь потому, что в правилах того отшельника было молиться за всех, кто к нему приходил.

Но двадцать лет спустя, просветлев душою, отшельник вспомнил того мужика и включил его в свои ежедневные молитвы. И молился за него дольше и усердней, чем за тех, кто лично к нему приходил.

Признак просветления

— **В** какую подзорную трубу следует смотреть и сквозь какие медные трубы пройти, чтобы обнаружить в нашем подсолнечном мире просветлённого человека? — спросили отшельника П. миряне.

— А глаз, расположенный на лбу, который просветлённого человека видит, иметь не хотите? — спросил их в свою очередь отшельник.

— Какой такой ещё глаз, нам и своих двух достаточно! — зашумели, словно вода в кипящем самоваре, миряне.

– Ладно уж, скажу. Только это моё, нехитрое суждение будет, – сообщил отшельник. – Просветлённый человек охотно танцует, когда нет зрителей, и поёт, когда нет слушателей.

Молитва и сострадание

Человек по имени Иоасаф, умевший учиться на собственных ошибках, первую половину своей жизни провёл в миру, а вторую – среди отшельников.

Придя к отшельникам в Жигули, Иоасаф вскоре заболел довольно редкой болезнью. На теле его появлялись пузыри, как после дождя на лужах, и лопались, испуская зловоние. Мази и настойки не помогали, и лишь духовная практика понемногу теснила недуг.

Когда болезнь прошла, Иоасаф пустился в размышления. В чём заключалась причина его болезни? Какие молитвы и дела могли оказать на неё полезное воздействие?

Время текло, как Волга-река, теряясь за дальними холмами. Нашёл ли Иоасаф ответы на

свои вопросы, так никто и не узнал. Но в хронике жизни жигулёвских отшельников хранится такое изречение Иоасафа:

«Минута искреннего сострадания горю незнакомого тебе человека сопоставима с молитвой Богу, длящейся сто лет».

Муравьиная грамота

 дин отшельник душою-парнем любой компании был. Однако обучил стайку мурашей, поселил их в просторной коробке и так своё учение преподавал.

Поведёт, бывало, своих учеников на гору, где старая, как бы с пергаментным стволом берёза росла. Выпустит мурашей из коробки, нашепчет им что-то своё, и мураши на стволе тут же рисунком расположатся. Каким? Часто, рассказывают, словами, а если кто чужой рядом находился, то знаками: чёрточками, крестиками, кружками и многими другими. Только человек, самым отшельником обученный, понять эти знаки и мог!

Умер в положенный срок отшельник, и унаследовали коробку с муравьями его ученики.

Муравьиной грамотой сей способ передачи знания среди отшельников зовут. Самые тайные знания, способные в нечистых руках беду принести, именно так и передаются. Сам я эту грамоту видел однажды, однако, в суть дела не посвящённый, не понял ровным счётом ничего.

Незнакомый прохожий

«**В**от человеческое сердце, — говорит Христос. — Оно, как калитка, ведущая в сад вашей исхлёстанной зимними метелями души. Именно через неё я приду к вам однажды в гости. Не закрывайте же, не закрывайте, в ожидании моего прихода, эту калитку на засов!»

Такую запись оставил после себя один отшельник, писавший исключительно для себя. Наслаждавшийся словом, его брачным союзом с мыслью, рождавшим красоту.

Писал отшельник и о своих переживаниях во время затвора, проведённого им зимой:

«Даже дрова горящие – говорящие, даже болтающая на огне похлёбка болтает не зря. Даже снег, рябой от заячьих следов, легко читается, когда ты, незнакомый прохожий, опять в моём сердце живёшь!»

Не мёрзли никогда

Двое отшельников-друзей, живших в одной пещере, открыли в себе с некоторых пор весьма полезные возможности. И стали пользоваться этими возможностями в полную меру.

Вопреки всем ведьмам и лешакам, проживавшим в Жигулях и насылавшим на людей лютые морозы, двое этих отшельников не мёрзли никогда. Каким образом они решали вопрос, связанный с обогревом пещеры, можно понять из их разговоров:

– Близятся морозы, мой брат. Будем молитвой выявлять в себе внутренний жар или собирать хворост?

– Будем выявлять жар!

Или:

— Светает, однако. Будем по привычке ложиться спать или продолжать молиться?

— Будем продолжать молиться!

Бовсем по-другому

После беседы Старшего отшельника с молодыми сам воздух, казалось, изменил свой состав. Он стал производить ветер, как если бы рядом вращалось мельничное колесо. А ветер сами знаете, какой. Он тут же задрал на берёзке подол, надул пузырьём рубахи и вздохнул шевелюру у Волги-реки!

Старший отшельник посмотрел на случившееся глазами древних гор. И видя спины любимых людей, уходивших с места встречи, заметил:

— Теснит, теснит новое поколение. Совершает те же самые ошибки, но совсем по-другому!

Наставление о смерти

Старец Исаак, с трудом передвигавший свои ноги, был весел душою и словом велеречив. И когда братья-отшельники спрашивались о его здоровье, отпускал им с улыбкой:

— Моему сердцу — 14 лет!

Беседуя как-то с мирянами, пожелавшими знать, как правильно следует умирать, достигнув преклонного возраста, старец Исаак увидел ворону, сидевшую на берёзе, и погрозил ей клюшкой. И когда ворона, издавая зловещие крики, улетела, сообщил:

— Воин умирает в поле, рыбак — в море, а отшельник нередко забывает, что такое смерть.

Будь Богом

(из письма одного отшельника)

«Знай, мой друг, о том, что пожелание «будь человеком», такое популярное в наши дни, когда-то устареет. Его заменит другое пожелание – «будь ангелом». Но и оно, в свою очередь, отслужит свой срок. Настанут такие времена, когда светлокрылому ангелу, бывшему когда-то человеком, кто-то скажет с любовью: «Будь Богом!»

Цветок ромашки

Отшельник Арсений, бывший в молодые годы казаком жигулёвской вольницы, никак не мог отрешиться от своих воспоминаний.

Найдёт, бывало, саблю в лесу, очистит её от ржавчины и тащит в свою пещеру. И снятся после этого Арсению сны, в которых атаман

Степан Разин, призывая разбойников на штурм купеческого корабля, кричит:

– Сарынь на кичку!*

Назвав как-то раз своих братьев Воинами Света, Арсений смутился и покраснел. На это немедленно отреагировал отшельник Микула, считавшийся в Общине знатоком человеческих душ. Сорвав цветок ромашки, Микула поднёс его Арсению с такими словами:

– Воин Света идёт не с мечом, но – с цветком!

**Боевой клич жигулёвской вольницы*

ОСУЖДЕНИЕ

Помогая закончить спор, возникший между мирянами, сотрясавший Верхние миры таким же точно образом, как сотрясает посуду, стоящую в буфете, скачущая мимо кавалерия, отшельник Власий сообщил:

– Всякое осуждение подобно цепям, которые связывают осуждаемого и осудителя.

В БЛЕСКЕ ЛУНЫ

Навестил одного отшельника артист, игравший Гамлета в Самарском драматическом театре. На нём был плащ с медными колокольчиками, забавно звеневшими при ходьбе.

В ответ на приглашение сесть на скамью артист толкнул её ботинком, отчего скамья улетила в дальний угол пещеры. И сел на землю, театрально поправив волосы на голове.

— Что вы скажете на это, милейший? — спросил кто-то из свиты артиста, блеснув подвыпившими глазками.

— Созерцание блеска, подобного благородному серебру, важнее людских хитросплетений, — ответил отшельник. И вышел полюбоваться лунной, сидевшей птицей на ветке берёзы.

Тетрадка

Отшельник Матвей имел тетрадку, в которую записывал главные события, случившиеся в его дне.

Приходили за советом о том, как увеличить надои молока у престарелой коровы, читался по мере надобности Молитвослов. Летели дождевые тучи на Самару, которые следовало направить в засушливый Казахстан...

Все важные события дня отшельник Матвей записывал в свою тетрадку.

Имелись в тетрадке и записи, связанные с обузданием отшельником своих чувств:

«Понедельник. Напомнить Смотрителю Ада, когда туда попаду, что сегодня я выпил лишнюю чашку чая.

Вторник. Сегодня я снова выпил лишнюю чашку, правда, не полную...»

Разное поведение

Отшельник Ю. обладал живым и ясным умом, который принято называть житейским.

Живи отшельник в миру, наверняка бы заводил лавку товаров, а в случае везения имел бы и свой завод. Но ум житейский среди отшельников ценился не высоко, поскольку оценивал и делил всё то, на что был направлен. Ценился ум интуитивный, который объединял, сострадал и лечил, и который раскрывался в человеке благодаря постам и молитвам. И отшельник Ю. мучился своим житейским умом, как мучаются страшной болезнью.

Однажды Ю. спросили:

— Равно ли, почтенный, ведёте вы себя с умными и глупыми людьми?

Ответ был молниеносным:

— С умными я больше беседую, глупых — больше люблю.

Руки Христа

 дин отшельник, давший своей гордыне решительное сражение, взявший её в плен, внимательно её изучивший, а после с великим состраданием отпустивший её на волю, говорил:

— Даже если спасаешь тонущего в реке человека, умей увидеть главное. Умей увидеть, что к тонущему протянуты не твои немощные руки, а руки Христа.

Утро нашей жизни

Представьте себе человека, умеющего увидеть в земле, утрамбованной сапогами, червяка. Если такому человеку указать на землю и спросить, как та называется, он может ответить: «червяк». Потому что именно червяка видит человек глазом ясновидения.

– Доброе утро! – говорил всякий раз, встречая пришедших к нему мирян, один отшельник.

– Да, но сейчас уже вечер (или полдень), – поправляли его.

– Я имею в виду совсем другое утро, – пояснял отшельник. – Я имею в виду *утро нашей жизни!*

Кто виноват?

Во время схода отшельников старец Филимон, разминая свои уставшие ноги, случайно наступил на ногу отшельника Юлиана...

– Прости мне, брат, мою угловатость! – попросил Филимон, сложив на груди руки и глубоко сострадав своему ближнему.

– И ты меня прости, – ответил, скрывая боль, Юлиан. – За то, что вовремя не отодвинул свою ногу!

Луна на небе

 тшельник Нил, любивший проводить свои ночи на вершине Стрельной горы, был полон тех радостей, которые в списке радостей человека значатся не часто.

Наблюдая как-то луну, всплывавшую над лесом, Нил восхитился её лицом, рябым от ночных бабочек, и произнёс:

— А всё-таки радостно сознавать, что она ничья — ни монгольская, ни русская, ни французская — луна на небе!

Дары молитвы

 тшельник Сысой видел дерево — деревом, и дорогу — дорогой. Но когда шёл дождь, его струи изменяли округу, заставляя деревья шептаться и безглазые камни — смотреть глазами луж.

Именно отшельник Сысой не уставал удивляться дарам, которые приносит ему молитва. Окинув хозяйским взглядом свою пещеру, толкнув для порядка её щербатую стену плечом, Сысой качал головою. И спрашивал в который уже раз:

— И куда ты, пещера, исчезаешь во время молитвы? Остаются лишь бескрайняя земля да бескрайнее небо!

В ДОКИЕВСКИЕ ВРЕМЕНА

— **П**ринёс?

— Известное дело!

— А что принёс?

— Позолоченный полог зари.

— А робкие перезвоны капель росы, которые я просил тебя принести не единожды, принёс?

— А вот перезвоны-то принести и не смог!

— Тогда снова отправляйся в мир, и непременно их мне принеси...

Так беседовали, рассказывают, ученик и Учитель, жившие ещё в докиевские времена. Языческая, малопонятная для нас религия тогда господствовала на земле.

Старец Иридий

Достигнув к концу своей жизни просветления, старец Иридий стал жить исключительно заботами о других. Словно забыл самого себя в лугах под Самарой, где прошло его детство, и вошёл в незнакомый ему доселе простор, в хоромы Божьего сознания.

Если еды в пещере Иридия не было три дня, он не особенно расстраивался, если не было неделю – не слишком горевал. В этой связи община отшельников установила над старцем опеку, да и миряне, сильно его любившие, присматривали за ним.

Именно старцу Иридию принадлежат слова, сказанные им после глубокой молитвы:

– Отвыкайте что-либо просить у Всевышнего. Благодарите Его даже за то, чего Он вам не дал.

Единая Книга

Выпуская на волю слова, как из дупла птичек, отшельник Макарий сообщил мирянам, собравшимся послушать его:

— Окружающие нас леса, реки и горы являются собой Единую Книгу, которую всем нам, людям, надлежит научиться читать.

— А как же книги печатные? — спросили его.

— Они составляют лишь несколько страниц Единой Книги, весьма, впрочем, полезных, — ответил Макарий.

Звучание тишины

Отшельник Евлампий слышал за версту, как поют в заволжских лесах птицы. И понимал тишину как понимают её деревья, когда смолкает ветер.

Взгляд его, любящий всё живое, умел сгущаться, как сгущается солнце в увеличительном стекле, и лечить человека. А речи Евлампия, нередко звучавшие на старославянском языке, помогали ускорить лечение.

Однажды Евлампий наблюдал мирян, споривших друг с другом. Слыша зубовой скрежет и видя духовным зрением рога, мелькавшие над ними, Евлампий стал молиться. А когда спорившие замолчали, произнёс:

— Просьба, окрашенная беспристрастием, приятна и просителю, и просимому. Приятна независимо от того, будет или не будет удовлетворена.

Вопросы затворничества

— **К** каким образом, не запечатывая Святой Дух в банку алхимика, узнать, достигла ли молитва Всевышнего?

Отшельник Рафаил, задавший этот вопрос мирянам, долго ждал на него ответа. И не дождавшись, сообщил:

– Молитва достигла Всевышнего, если шум ветра превратился в музыку. Если в тёмной пещере стало светло, как днём.

Обсуждая вопросы затворничества с другими отшельниками, Рафаил указывал как на сильные, так и на слабые стороны его. Это была не критика, иссушающая почву под ногами, а попытка понять природу мироздания, скрытое дыхание его.

Делился Рафаил со своими слушателями и наблюдениями, которые он вёл над самим собой. Однажды Рафаил признался:

– Находясь в удалённых от мира Жигулях, я чувствую себя ближе к природе. И ближе к людям, чем прежде, когда я жил рядом с ними, в тесноте городов.

СОВЕТ НАСТАВНИКА

Юный отшельник, которого в Общине отшельников любили все и звали кто Ванечкой, кто Ванюшей, впервые участвовал в Соборной службе.

Окружённый со всех сторон людьми, освещавшими сырую волжскую ночь не только восковыми свечами, но и своими нимбами, Ванюша заглянул в своё сердце как в ларец, хранивший самое дорогое. И увидел в нём рыбу, плывущую кверху брюхом по реке...

— Находясь рядом с этими людьми, я чувствую всё своё ничтожество, — признался Ванюша своему наставнику, стоявшему рядом с ним.

— Лучше почувствуй себя принятым в их круг, — посоветовал тот. — Ведь рано или поздно ты тоже станешь просветлённым!

Пещерное время

 тшельник Терентий молился в своей пещере и ночью, и днём. Судьба несла его к просветлению, как Волга несёт свои воды в Каспийское море. И когда люди, молившиеся рядом, спрашивали его: «Дневное или ночное сейчас время?», Терентий отвечал:

— Пещерное.

Когда же Терентия принуждали ответить, глядя на него, как на бездушное орудие, он отвечал:

– Время – это пустая бочка!

Именно Терентий сподобился к концу своей жизни священного дара видеть в темноте. И когда ему задавали такие, например, вопросы: «спит ли Бог?» или «в какое время лучше молиться?», Терентий закрывал глаза. Куда-то улетап, откуда-то возвращался и, полный прозрения, отвечал:

– Нет ни дня, ни ночи в недремлющем оке Небесного Отца!

Выбор наставника

 тшельник Середая, умевший пройти мимо вражеского войска незамеченным и подоить корову, не желавшую давать молока, ласковой рукою, советовал молодым:

– Выбирайте себе в наставники человека, который ушёл от вас далеко, но догнать которого вы всё-таки сможете.

Иногда Середа использовал слово, как использует краску богомаз. И говорил, увлечённый красотою:

— Не уставайте видеть своего наставника в образе паромщика, переправляющего вас через бурный поток!

«Воздушный» старец

Старца Никанора, имевшего похожую на тополиный пух бородку, нередко качало из стороны в сторону, когда дул ветер в Жигулях.

Вес Никанора, как это выяснилось позже, уменьшался во время молитвы. И если старец молился весь день, а вечером собирался навестить своего соседа, он вынужден был привязывать к своим ногам камни, чтобы не улететь.

Пришли как-то раз к Никанору молодые отшельники. Желая проповедовать Слово Божье среди мирян, они собирали святоотеческую литературу.

Вручая молодым книги, Никанор был счастлив, как никогда. Голубел взглядом, пританцовывал, издавал песенный звук. И чувствуя, что

его тянет вверх птичья неведомая сила, пожелал молодым:

«Пусть ветер дует вам в спину, помогая в пути!»

В глубинах сознания

В пещере отшельника Маврония пахло сыростью. Со стен капала вода, мелькая серебряными нитями и находя пристанище в тазах, чашках и кувшинах. Иногда появлялась рыба — язь или краснопёрка — и, совершив в воздухе кувырок, словно за ней гналась щука, исчезала. При этом соседние пещеры оставались сухими, пригодными для проживания в умеренном климате Жигулей.

Необходимо было менять пещеру, и как можно скорее. Но Мавроний проникся глубокой жалостью к тем, кто в ней поселится. Да и уверенности не было никакой, что новая пещера, приняв Маврония, не станет вести себя, как старая.

Наблюдая за собой, Мавроний обнаружил в глубинах своего сознания мечту стать матросом,

владевшую им в юные годы. Сама по себе мечта, связанная с морем, была хороша. Но почему она не осталась в прошлом? Почему самым загадочным образом проникла в его сегодняшний день?

Диагноз явлению был поставлен. Оставалось только прибегнуть к молитве, способной избавить человека от многих бед. Мавроний так и поступил, заложив невысокий вход камнями. И вскоре его пещера, освещённая сальной свечой, стала сухой, словно бы в ней переночевало солнце!

А рыбы, прыгающие то и дело из воды, уплыли из жизни Маврония в Великое Астральное море. На нерест или для распространения своего вида в других водоёмах человеческой души.

Узлы противоречий

(из книги одного отшельника)

«**Б**ог, по Ему одному известным соображениям, прячется от человека. Прочные узлы противоречий – вот где Его следует

искать! Внимательное отношение ко всякого рода узлам особо поощряется в нашем братстве.

По верёвке, унизированной узлами, можно подняться хотя бы на крышу дома, но гладкая верёвка скользит, как мыло в руках. Обладателю такой верёвки повезло даже меньше, чем коту, гуляющему ночью по крыше.

Следует человеку дерзать, продираясь сквозь тернии противоречий к светящейся истине-новизне. И вкусить остановку в её покоях, с принятием овощного салата и жирного, обещающего крепкий сон борща.

А что же ожидает человека завтра?

Всё тот же путь, те же знакомые до боли узлы противоречий! Птицы, пустыни, города, пирамиды костей и пересохшие колодцы. Это земное существование было таким всегда, таким и останется. Но если ты знаешь изнутри, что жизнь после жизни состоится, боль превращается в радость и помогает в пути».

Поджигатель

 тшельник, имевший среди мирян прозвище Ласковая Волница, однажды весь день в каком-то сонливом состоянии провёл.

На следующее утро приехал из Морквашей отряд жандармов. Их начальник заявил, что Ласковая Волница не далее как вчера, в присутствии многих свидетелей, дом купца Н. пытался поджечь!

Очевидцев того, что отшельник не покидал своей пещеры, оказалось более чем достаточно. Уже собрались жандармы уезжать, как вдруг Ласковая Волница, словно вспомнив о чём-то, заявил:

- Да, это был я... Признаюсь в содеянном!
- Но другие отшельники говорят, что ты не был в Морквашах, – удивились жандармы.
- Был, – ответил Ласковая Волница, опуская глаза...

По настойчивой просьбе отшельника его судили, но по закону, а также по многочисленным просьбам морквашан и, в частности, самого купца Н., его оправдали.

После суда Ласковая Волница с неделю гостил у этого купца. И с тех самых пор отшельник либо его тень – а отшельники и за своей тенью признают жизненную силу – совершали одни богоугодные дела.

Особые упражнения

Узнав о том, что сознание человека имеет в своём составе два «я» – низшее и высшее, и что на пути к просветлению требуется утвердить руководство высшего «я» над низшим, отшельник Илья придумал такие упражнения.

Проснувшись рано утром, он спрашивал себя:

– Не желаешь ли, мой друг, встать на молитву? – И сам же изменившимся голосом отвечал: – Слушаюсь и повинуюсь, моя любовь!

После молитвы, изучая Священное Писание, Илья время от времени вопрошал:

– Не устал ли ты, моя радость? – И отвечал, поглаживая бородку: – Никак нет!

Вечером, готовясь ко сну, Илья был тих и задумчив.

– Кажется, день прошёл не так уж и плохо?
– спрашивал он себя. И отвечал с весёлой улыбкой: – Я тоже так думаю, мой господин!

Танцующая пыль

«**Ж**елаю иметь в сарае окошко! – сообщил поручик Лукин, живший в посёлке Запанской, ржавому гвоздю, лежащему на полке. Принёс от соседей коловорот и стал сверлить им в дощатой стене отверстия.

Когда, следуя друг за другом, отверстия образовали круг, Лукин ударил молотком по его середине. Солнце проникло в его сарай, легло уставшей хозяйкой на солому, явило танцующую пыль...»

Так написал своему другу, самарцу NN, один отшельник. И внизу, удивляя друга, сообщил:

«Душа моя, незримо присутствуя в сарае, получила от лицезрения действий поручика

большое удовольствие. И открыла для себя закон, действующий как в мире физическом, так и в мире духовном».

Арифметика просветления

— Сколько лет надлежит провести в вашей обители, чтобы достичь просветления? — спросил мирянин жигулёвского отшельника У., считавшегося человеком просветлённым.

— Не меньше десяти лет, — ответил У.

— А если я буду очень стараться, тогда?

— Не меньше пятидесяти лет, — ответил У., не дрогнув ни единым мускулом. — Поскольку тот, кто сильно желает конечного результата, редко достигает его чересчур скоро.

Старинная песня

«Где-то в Жигулёвских горах,
окружённых облаками,
между севером и югом,
Волгой и Иртышом,
между скорбью и радостью,
хулой и хвалой,
между миром людей и миром Блаженных
затерялась пещера отшельника.
Неужели мы эту пещеру не найдём?» –
поётся в одной старинной песне.

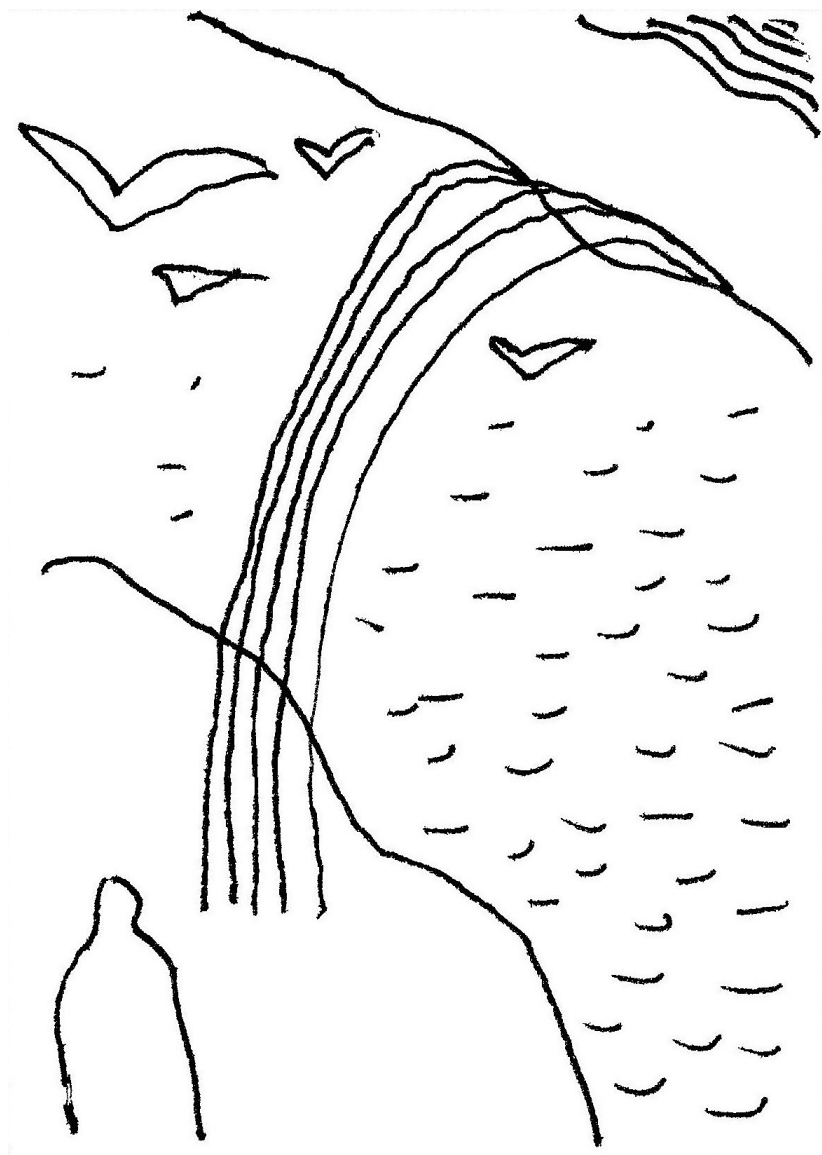

Школьный глобус

Именя в своём хозяйстве школьный глобус, сделанный из самого обычного папье-маше, один отшельник каждый вечер укладывал спать материки и океаны. Качая глобус на руках, отшельник пел ему с материнской любовью псалмы и молитвы.

Днём, когда солнце освещало пещеру, отшельник протирал сибирскую тайгу мягкой фланелью. Гималайские горы он гладил осторожно, как иглы у ежа, представляя их себе мягкими и пушистыми. А пустыню Сахара смазывал рыбьим жиром, как плешину. Желая людям добра, отшельник ухаживал за всем миром, не деля его на страны и континенты.

А вы, любя человека, не поёте ли ему колыбельные песни перед сном, как это делал отшельник?

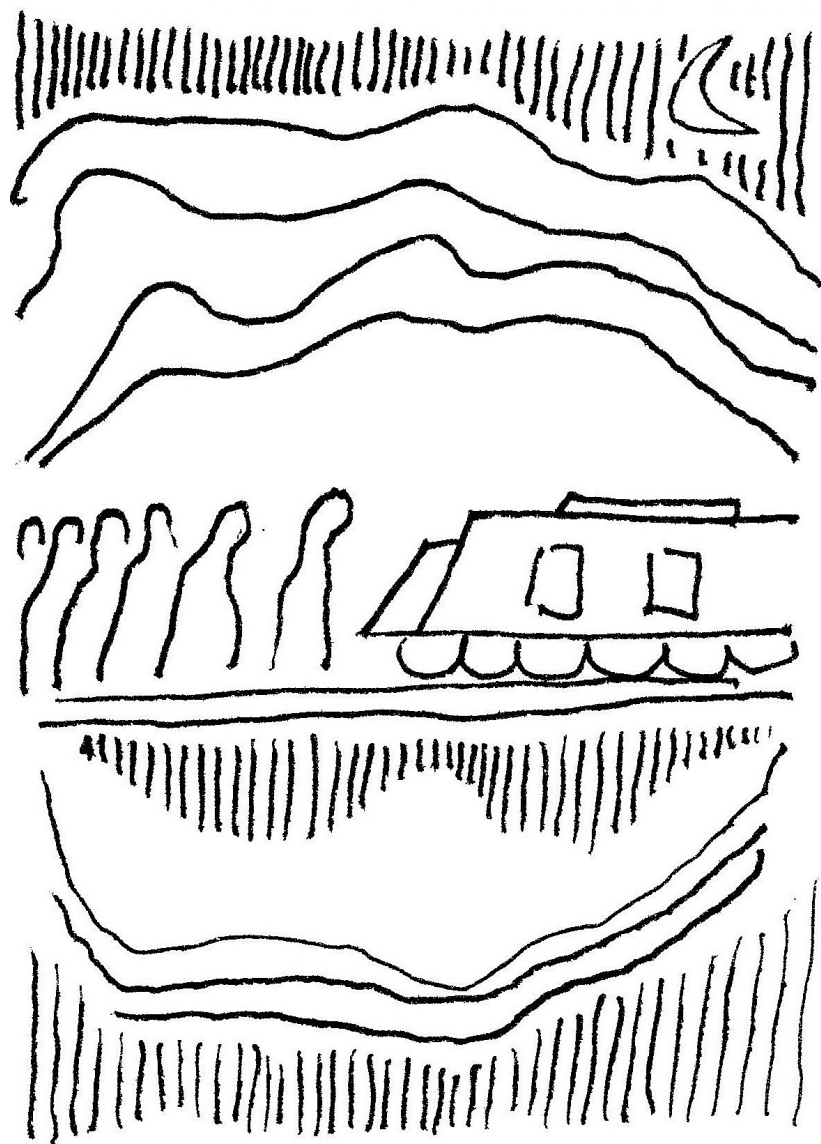
Приход к отшельничеству

дин отшельник так описал свой приход к отшельничеству, и сам удивляясь тому, что с ним когда-то произошло:

«Когда я узрел светящийся мост, ведущий в райские кущи моего существования, я увидел точно такой же мост над Волгой. Пошёл по нему, попал в Жигули и был принят в светлое братство отшельников».

Соборная молитва

днажды, сказывают, глубоко под землёй, отшельники соборную молитву творили. О спасении всего мира та молитва была. И вдруг из тёмного каменного рукава, поблёскивая заклёпками, выезжает прямо на них эсеровский броневик...

– Расступитесь, дамы и господа, не мешайте продвижению боевой техники на фронтовую линию! – кричит из кабины молодой, с чёрными усиками, офицер.

Отшельники не обращают на него внимания, офицер ещё громче на них кричит. И, наконец, объявляет:

– Броневи́к трогае́тся с места. Пеняйте, граждане, на себя...

Молящихся отшельников было, считай, дюжины три. Броневи́к проехал сквозь самую их гущу, не причинив вреда никому. Было такое впечатление, что броневи́к проехал сквозь белые дымы, заставшие Дворцовую площадь революционного Петрограда.

После этого боевая техника скрылась в противоположной стене. И долго ещё в камне, в сплошном и твёрдом камне звучали указы офицера о том, куда направлять броневи́к...

А молитва о спасении всего мира, которую отшельники под землёю творили, ещё долго, сказывают, звучала. Видать, острая надобность в такой молитве была!

Праздник Чаши

Праздновали отшельники раз в году праздник Чаши.

Один из них вырезал из липы широкую, богато украшенную узорами чашу, другой наливал в неё пенистый мёд, а третий разносил эту чашу по кругу собравшихся на праздник мирян. И все три отшельника были в тот день любимы мирянами, все трое в их глазах были равны.

Путь Молчания

(из письма отшельника)

«**М**ои письма к тебе становятся всё короче. И ты, умеющий радоваться успехам другого, надеюсь, меня поймёшь. Тебе известен тот Путь Молчания, которым я иду. Он самый, пожалуй, трудный, но он – мой.

Идя по этому пути, всё реже прибегаю к слову. Всё чаще прихожу к Молчанию, способному говорить. И однажды, мой друг, ты получишь от меня лишь чистый лист бумаги...

Вникни сердцем в этот вопрос, чтобы понять его правильно!

Писано в лето градобойное, в месяц зарев, под скалою, усеянной гнёздами пещер, в Жигулях».

Шахматы Бога

 дин любитель старины бронзовые фигурки, которыми в прежние времена столы и комоды украшали, собирал.

Какими только путями он эти фигурки ни добывал: то покупал за деньги, то обменивал на домашнюю утварь, то просто на свалке, среди всякого мусора находил.

Явился однажды к любителю старины отшельник, увидел фигурки и воскликнул:

— Ба, да это шахматы! Вот конь, вот пешка, вот слон, а вот и король с королевой...

Принёс откуда-то шахматную доску, расставил фигурки и стал играть. А когда закончил игру, вывел любителя старины на крышу дома, откуда вся Самара, поделённая на клетки кварталов, была видна, и сообщил:

— А вот, прямо перед тобой, шахматы, в которые играет сам Бог!..

После этого любитель старины получил озарение и ушёл в Жигули. А бронзовые фигурки, которые он всю свою жизнь собирал, его наследники сдали в антикварный магазин за полной ненужностью.

В той же самой ступе

дна жигулёвская ведьма пришла взглянуть на отшельников. И так ей у этих отшельников понравилось, что она поселилась неподалёку от них, в пещере, и стала совсем по-другому жить... Очеловечилась, как говорится!

Навестили её как-то миряне и вдруг заохали в кулаки. Ещё бы, ведь в дальнем углу пещеры ступу и помело увидали! Кто же при виде страшной колдовской утвари не заохает в кулаки?

— А мы-то думали, что ты очеловечилась, — упрекнули бывшую ведьму миряне.

— Так оно и есть, — ответила ведьма, глядя, словно младенца, свою ступу. — Я именно очеловечилась! Ведь прежде я летала в ад, в подземелье, а теперь летаю выше облаков, в зелёные предрайские кущи... И всё — в той же самой ступе!

Первая степень просветления

днажды мужик — самый что ни есть обыкновенный, только немного тучноватый — по небу бежал. С облака на облако перепрыгивая, бежал. Волосы мужика были всклокочены, мокрая от пота рубаха прилипла к спине. Мужик явно за кем-то гнался.

В это время один жигулёвский отшельник, сидя на вершине Стрельной горы, беседовал с учениками. Увидев бегущего по небу мужика, отшельник прервал беседу и крикнул:

– Эй, мужик, не нужна ли тебе помощь?

– Чем ты мне можешь помочь, – удивился тот, – ведь я ищу жигулёвских отшельников!

И, не дожидаясь ответа, мужик прыгнул на очередное облако и побежал дальше. Вскоре он и совсем исчез с глаз.

– Вы наблюдали первую степень просветления, – сообщил отшельник своим ученикам, видя в их глазах недоумение. – Человек впервые попадает на небо, где гоняется за призраками, созданными им же самим. Пыжится, старается изо всех сил, пока, наконец, не раскусит эту уловку.

Учение Радости

(из книги одного отшельника)

«**Н**е может отшельник грустить, по крайней мере, долго, с тяжёлой душой на сердце, как это водится у людей. Ибо отшельник нашёл свой, неповторимый путь к океану радости, соединив личное со вселенским, и купается в его водах, когда захочет.

И радость отшельника, если хорошенько к ней приглядеться, не похожа на радость людей. Она не зависит от хрупких внешних условий, а живёт в нём послом вечности, имеющим безграничные полномочия.

Радость отшельника чиста, как ручей, и всеобъемлюща, как небо над головою. Источником её могут служить и пылинка, и звезда. Учение отшельников, если таковое существует, можно по праву назвать Учением Радости».

Альпийская астра

Посетил одного отшельника мирянин-цветовод. Он жил в Самаре, в благоухающем на целый квартал цветочном раю, созданном его сердцем и руками.

Шибко понравился тому цветоводу отшельник. Мысли отшельника, полные благородства и красоты, были близки и его мыслям. Но цветы, выращенные цветоводом, в своём яром стремлении к солнцу требовали ежедневной поливки. И цветовод, в конце концов, вынужден был покинуть отшельника...

— Не печалься, — сказал ему тот на прощанье: — два любящих сердца бьются, как одно. Завтра же утром, обходя свой сад, внимательно его осмотри!

Утром, обходя свой сад, цветовод обнаружил в одной из клумб альпийскую астру. Нежный светло-сиреневый цветок, который он никогда не сажал в своём саду, но который в изобилии рос возле пещеры отшельника!

Луковки и семена

Посетил годом раньше того же отшельника другой цветовод. И так радостно ему у отшельника дышалось, так думалось легко, что решил цветовод остаться у отшельника.

— А кто же будет поливать твои цветы? — спросил, выслушав его просьбу, отшельник. — Они же погибнут без тебя!

С сердцем, истекающим кровью, вернулся цветовод домой. А осенью, когда цветы его сада, прожив свою недолгую жизнь, увяли, собрал луковки и семена и ушёл навсегда к отшельнику.

От этих луковок и семян и произошли те альпийские астры, что росли возле пещеры отшельника.

ВОЛШЕБНЫЕ ОЧКИ

Очерк о Жигулях

ВОЛШЕБНЫЕ ОЧКИ

Верю в простую, на первый взгляд, истину, помогающую человеку вполне исправно жить. Увидеть Жигули сквозь волшебные очки – всё равно, что увидеть само будущее. В котором Боги, переставляя с места на место радуги, как фонари, летают над земными просторами.

* * *

Ни в одном коммерческом магазине не купить волшебных очков. Они лежат на складе, требующем в наши дни капитального ремонта, и потому закрытом. Там волшебных очков можно взять, сколько вместят твои карманы, причём, совершенно бесплатно.

Адрес этого склада таков: грудная клетка человека, её левая сторона, *сердце...*

* * *

Людей, которые пользуются волшебными очками, становится всё больше. Такие люди глядят на небо, как на строительный чертёж. Подобно ваятелям Древней Греции и Рима, они провидят в облаках, летящих мимо, прекрасные скульптуры...

«Чу, чу, чу, — запела в этом месте летевшая мимо перепёлка. — Ты, кажется, собирался говорить о Жигулях, так в чём же дело?»

Я рассмеялся и, надев волшебные очки, поглядел на перепёлку. И что же, вы думаете, я увидел? Седовласого отшельника в белых одеждах, звавшего меня в Жигули!

«Сказка, да и только», — подумал я и пошёл следом за отшельником...

До сих пор не жалею, что пошёл.

* * *

Сколько дорог пришлось пройти, собирая материал для этой книги, могут сообщить мои ботинки, купленные для странствий по горам.

С толстыми подошвами из каучука, наполовину истёртыми в наши дни!

Много материала было собрано в Жигулях и тщательно изучено в зимнюю пору, под шум метели за окном. Но почему-то всё кажется, что изучение Жигулей не завершено. Что-то вроде джина в бутылке, так и не выпущенного на свободу...

Загадочные Жигули.

* * *

В Жигулях, как ни в одном другом месте, можно почувствовать дух истории. Отложения пород юрских морей, выведенные в этих местах на поверхность, могут отбросить тебя в такие далёкие времена, когда Жигули были лишь островком в океане. И древние атланты, умевшие строить воздушные корабли, возможно, не раз его посещали.

Кончим шуткой, помогающей человеку лучше увидеть Жигули. В каком из слоёв горных пород Жигулей можно отыскать окаменевшие головёшки: останки костра атлантов, сделавших здесь когда-то свой привал?

* * *

Так и хочется изобразить Жигуля, Покровителя Жигулёвских гор, в виде антропоморфного существа в белых языческих одеждах. Но я не сделаю этого потому, что лично никогда его не видел. Помощь же от Жигуля получал неоднократно, и вибрации, которые он посылает в этот мир, могу отличить от любых других вибраций. Такие они самобытные.

* * *

«Однажды, рассказывают, мужик – самый обыкновенный, только немного тучноватый – по небу бежал. С облака на облако перепрыгивая, бежал. Волосы у мужика были всклокочены, мокрая от пота рубаха прилипла к спине...»

Так или примерно так начинается не одна жигулёвская история. Объяснение тому найти не трудно. Небо в Жигулях, по причине гористой местности, немного ближе к земле...

* * *

Стоя на вершине Сырт-горы*, наблюдая окрестные холмы, поросшие местами редким, а потому прозрачным лесом, вдруг ясно ощутил, как под землёй что-то застучало...

Тук... (большое и тяжёлое!)

Тук-тук... (знакомое и родное!)

Тук-тук-тук... (не Сердце ли Жигулей?)

** Находится в центральной части Жигулей*

* * *

Верность историческому факту многих преданий и легенд весьма условна. Стебель пшеницы не похож на зерно, его породившее. Также и факты истории, пропущенные сквозь призму народной души, хранят её мечты о лучшем будущем.

Нередко и предание, и легенда являют собой лишь слепок с народной души, на который тонким, но весьма выразительным почерком нанесён иероглиф истории.

* * *

Живя одно лето в селе Подгоры, я часто бывал у подножья горы Манчиха. Именно там меня и осенила одна мысль. Подобно учёному-археологу, создающему образ древности, опираясь на археологическую деталь, решил я заняться раскопками. И, пользуясь лопатой и киркой, проверить подлинность легенды об атаманше Манчихе.

Вырыв глубокую яму у подошвы горы, я не только накачал себе мышцы, но и пришёл к выводу о том, что Волга под Манчихой-горой никогда не текла. Да и у самой горы такие пологие склоны, что глаза просто отказываются представить себе, как, окружённая царским войском, «посланным полонить храбрую атаманшу», прыгнула Манчиха в Волгу-реку...

Но сама легенда хороша. Честь и хвала человеку, её сочинившему!

Сей безымянный муж, какого бы ремесла он ни держался, был, несомненно, поэтом. А тот во всём сродни садовнику: наполняет яблоками человеческих сердец скудный базар жизни.

* * *

Известная легенда о жигулёвской атаманше Манчихе не такая уж и простая, как может на первый взгляд показаться. В детстве атаманшу звали Маней, а деда, её воспитавшего, – Чихой. Маня + Чиха = Манчиха, и мы имеем символ, сулящий раскрыть не одну тайну человеку.

* * *

Символический язык русских народных сказок позволяет не навязывать человеку, ещё не созревшему умом, строгих научных представлений. Пускай, мол, забавляется, в своём космическом младенчестве, весёлыми проделками Емели-дурака из сказки «По щучьему велению, по моему хотению»! Когда же подрастёт, и сам увидит проблему телекинеза, скрытую за сказочным антуражем. А увидев, захочет эту проблему решить...

Непременно захочет!

* * *

Горы, похожие на людей и животных, отличные от своих соседок высотой, составом почвы, наличием родников, растительностью и так далее, народ награждает легендами.

Легенда – ключ, посредством которого можно попасть в тридесятое царство энергий, получить, при правильном обращении, реальную помощь от горы...

Аптека легенд Жигулей – вовсе не легендарная аптека!

* * *

Читая русские народные сказки, проникая по мере чтения в их глубину, невольно задаёшься вопросом: а кто же эти сказки сочинил?

Сам ли Бог, счастливый небожитель, зажигающий по вечерам звёзды над Жигулями, или неграмотный мужик, от которого поле да корова – две его кровных сестры – требуют неустанной заботы?

И подумав хорошенько, отвечаешь: и Тот, и другой!

* * *

Словно герой, описанный в сказке «Аленький цветочек», писатель ищет *звукоцвет*, о котором и сказать-то, на нашем земном несовершенном языке, мало что можно. Чувства не умещаются в слова, слова не умещаются в книгу, написанную умелым человеком!

Но если ты – поэт, и двери в другие миры тебе открыты, ты поймёшь меня и без слов. И встретив этот самый звукоцвет в стихотворении либо в прозаическом отрывке, ему улыбнёшься.

* * *

Лапти – они и есть лапти: о чём тут, казалось бы, долго балакать?

Только для одного лапти означают барщину, ветхий бабушкин сундук да вечную русскую отсталость;

для другого лапти означают русскую смекалку, высокое искусство да сыновью любовь на века;

а для третьего существуют не лапти, а сапоги.

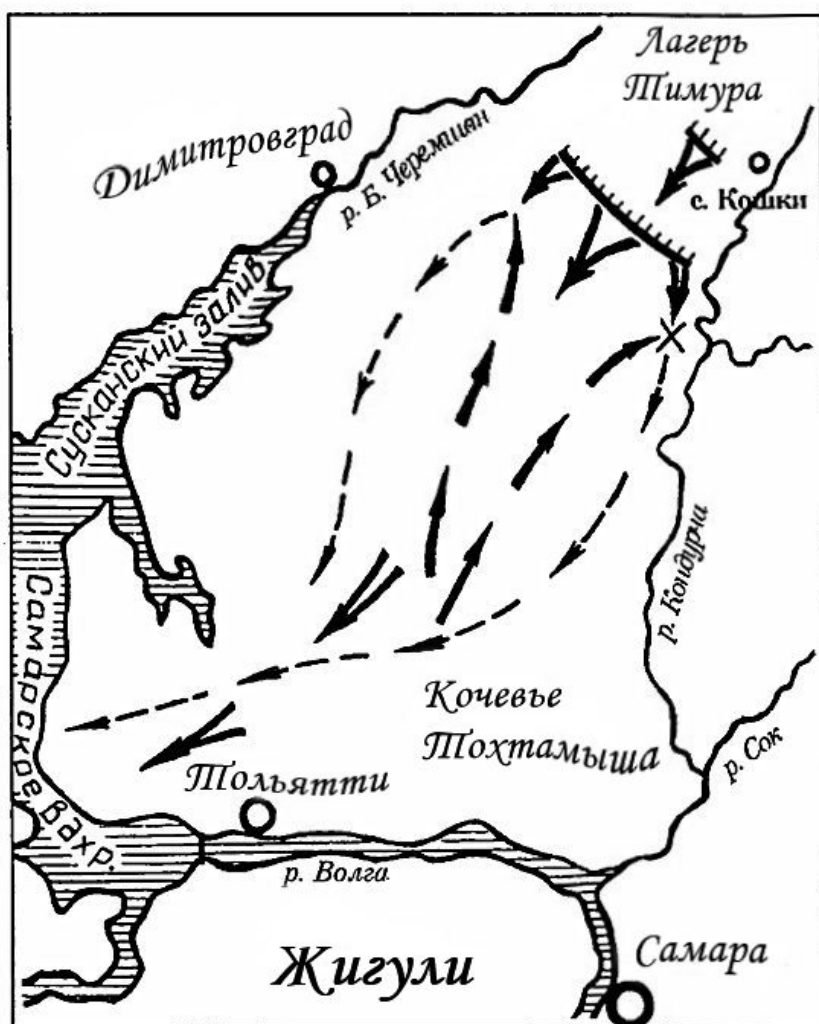

* * *

Два свойства, присущих устному народному творчеству, необходимо иметь в виду, когда имеешь с ним дело. Это чистота творческих замыслов и самоотмирание неудавшихся форм.

Первое свойство, под которым подразумевается отсутствие у сочинителя стремления к славе и деньгам, превращает творческий акт в молитву. Второе свойство работает, как очистные сооружения на заводах. В результате все вялые, мертворождённые вещи, если такие и появляются на свет, дальше избы сочинителя не идут. Метод их передачи – устный пересказ – самым естественным образом не позволяет выжить тому, что не трогает душу, не волнует.

Оба указанных свойства работают, как правая и левая рука. Итогом их деятельности является высокое качество произведений устного народного творчества.

* * *

Дело освобождения Руси от монголо-татарского ига, начатое в 1380 году на Куликовом поле, счастливо закончилось в Жигулях.

В 1391 году Тамерлан, грозный завоеватель Азии, напал своим войском на хана Тохтамыша, предводителя Золотой Орды. Именно Тохтамыш, избранный вскоре после поражения монголо-татар на Куликовом поле, пошёл походом на Русь, завоевал её снова и сжёг до основания Москву.

Как казалось современникам этих событий, всё возвратилось на «круги своя», но помог Тамерлан. Хан Тохтамыш, разбитый им в районе Самарской Луки, так и не смог больше оправиться, и набеги монголо-татар на Русь для «взимания дани и водворения должного порядка» с тех пор прекратились.

Битва Тамерлана с Тохтамышем была жестокой. В память о ней даже речку, на берегах которой эта битва произошла, стали называть Кондурчой, что в переводе с тюркского языка означает «кровавый топот».

* * *

Древнее название Жигулей – Девьи горы – попробуем осмыслить как Дэвы горы.

Дэвы, фигурирующие в мифологии всех народов мира, есть духи стихий. В «Слове о полку Игореве» упоминается один такой дэв, сидящий на дереве. Почему бы этим полусознательным существам, действительно существующим в природе, не поселиться было в доисторические времена в Жигулях?

Возьмём представителей животного мира, склонных чутьём выбирать места, удобные для своего проживания. Надо полагать, и дэвы, пришедшие когда-то в Жигули, нашли в них место, богатое энергетической пищей и защищённое от врагов.

* * *

Хотите увидеть дэвов самарского края, и поныне обитающих вокруг нас? Тогда познакомьтесь с работами самарского художника Валентина Пурыгина. Творческому зрению этого художника открыты те слои параллельного нам мира, в которых эти дэвы живут.

Лешие и русалки Валентина Пурыгина – весьма экзотические существа, способные как помочь человеку, так и обидеть его, смотря по тому, кто он таков и как при встрече с ними себя поведёт. Древний человек был весьма близок по своему развитию к дэва-эволюции, и языческая религия помогала ему выработать правильную этику поведения при контакте с подобными существами.

* * *

Во времена экологической катастрофы и сдвига народного сознания в сторону решения сугубо материальных проблем приходится быть особенно внимательным к проблемам, связанным с природой. И помнить слова русского мыслителя Александра Клизовского о том, что «астральный и огненный миры* населены духами стихии, которые в плане эволюции исполняют сложную и большую работу в соответствующих стихиях природы. Все эти гномы, силфы, ундины и саламандры, которые жили в сознании людей как русалки, феи, домовые, лесовые и водяные, были когда-то друзьями человека и жили

вблизи него. В настоящее время благодаря не-признанию их, благодаря насмешкам и издевательствам над ними, они удалились от человека и стали если не врагами его, то безразличными к нему. Отдалив их от себя, человек причинил вред и себе, и им. Себе – тем, что лишился их помощи, им – тем, что задержал их эволюцию, ибо, живя вблизи человека, они ускоряли свою эволюцию, так как следующий этап их развития есть человеческое состояние».

** Параллельные миры, иначе – чувственный и мыслительный.*

* * *

Нота, на которую звучат Жигули, а с ними и весь Самарский край, носит героический характер.

Именно в этих местах разбил непобедимое войско Тохтамыша хан Тамерлан, завершив тем самым освобождение Руси от монголо-татарского ига. Именно здесь мужал атаман волжской вольницы Ермак, будущий покоритель Сибири. Именно в этих местах горела по

ночам керосиновая лампа, при свете которой писал свои первые рассказы Максим Горький, основоположник героического романтизма в литературе. Именно здесь, на Самарской земле, где баржи при встрече разговаривают долгими гудками, начинал свой путь Владимир Ульянов...

Жигули для России – орлиное гнездо, в котором выросли и возмужали многие деятели российской истории.

* * *

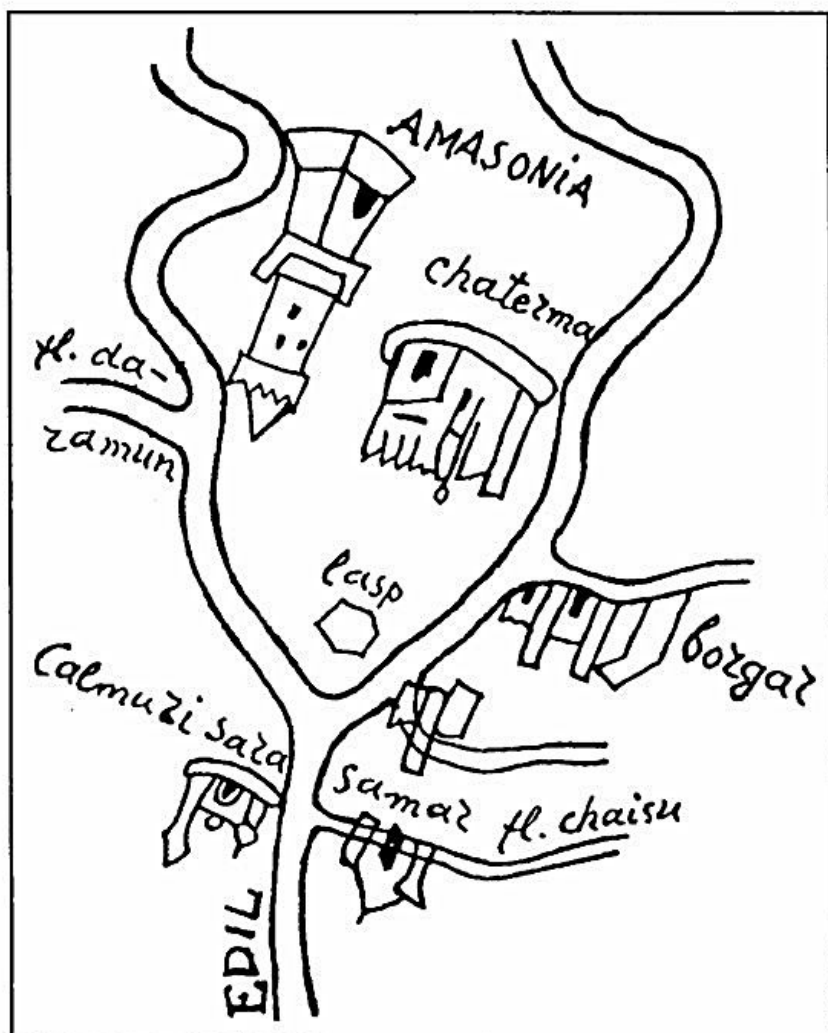
Древнее предание утверждает, что великан, пришедший от северных морей, решил померить свою силу. Для этого он приподнял Самарскую Луку как огромную каменную глыбу.

После этого случая в Летописи героизма Самарской земли появилась первая запись. Великан, пришедший на Самарскую землю, своим поступком благословил её на трудный, но славный путь героизма.

Героика, присущая Жигулям, захватывает в орбиту своих действий не только мужчин, но и женщин. Девьи горы (древнее название Жигулей), атаманша Манчиха, богатырша Борислава... Ни в одном другом месте обширного русского государства нет такого изобилия женских фольклорных персонажей, да ещё с ярко выраженным героическим характером, как в Жигулях.

Спросим себя, не имея возражений и против других убедительных версий: откуда родом Настасья Никулична, славная богатырша русских народных былин?

* * *

«Слово «Амазония» – древнее название Жигулей – зелёного цвета. И по нему как клубника, растущая на скатах жигулёвских гор, мелькают красные пятна. Именно так явление дев-амазонок, некогда обитавших в наших краях, запечатлелось в народной памяти», – прочёл я в одной самарской газете.

Впоследствии мне попалась на глаза карта, составленная итальянским космографом Фра-Мауро, посетившим в XV веке Жигули. На этой карте изгиб реки Волги, именуемый сегодня Самарской Лукой, назван «Амазонией». Так, очевидно, итальянский путешественник понял и перевёл «Девьи горы» – древнее название Жигулей!

И такая версия о названии нашего края имеет право на существование.

* * *

Волжский фольклор относит историю, связанную с волжским атаманом Степаном Разиным и персидской княжной, к Жигулям.

Символ тихой и размеренной жизни, которую народ зовёт мещанской, пошёл в этом месте ко дну, образовав среди водорослей и камней город Мирный.

Согласно волжскому фольклору, город Мирный просуществовал недолго и представлял собой омут, русалочий приют. Именно такое место описал Николай Гоголь в повести «Майская ночь или утопленница».

* * *

Сравнение преданий о двух волжских атаманах – Степане Разине и Ермаке – приводит к неожиданным результатам.

Предания о Степане Разине нередко отводят ему роль колдуна, заклятий которого бежит вражеская пуля. Предания о Ермаке совсем другие. В одном из них, например, Ермак предстаёт учёным мужем, который изобрёл порох и передал своё изобретение на службу царю и Отечеству.

* * *

Во времена, не столь от нас отдалённые, освобождённые от административных пут указами перестройки, в Самаре объявилась группа активистов. Ею были получены деньги, найден подходящий скульптор, приобретена внушительных размеров гранитная глыба. Эта группа решила увековечить славу знаменитого волжского атамана Степана Разина, установив ему в Жигулях, на вершине Стрельной горы, памятник.

Началась бурная работа. Но в ходе неё куда-то делся скульптор, что-то случилось с гранитной глыбой, наконец, в разгар инфляции, и сами деньги иссякли. В настоящее время положение дел таково, что установка памятника Степану Разину в Жигулях находится на стадии обсуждения.

* * *

В окрестности села Ермаково, названного так в честь знаменитого волжского атамана, покорителя Сибири Ермака, имеется овраг. В любое время года, включая и лютые холода, в

овраге можно увидеть цветок, потому что цветок этот – каменный.

Два скульптора, чьи имена известны каждому человеку, трудились над созданием этого цветка. Это Ветер и Дождь. Камень выбрали не простой, а нежно-розового цвета, который редко встречается в Жигулях. В результате цветок раскрылся, протянул к небу свои лепестки и кажется, что растёт...

Правда это или вымысел, что каменный цветок растёт, покажет время.

* * *

Полюбив Волгу-матушку со всеми её городами, похожими на ярко раскрашенные пасхальные калачи, певец и композитор Борис Гребенщиков посвятил ей немало своих песен.

Пропустив эту могучую водную артерию через своё сердце, отфильтровав второстепенные её черты, Гребенщиков обнаружил в Волге буддийское, объединяющее людей начало.

В волжских песнях композитора тема Самары, всего Самарского края звучит особенно ярко...

Привет Гребенщикову.

* * *

В годы Великой Отечественной войны многие заводы и фабрики Москвы были эвакуированы в Самару.

Можно задать себе вопрос: почему именно в Самару? Почему не в другие города нашей страны, расположенные восточнее и куда более недоступные хотя бы для вражеской авиации?

Весь состав Советского правительства, все иностранные посольства, вузы, театры, средства печати и массовой информации, являвшие собой духовную и политическую мощь нашей страны, в годы войны были эвакуированы в Самару.

* * *

Дух Жигулей, яркий и героический, в переломные моменты русской истории всегда был с народом. Он видимо и невидимо присутствовал среди людей, на плечи которых ложилась основная тяжесть перестройки.

Мы уже говорили о Максиме Горьком и Владимире Ульянове, которые прежде, чем сыграть

свою историческую роль, жили на Самарской земле. Следует отметить и Александра Ширяевца, уроженца села Ширяево, расположенного в Жигулях. Примыкая к поэтам-имажинистам, Ширяевец играл заметную роль в поэтической жизни России в начале XX века.

«С красным звоном, дорогой баюн Жигулей и Волги. Цвети крепче», – писал Ширяевцу в одном из своих писем Сергей Есенин.

Сегодня мало кто знает, что стихотворение Есенина «Мы теперь уходим понемногу...» в первой своей публикации в журнале «Красная новь» называлось «Памяти Ширяевца» и было посвящено кончине близкого друга.

* * *

О действительном статском советнике Петре Владимировиче Алабине, возглавлявшем во второй половине XIX века Самарскую городскую думу, следует сказать особо. При нём героическая летопись самарской земли впервые обогатилась международной страницей.

Алабин был послом самарской земли в Болгарии, охваченной в то время национально-

освободительной войной. Именно он привёз в Болгарию знамя, вышитое самарскими умелицами, был первым губернатором освобождённой от турок столицы. Болгарский народ свято хранит память о Петре Алабине, назвав в его честь одну из центральных улиц Софии.

Трудно переоценить и те «мирные» подвиги, которые Алабин совершил, пребывая в должности городского главы. Отметим только, что открытие в Самаре публичной библиотеки, историко-краеведческого музея, строительство каменного здания драматического театра, телефонной станции и проведение первой линии водопровода связано с его именем.

В генеральских рядах, преданно служивших царской России, были и генерал-лейтенанты, и генерал-майоры, и генерал-полковники. Но Алабин в этих рядах был ещё и генерал-писателем. Книги по истории Самарской земли, им написанные, и поныне являются образцом данного жанра и питают умы многих энтузиастов краеведения.

* * *

Только издалека может показаться, что каждая жигулёвская гора ошетибилась лесом и загородила дорогу валуном. А подойдёшь ближе, скользнёшь взглядом по её скату и удивишься. Ба, да это же лестница, ведущая в заоблачный дворец! И подумаешь ненароком: «Дай-ка, и я поднимусь. Может быть, и мне что-нибудь из заоблачных сокровищ перепадёт?»

Недаром горы так любимы отшельниками, этими пастухами птиц и поджидателями прихода Христова. Должного случиться, как в том уверяет нас Библия, от края до края небес.

* * *

Именно отшельники, а не пустыnnики, как христиане с древних времён их зовут...

Раз, два, три – вижу внутренним взором века минувшие и многие народы, жившие в Жигулях.

Раз, два, три – вижу разные веры этих народов, каждая из которых отвечала своему времени и была по-своему хороша.

Раз, два, три – вижу века грядущие, вобравшие в себя лучшие достижения минувших веков...

И сердце, стучащее в унисон со временем, расширяет, а не суживает.

* * *

Преподобный Феодосий Печерский, родоначальник монашества на Руси, в своей книге «Поучение о терпении и милостыни» сравнивает монаха с воином. И сравнение его не случайно.

Слова и выражения, взятые из военного словаря, встречаются не только в Ветхом Завете, но и в Новом. «Царство Небесное силой берётся, и употребляющие силу захватывают его»...

Отшельник, с какой стороны на него ни посмотри, есть воин. И героическая нота, на которую звучат Жигули, с появлением в них отшельников не только не смолкает, но начинает звучать ещё сильнее. Лишь переходит, выражаясь языком музыки, в более высокую октаву.

* * *

К Жигулёвским горам, как яркая их характеристика, пристал эпитет «седые». Пристал не только лирически, но и научно, и вот почему.

В скальных обнажениях Жигулёвских гор можно увидеть породы, залегающие в других местах на глубине более чем 900 метров. Это, в частности, известняки и доломиты, принадлежащие к Палеозойской эре, возраст которых насчитывает сотни миллионов лет. Отсюда и ощущение глубокой древности, «седины» Жигулёвских гор, хорошо известное всем, кто их посещает.

* * *

В дополнение ко всему, уже сказанному, Жигулёвские горы растут.

Учёные подсчитали и скорость этого роста – один метр за столетие. Это довольно большая, по всем геологическим меркам, скорость.

На поверхность земли выходят всё новые породы, помогая учёным ещё больше узнать об эволюции нашей планеты, а поэтам – обрести новый источник вдохновения.

Город, наблюдаемый в небе над Жигулями, сверкающий куполами своих церквей и прорастающий в синеву башнями своих колоколен, скептически настроенные люди склонны считать миражом. Но о каком мираже может идти речь, когда на сотни и даже на тысячи километров города, который служил бы прототипом небесному городу, не существует?

Согласно эзотерической литературе, рисующей наиболее полную картину жизни, окружающей человека, город, сотворённый из тонкой материи, действительно существует над Жигулями.

Я называю этот город Ладоградом, поскольку он служит для меня образцом красоты и источником вдохновения. Но другие люди, руководствуясь иными соображениями, назовут его иначе. Многообразие подходов приветствуется, как основа для будущего названия этого города, угодного большинству.

Верю, что время, запрограммированное на раскрытие в человеке духовной мощи и красоты, напишет имя этого города светящимися буквами в небе.

* * *

Небесные города, расположенные над крупными культурными центрами, известны с древнейших времён. Факты, связанные с их существованием, нашли своё отражение как в духовной, так и в светской литературе.

Из Библии, например, известно о существовании над земным городом Иерусалимом Небесного Иерусалима. В книге Сен Жермена «Курс алхимии» упоминается Небесный Пекин. А в книге «Роза Мира», написанной русским мистиком Даниилом Андреевым, подробно описывается Небесная Москва.

Уверен, что со временем факт существования небесных городов прочно войдёт в сознание человека и найдёт практическое применение в его жизни.

* * *

Факты, собранные учёными, говорят о том, что город, существующий в небе над Жигулями, не упоминается в волжском фольклоре ранее XIX века. Объяснение этому явлению также можно найти в эзотерической литературе.

Оказывается, небесные города наблюдаются не над всеми городами, а лишь над крупными культурными центрами. Можно привести в качестве примера нимб – свечение, наблюдаемое над головой просветлённого человека. Когда-то этого нимба не существовало. Свечение возникло благодаря многочисленным трудам, постам и молитвам, совершённым этим человеком.

* * *

Середина XIX века – важная веха в жизни Самарской земли, когда жигулёвская вольница, вытесненная сильным развитием пароходства на Волге, перестаёт, наконец, существовать. Жигули навсегда порывают со своим тёмным, разбойничьим прошлым.

В это же самое время Самаре присваивается статус губернского города.

Образование в связи с этим Самарской православной епархии приводит к бурному строительству по всему краю культовых сооружений. Так, большинство церквей и соборов в Самаре, Иверский женский и Никольский мужской монастыри, Ильинская церковь в селе Подгоры и многие другие сельские церкви были построены именно в это время.

Уже к началу XX века Самара из небольшого уездного города, каким она пребывала почти три столетия, превращается в крупный губернский город и начинает играть заметную роль в культурной жизни России.

* * *

Как правило, небесные города не видны глазу человека. Лишь ясновидящие, с присущим им тонким зрением, могут их наблюдать. Но город, существующий над Жигулями, бывает виден и простым физическим глазом. Причина тому заключается в сильной магнитной аномалии, которую являют собой Жигули. В нашем коротком очерке едва ли уместно вдаваться в подробности этого явления. Пусть им, как и положено, занимается наука. Отметим только одну особенность, присущую Жигулям.

Обычно небесные города располагаются строго над их прототипами – городами земными. Прототипом Ладограда, как мы уже говорили, является город Самара. И смещение Ладограда в сторону Жигулей можно также объяснить их сильной магнитной аномалией.

* * *

Существование на территории Самарской Луки болгарского города, до основания разрушенного в XII веке войском хана Батыея, даёт себя знать и в наши дни.

Спросим себя, желая проникнуть в глубину, почему руководство Самарской губернии так бурно, в отличие от других российских губерний, отреагировало на события Болгарской национально-освободительной войны? Почему спустя столетие, уже в Советской России, городом-побратимом Самары стал город Стара Загора, расположенный в Болгарии?

Как известно, болгары, обитавшие тысячелетие тому назад в Жигулях, имеют общие исторические корни с болгарями, образовавшими на Балканах своё государство. Различие заключается лишь в религии. Балканская ветвь этого народа приняла христианскую веру, а волжская — мусульманскую.

* * *

В сказке о Кощее Бессмертном его сердце хранится за тридевять земель от него самого, надёжно сокрытое. Так и небесный город Ладоград – тонкоматериальная копия города Самары, если угодно, его сердце – хранится в Жигулях.

Есть у Ладограда, помимо стражи небесной, и стража земная, уполномоченная как охранять этот город, так и указывать пути, ведущие к нему. Это отшельники.

* * *

Согласно эзотерической литературе, Ладоград, расположенный в небе над Жигулями, играет важную роль в культурной жизни всей Самарской земли.

Являясь хранителем этнической, аграрной, исторической, промышленной и многих других видов информации, записанной на тонком энергетическом носителе, Ладоград способен выдавать её всем, кто в ней нуждается и кто находится с этим городом в сонастрое. Так, на-

пример, энтузиасты краеведения нередко совершают свой труд, пользуясь поддержкой Ладограда.

* * *

Вот что, на языке символов, сказано о Ладограде, о его будущем и о будущем всех Жигулей:

«Утвердившим Ладоград, небесный город над Жигулями, слава ныне и присно, и во веки веков.

Из гор повылазили гномы – дивуются им.

Из озёр повсплывали русалки – дивуются им.

Из лесов повыскакивали лешие – тоже им дивуются.

Сегодня у теней воинов Стеньки Разина, что дозором обходят Жигули, наконечники стрел яркими огнями зажглись.

Тень великого Тамерлана, ежегодно навещавшая пастбище Кырк-Куле, распалась на три части. Одна отошла Синей орде, другая – Золотой, третья навеки поселилась в Жигулях.

Сходятся со всех сторон тонкие отшельники. Скоро проявятся, станут в пещерах селиться.

Неспокойно ныне в Жигулях. Новое солнце жжёт головы дуплистым деревьям, и они плачут по ночам, тоскуя по топору.

Сёла теряют своих подданных. Они уходят, разглядев свою новую судьбу, следом за ней.

Один берег у Волги каменный, другой – песчаный. Сила, не уразумевшая сути, склоняет её вспомнить прежние русла.

Отныне миллионы глаз прикованы к небу, и золото, зарытое под Жигулями, напрасным пламенем горит».

Энергетическая основа мысли известна давно. Мысль – та же энергия, только тонкая. И если энергия мысли, как и энергия вещества, подчинена закону сохранения, приходим к важному заключению. Мысли, рождённые человеком, сохраняются в пространстве!

Желая добиться лучших результатов, мыслители прошлого носили длинные волосы, игравшие роль психофизических антенн. Но главное отличие мыслителей заключается не в

этом, а в умении сосредоточиться на вопросе, который следует решить, с предельным вниманием.

Когда такое сосредоточие произошло, мозг человека становится приёмником мыслей. Энергия вопроса входит в резонанс с похожими энергиями, которые пространство хранит. И мысли начинают скакать в сознании человека, как белки в сосновом лесу.

Когда-нибудь человечество освоит пространственный резонанс, получит доступ в *Акашу* – хранилище знаний не только Земли, но и других планетных образований, и память на основе кремниевых структур, которой человечество пользуется сегодня, отступит на второй план.

Закончим наши рассуждения такими словами:

«Все лучшие мысли людей Самарского края летят в Ладоград, как птицы летят в свои гнёздовья, и там остаются».

* * *

Один мой приятель, впервые надев волшебные очки, посмотрел на людей, вечно куда-то спешащих, и воскликнул:

— Ба, да это деревья! Только ветки у них тянутся не вверх, а вниз, под тяжестью сумок. И деревья явно осенние: почти не видать зелёной листвы!

Тут бы и улыбнуться, и попрощаться с приятелем, и забыть про передвижной, вечно куда-то спешащий лес. Но мой приятель, усадив меня на скамейку в городском саду, ещё долго делился своими открытиями.

Прошло немного времени, и мой приятель устроился работать в школу, называя её про себя «ботаническим садом».

* * *

Другой мой приятель, проживающий в Петербурге, художник. Надев однажды волшебные очки, он увидел свой город глазами Богов, ни с чем на свете не сравнимыми.

Мой приятель увидел коммуну, созданную Петром Великим, в её историческом развитии. Коммуну, в которую вселялись не отдельные люди, а целые поколения...

Вдохновлённый увиденным, мой приятель взялся за кисти и проработал до самого утра. Картина, написанная им, явно удалась. Даже название у неё необычное – «Театр, из которого ушли люди»...

Настоятельно рекомендую эту картину посмотреть.

* * *

Осенью, когда ветер свистит в голых деревьях, бабочка живёт в солнечном луче. Луч – её последняя возможность согреть своё тельце. Перемещается солнце по небу – перемещается и бабочка вместе с ним.

Однажды, наблюдая эту картину сквозь волшебные очки, сострадая озябшей бабочке, я случайно взглянул на небо. И увидел планету, пробивавшую себе путь в ледяном просторе. Она вращалась вокруг своей оси, согреваясь,

подобно бабочке, солнцем. Присмотревшись внимательней, я увидел на поверхности этой планеты Жигули, а вслед за ними – Памир, Урал, Алтай и Забайкалье.

«Что-то со мной произошло, – подумал я, ощущая тепло в своём сердце. – Волшебные очки научили меня согреваться и согревать!»

* * *

Закончу свой очерк обращением к людям, которые носят волшебные очки.

Давайте согреем наши земли, став яркими солнцами для них!

Глоссарий

Аршин – мера длины, равная 0,71 м.

Ассигнации – бумажные деньги в старой России.

Балясины – точёные столбики перил.

Бахчи – поле, засеянное арбузами, дынями, тыквами.

Баюн – балагур, рассказчик.

Бражка – домашнее пиво.

Буерак – небольшой овраг.

Буколическая любовь – чистая, возвышенная.

Василиск – сказочный змей.

Вещий – пророческий.

Верста – мера длины, равная 1,06 км.

Витязь – отважный и доблестный воин.

Вурдалак – мертвец, встающий из могилы.

Гауптвахта – место для арестантов.

Гильдия – разряд, который присуждался купцу в зависимости от накопленного им богатства.

Горница – комната.

Дебошир – драчун, забияка.

Долдонить – твердить одно и то же.

Дьякон – помощник священника.

Дюжий – сильный.

Дюжина – двенадцать.

Дюйм – единица длины, равная 2,54 см.

Жалейка – дудочка из коровьего рога или бересты.

Забулдыга – беспутный человек.

Каланча – башня для наблюдения.

Калика – здесь: странник-богомолец.

Калякать – говорить.

Камердинер – царский слуга.

Канифас – хлопчатобумажная ткань особой отделки.

Канючить – надоедливо просить о чём-либо.

Каравай – большой круглый хлеб.

Конёк – украшение на крыше дома.

Каюк – конец.

Краля – роскошная женщина.

Кручина – горе, тоска.

Кумекать – размышлять.

Купава – красавица.

Купец – торговец.

Ладан – ароматическая смола, употребляемая при богослужении.

Метрическая книга – книга учёта важнейших событий в жизни человека.

Морёный – тёмный, обработанный особым веществом.

Нафабрить – покрасить особой краской, так называемой фаброй.

Не́жить – дух, привидение.

Оберег – священный предмет, способный оберегать человека.

Отшельник – аскет, монах, живущий уединённо.

Плис – хлопчатобумажный бархат.

Подызбица – иначе подполье.

Поленница – дрова, сложенные вместе.

Пономарь – то же, что и дьякон.

Послушник – человек, готовящийся стать монахом.

Почить – умереть.

Преставиться – умереть.

Раж – сильное возбуждение.

Реликтовый – очень древний.

Рушник – полотенце.

Сажень – мера длины, равная трём аршинам (2,13 м).

Сермяга – грубое некрашеное сукно.

Скабрeзный – неприличный.

С кондачка – несерьёзно, легкомысленно.

Снедь – еда.

Таран – атака собственным телом.

Тать – вор, разбойник.

Тирада – фраза, произносимая в приподнятом тоне.

Тримóрок – дух, способный обращаться в людей и морочить голову окружающим.

Ухайдакать – замучить, загубить.

Фартовый – замечательный.

Содержание

Вместо предисловия	3
------------------------------	---

Часть I Подгорские сказания

Сельское достояние	6
Как село Подгоры возникло	13
Хитрый Софрон	15
Ладоград	17
Заколдованное крыльцо	23
Иванова берёза	25
Настя и витязь Борислав	27
Изба-фонарь	35
Сомы глубокого омуты	37
Три подарка	40
Смерть камня	46
Своеручное письмо	49
Шальдана	51
Ночной разговор	57

Расщелина в скале	62
Совет седых старцев.	65
Трёхглавый дракон	68
Скорое наводнение	72
Два солнца	76
Герой Крымской войны	82
Чудо-рыба	83
Песня раскаявшегося разбойника	88
Два Михаила	90
Прошение на Высочайшее имя	96
Закрытая карета	99
Агей и Верка	101
Корни камней	106

Часть II

Сказы и байки Самары

Мать первого министра	110
Пожар в Запанском посёлке.	112
Телеграмма в Москву	114
Новый квартирант	116
Стул самарского мещанина	119
Суровая нитка	121

Видение	123
Воскресший судья	125
Пудра из цветочной пыльцы	134
Новое объяснение.	136
Находчивый портной	138
«Яблоня»	141
Новый тучепрогонитель.	144
В высоком небе	148

Часть III

Сказания о жигулёвских отшельниках

Горшок с золотом	154
Синий чаёк	158
Отшельник и соловей.	162
Сказка ни о чём.	166
Сон и калика переходящий	168
Купец и отшельник.	171
Тайны Божьего мира	178
Хрустальный шар	180
Великан Ярыня	187
Фотограф и подгорская девица	190
Как прогнали великана	194

Голубиная книга	196
---------------------------	-----

Байки о жигулёвских отшельниках

Предисловие	198
Великаны из Полуночной страны	201
Видели старичка	202
Душа отшельника	203
Озеро-икона	204
Мысленный обход	206
Лапти и размышление	208
Рождение отшельника	209
Весенняя посевная	210
Будущий город	211
По-доброму смеялись	212
Строчка	213
Помощь Красоты	213
Ветка орешника	215
Марья Капитоновна	216
Улучшатель	217
Бумажное производство в Общине	218

Сон	219
Невидимые птицы	220
В глубине, холодной и мрачной	221
Райски прекрасная одежда.	222
Глаз Дьявола	223
Забота отшельника	224
Песня Ангела	224
Третий язык.	225
Травоядный хищник.	226
Признание отшельника	226
Проповедь без благодати	227
Стихи Вихря	228
«Поговорим о Пути»	229
Бельмо в глазу человечества	230
Молитва и песнопение	231
Ангельский язык.	232
Сила милосердия	233
Необычная молитва	233
Голос Бога	234
Калоши отшельника.	235
Предсказание.	236

Поглощённый молитвой	237
Одежда из стрел	238
Ежевичный чай	239
Обычное с виду слово	240
Спросили отшельника	241
Новые пути	242
Чудо отшельника	243
Сосуды сообщающиеся	244
Корзина с наградами	245
Возвращение	246
Иметь в самом себе монастырь	247
Монастырь и монахи	248
Ещё один отшельник	249
Станный сон	250
Вопрос о счастье	251
«Приди, и увидишь сам»	252
Резервы планеты	253
Мудрость, разлитая повсюду	254
Хромовые сапоги	255
Три ответа	256
Племя язычников	257
Ответила тишина	258

Кругосветное путешествие	259
Музыка Жизни	260
Приглашение Ангела	261
Надёжной стеной	262
Калистрат и время	263
Верные друзья.	264
Свет из тьмы	265
Часы отшельников	265
Любопытство	266
Эпифания речной кувшинке	268
Записка под камнем	269
Белые ночи в Самаре	269
Слова Учителя	270
Двадцать лет спустя	271
Признак просветления	272
Молитва и сострадание	273
Муравьиная грамота.	274
Незнакомый прохожий.	275
Не мёрзли никогда	276
Совсем по-другому.	277
Наставление о смерти	278
Будь Богом.	279

Цветок ромашки	279
Осуждение	280
В блеске луны	281
Тетрадка	282
Разное поведение	283
Руки Христа	284
Утро нашей жизни	284
Кто виноват?	285
Луна на небе	286
Дары молитвы	286
В докиевские времена	287
Старец Иридий	288
Единая Книга	289
Звучание тишины	289
Вопросы затворничества	290
Совет наставника	291
Пещерное время	292
Выбор наставника	293
«Воздушный» старец	294
В глубинах сознания	295
Узлы противоречий	296
Поджигатель	298
Особые упражнения	299

Танцующая пыль	300
Арифметика просветления	301
Старинная песня	302
Школьный глобус	303
Приход к отшельничеству	305
Соборная молитва.	306
Праздник Чаши	308
Путь Молчания	308
Шахматы Бога.	309
В той же самой ступе	311
Первая степень просветления	312
Учение Радости.	314
Альпийская астра	315
Луковки и семена	316

Волшебные очки

Волшебные очки	318
Глоссарий	359

Муханов Игорь Леонидович

СКАЗЫ И БАЙКИ ЖИГУЛЕЙ

Художественный редактор – А. Цами

Компьютерная вёрстка – П. Молчанов

Дизайн обложки – А. Москвичёва

ISBN 978-5-9908164-2-8

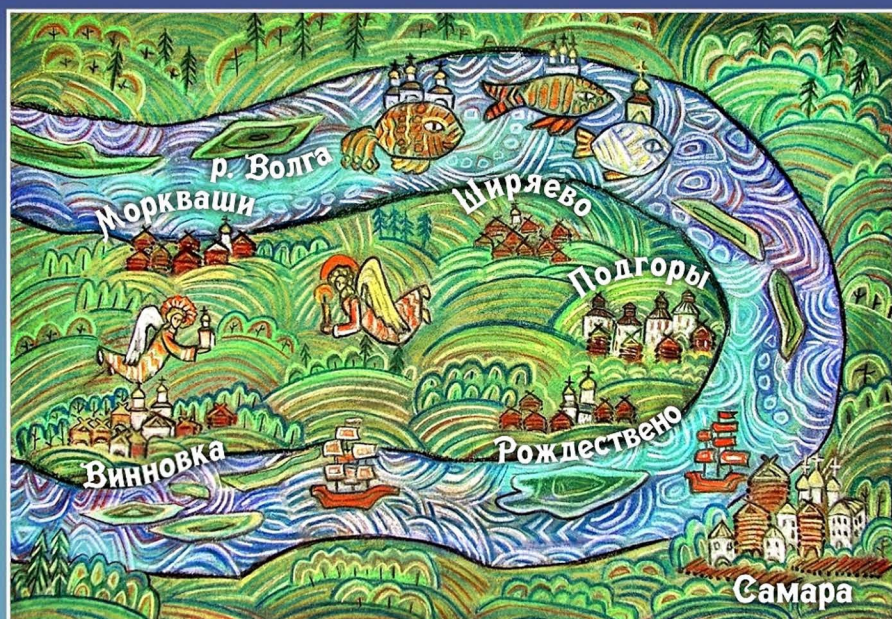
Сдано в набор 23.05.2022. Подписано в печать 09.06.2022

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 23,25. Заказ № 0906.

Региональное отделение Алтайского края
Общероссийской общественной организации
писателей «Общероссийское литературное сообщество»,
659333, Алтайский кр., г. Бийск, пер. Муромцевский, 2

Игорь Муханов – поэт, прозаик, собиратель русского, бурятского и алтайского фольклора. Автор книг: «Дождь из цветов» (бурятские буддийские притчи), «Небесное в земном», «Хвала засохшему дереву», «Командировка на Землю» и др.

В 2016 году Игорь Муханов стал лауреатом литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя».

ISBN 978-5-906772-17-6

9 785906 772176

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОГО
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ